

Павел БЕБЛАВЫ

Наследник Мурана

Исторический роман

1.

Как прекрасна наша Словакия! Один взгляд на эти благородные Татры, на эти чудесные долины Грона и Вага так захватывает душу человека, что невозможно насытиться их красотой. Прекрасны наши холмы, горные луга, да и в этих пустынных утёсах есть нечто очаровательное. Ещё большее очарование добавляют им взметнувшиеся на возвышенностях до небес, безлюдные, уже находящиеся в развалинах крепости и замки. Лежат они в руинах, и в них почивает не один подвиг словаков за минувшие тысячу лет. А из этих развалин время от времени случай ещё доносит до слуха потомков какой-нибудь из славных подвигов наших предков будь то в песне, будь то в предании.

Как же прекрасны эти наши предания, прекрасны как прекрасна словацкая женщина, у которой на щеках — розы, на губах — малина, а на челе белые лилии цветут. Каждое из этих преданий нашего народа так же прекрасно, как прекрасна нитрянская Лада. Кто смотрит на неё, не может насытиться; точно так же кто слушает наши сказки и предания, не может их наслушаться. И живи он целых три века, и тогда желал бы постоянно слушать наши сказки и песни. А народ наш разговорчив, он всегда охотно рассказывает. Где живёт хотя бы одна словачка, там вся округа отзывается её песням. И если бы человек полсвета обошёл, нигде не нашёл бы он более весёлого народа, чем словаки. Наш народ и наша земля словно бы созданы для пения. Один без другого кажется и жить не могут. Ба, если словаку где-нибудь и было бы лучше, он меж домами всё же вставил бы свои холмы.

Однако были времена, когда и наш словацкий народ на время утратил свою весёлость. Я этого, правда, уже не помню, но прабабка моей прабабушки рассказывала, возблагодари их Господь на том свете за то, что их прабабки это помнили, поскольку жили они тогда не так, как мы, а либо в бедных избушках, или там в замках, где они, говорят, были няньками либо я и сам уже не знаю кем. Да и кто бы с той поры всё это помнил, когда уже прошло так много времени. Уж я-то точно не сумею рассказать это так, как умели они. Вот и перескажу всё так, как до сегодняшнего дня запомнил.

Случилось это как-то летом, в одно из воскресений. Дядюшка мой как раз вернулся из поездки. Мы сидели вне дома под деревьями. Солнце как раз заходило, и девчата с парнями возвращались с песнями домой.

«А ведь и правда, — говорит мой дядюшка, — что эта долина самая весёлая, не представляю себе, чтобы здесь царило что-либо кроме песен и веселья».

«Да, горе здесь, быть может, никогда и не царило», — перебиваю я его непочтительно.

«Ну, ничего подобного», — говорит мне бабушка.

«Но мне об этом ничего не известно, бабуля!»

«И мне, сынок мой, как и самым старшим среди нас, поскольку было это давно, но моей прабабушки прабабушка кое-что помнила... Она рассказывала мне всё, что слышала от своей прабабушки, мать которой жила в замке и помнила ту турецкую войну, поскольку жила она там, где турки много христиан перебили».

«Так почему же вы нам не расскажете, как это вам когда-то рассказывала бабушка?»

«Ах, сынок мой, сколько раз я об этом уже рассказывала, но ты был маленьким шаловливым мальчишкой, который слушать не хотел свою бабушку. Когда немного подрос, отправился в школу и уже не имел возможности меня слушать!»

«Зато сейчас вы об этом мне расскажете, правда, бабушка?»

«Да, мой сынок, но будь очень внимателен, чтобы ничего не забыл, если когда-нибудь тебе тоже придётся рассказывать».

«Только начните с самого начала, когда мать той самой прабабушки в этом замке жила».

«Ну, хорошо, тогда слушай».

Я сел поближе, и бабушка мне рассказывала.

«Было это и в самом деле когда-то очень давно, когда вон тот замок ещё стоял. Король подарил его некоему Торналли. Который вскоре женился и взял в жёны очень красивую девушку. Наша древняя прабабушка о тех временах часто вспоминала. Свадьба, кажется, целую неделю продолжалась».

«Значит это были не печальные времена», — прервал её рассказ дядюшка.

«Вот подожди, придёт и этому время. Слово не знаешь, что после радости бывает печаль?»

«А после печали — радость, — говорю я, чтобы только вмешаться в разговор. — Но рассказывайте дальше, бабушка, что было потом?»

«После весёлой свадьбы примерно через год последовали ещё более весёлые крестины. Супруга Торналли родила прелестного мальчику. Однако после родов она была очень слаба, поэтому Торналли искал какую-нибудь кормилицу. Наша прабабушка или уже прабабушкина прабабушка, — уже и не знаю как назвать, ведь это было так давно, довольно того, что это была одна из наших родственниц, которая была ещё молодой, красивой, румяной женщиной, — вот её-то и взял Торналли кормилицей своему сыну. Эх, и хорошо же ей там было. И не только

ей, но и всему семейству, которое спупруга Торналли разными способами обогащала, да, если бы Господь Бог не забрал её к себе, она могла бы нам во многом помочь, может быть, мы бы и земанство получили. Но однако Господь Бог её рано забрал, она была ещё очень молода».

«А потом умерла?» — спрашиваю я с любопытством.

«В самом деле умерла, но не раньше, чем до этого дойдёт речь. Довольно того, что нам, то есть нашей семье было хорошо пока та прабабушка в замке жила. Однако продолжалось это недолго. По стране был разослан окровавленный мечь, чтобы земанство валом валило под знамёна короля против турок.

Торналли, стало быть, тоже собирал свою дружину на поле битвы. Его супруга настойчиво просила, чтобы он и её взял с собой. Однако он ей всячески возражал и убеждал, что ей следует остаться при обороне крепости, что так не принято, чтобы жёны с мужьями шли на бой. Но всё это нисколько не помогло. Молодая женщина не позволила себя уговорить; стало быть, вопреки воле мужа она пошла с ним, взяв с собой и сына, которому шёл уже третий год. И прабабушка нашей прабабушки тоже пошла с ними как няня.

После долгих скитаний там и сям дошли они до рокового Мохача, ведь так, кажется, это зовётся. Ты должен бы знать, Палко, ведь в школу ходишь».

«Да, именно так и называется, — говорит мой приятель, который сидел рядом со мной. — Ведь это, кажется, то место, где ужас сколько христиан пало».

«Да, да, — подтверждает бабушка. — Вы, возможно, и дату знаете, а я не знаю».

«Не могу сказать с уверенностью, — перебивает её мой дядюшка, — сражалось их до 42 000, что пали в том роковом сражении. Сам король, который хотел спастись бегством, нашёл смерть в водах Челе, где его конь утонул в болоте. Кроме его остались на поле боя семь епископов и 28 крупных сановников; из родовитой шляхты — около 500 шляхтичей, так что очень мало осталось тех, кто сумел сохранить жизнь».

«Но что же стало с Торналли? А его жена, она тоже присутствовала при этой битве?» — спрашивает мой товарищ.

«Утро, говорят, было пасмурным. Но вскоре припекло солнце, которое наше войско так изнурило, что к полудню оно даже шевельнуться не могло. Бедолаги! Было уже за подень, а они там стояли ещё голодные, когда на них турок напал. Сначала, говорят, наши побеждали, но потом не знаю как это случилось, что наши были побеждены, стало быть пустились они наутёк. Большое смятение было, не только в войске, но и среди обозных. В этом смятении принесли в лагерь раненых, среди них был и Торналли. Его жена лишилась чувств. Пришлось её и его с большими затруднениями выносить из шатра, чтобы уберечь их от мусульманской дикости. И счастливо их спасли».

Тут пришла мать, прервала бабушкин рассказ, приглашая нас к ужину. Но поскольку я редко ужинаю, дорогой читатель, если нравится тебе, перескажу и остальное, что рассказала мне бабушка в тот вечер.

1. Потерянное дитя

Излишне было бы описывать читателю, где лежит злосчастный Мохач, ведь его более-менее знает каждый читатель. Известно читателю и то, что 29 августа 1526 года на этом несчастном поле сошлись для жестокой битвы турки и венгерские христиане.

Произошло это как раз на следующий день после несчастной битвы, то есть 30 августа. Мохачское поле было покрыто тысячами трупов. Над ними летали стаи хищников, тут и там гурьбой спускались они и безжалостно выклёвывали у павших воинов очи. Скорбным и разрывающим сердце был вид несчастного Мохача и ещё более несчастных павших воинов, поскольку их никто не пожалел, а ведь они были весьма достойны сожаления. В самом деле, достойны сожаления, поскольку никто их даже не осмотрел, никто не перевязал горячую рану павшего; не было тут никого, кто подал бы умирающему от жажды освежающей воды, так что горячая кровь собственных ран либо ран соратников, в которой все купались и которая словно красное сукно покрыла весь Мохач, эта кровь должна была утолять жажду многих. Сколько было их там, кто мог бы излечиться от ран, однако покинутые, лишённые помощи, все без исключения они должны были отправиться в мрачную, ужасную могилу.

Тишина была на Мохаче, могильная тишина. Сегодня здесь не раздавался ни звук труб, ни рёв битвы, так что ни карканье ворон, которое чем далее, тем более усиливалось, ни последние вздохи умирающих были не в состоянии разбудить на поле сражения турецкую стражу. Уже давно был день, а она всё ещё спала.

Ещё на восходе солнца на поле сражения можно было заметить маленького мальчика. Однако не было тут никого, кто обратил бы на него внимание. Его безудержный плач никто не услышал, никто не утешил бедняжку! Кто знает, где его отец, или куда подевалась мать. Утомлённый долгим плачем, мальчуган снова склонился к земле, положил свою голову на ближайший труп и уснул.

Как только мальчик перестал плакать, пришли на поле сражения три женщины. Но ни одна из них не была матерью потерянного ребёнка, поскольку все трое больше заботились об имуществе павших, чем о потеряном дитя. Каждая из них шла своей стороной, а все трое, казалось, пришли искать на поле сражения только добычи. Одна тут, другая там наклонялись к земле, осматривая карманы павших. Очень часто одна из женщин останавливалась, смотрела вокруг, в глазах её слёзы искрились, а из груди вырвался тихий вздох. «Боже, будь милостив и смилуйся надо мной!»

Тотчас к ней подошла вторая из них и завела такой разговор:

«Как вижу, ты плачешь, Зузка. Однако это нам нисколько не поможет. Мы должны заботиться об освобождении».

«Ах, зачем мне эта свобода, если я потеряла то, что было может быть самым дорогим на свете. Янко мой, Янко мой, где тебя отыскать?»

«Напрасно ты будешь искать его среди живых. Он давно уже на конских копытах, бог знает в какие стороны света разнесён».

«Ах, сердце разрывается; довольно подобных слов. Ох, почему же такая судьба прежде меня не постигла».

«Ну-ну, только не веди себя так смело. Или ты полагаешь, что турки спят так же, как эти убитые? Ошибаешься. Скоро они будут на ногах, а потом тебе точно уже и плач не поможет. Вот и смотри, как нам скорее это место покинуть».

«Что, — окликнула позади третья женщина, постепенно приближаясь, — уже нашли что искали?»

«Да, нашли, — отозвалась вторая. — Зюзка кроме архиепископского креста нашла труп Драффи, у которого ещё и золотой перстень на пальце. Удивительно, что турки о нём не пронюхали. А я — смотри-ка: это ружьё Оршаго. Будет мне вечная о нём память. А эти часики принадлежат, то есть принадлежали Запольскому, ну а сейчас мои. Бедолага, вчера в это время он тоже ещё и не помышлял о Царстве Божьем».

«Ну-ну, только не богохульствуй, а то и ты пожалеешь».

«А ты уже снова с Писанием начинаешь. Сейчас не время. Оставь до следующего раза. Лучше позаботься о том, чтобы мы оказались где-нибудь в другом месте. А ты, Зюзка, слёзы свои тоже оставь до следующего раза. Пойдём, ну пойдём!»

«Нет, я не могу, — перебивает её Зюзка. — Я не смею, не дай Боже!»

«А я, — говорит вторая женщина, — я тоже не пойду, поскольку ещё ничего не нашла. У вас уже есть что-то на память, а у меня нет, поэтому я должна что-нибудь найти».

«Ну, только недолго, поскольку не хотелось бы мне за твою память жизнью, а то и турецким рабством заплатить. Мы уже тем подвергаем себя большой опасности, что отважились оказаться в пути. О чём уж тут говорить, в самом гнезде опасности? Пойду я, стало быть, наших коней приведу поближе, а вы тем временем можете ещё что-нибудь осмотреть».

Они снова разошлись. Солнце начало изрядно припекать. Турецкая стража уже начинала пробуждаться. Зюзка была не в силах сдвинуться с места, горькие слёзы всё сильнее заливали её щёки. Когда одна из женщин ушла за конями, вторая приблизилась к турецкой страже. С большой осторожностью осмотрелась она во все стороны, взгляд её словно искал какую-то дорогую добычу. Однако нигде ничего не обнаруживалось, что могло бы успокоить её взгляд. Ещё ближе подошла она к палатке турецкой стражи, ещё раз осмотрелась во все стороны и тут, когда уже хотела направиться в обратный путь, увидела спящего ребёнка, который головкой опёрся на человека, который упал в бою и, казалось, сладко спал. Озираясь, женщина побледнела словно стена, приближаясь, не знала, поднять ли ей дитя или тут оставить; — впрочем, кто знает, над этим она размышляла или ей было просто жаль мальчугана. Однако размышляла она недолго, поскольку склонилась над ним, тихонько подняла, чтобы не разбудить. И всё же мальчик, едва почувствовал прикосновение, принялся протирать глаза и, видя себя в руках незнакомой женщины, стал кричать во всё горло. Однако она не обращала на это внимания, а поспешила к своим компаньонкам, не принимая во внимание и крики турецкой стражи, которая пробудилась ото сна.

Первые две спутницы были уже на конях, когда к ним вернулась третья.

«Разрази тебя гром! Поворачивайся! — кричала ей навстречу одна. — Иначе за твоё сокровище мы заплатим слишком дорого». — Однако вторая из них улыбалась, и вся печаль, которая до этого была разлита по её лицу, исчезла при первых криках мальчугана. Подобно молнии, подбежав, вскочила женщина на стоящего в готовности коня. И пока в погоню за ними воины из турецкой стражи собрались, поскольку тому тюрбана, тому ружья, а тому ещё чего-нибудь недостовало, и пока они это всё нашли, женщины с ребёнком одолели приличную часть пути.

«Постарайтесь как-нибудь задержать турок, пока я немного отдамлюсь», — кричала своим спутницам женщина с ребёнком.

Две другие женщины остались позади. Турки всё приближались и приближались, но видя, что женщины устают, замедлили и они свою погоню, зато первая женщина ещё сильнее пришпоривала своего коня и была уже далеко, когда турки приблизились к Зузке и второй женщине.

«Знаешь что? — говорит вторая женщина Зузке, когда турки приблизились на расстояние выстрела. — Ты пустишься вправо, а я поеду влево. Турки не знают, за кем им держаться, меня или тебя преследовать. Разделиться они не разделятся. Одна из нас освободится. Стало быть, ты иди вперёд, а я ещё подожду, пусть ещё приблизятся, тогда действительно все кинутся за мной».

Зузка, которой уже было тоскливо, сразу послушалась совета и повернула вправо, в то время как вторая ещё какое-то время ехала спокойным шагом. Когда турки уже существенно приблизились, свернула и она влево. Среди турок возникло замешательство, поскольку они не знали, в какую сторону им направиться. Зузка была дальше, чем её спутница, а той, которая умчалась с ребёнком, уже не было видно. Турки помчались за той, которая ближе».

Когда бабушка дошла до этого места, я прервал её рассказ.

«Но расскажи же о той нашей прабабушке, которая жила в замке. Что произошло потом, она снова жила в замке?»

«Подожди, не будь таким нетерпеливым», — и бабушка продолжила рассказ о том, как турки преследовали эту третью женщину. Как та избавилась от погони, и они, посрамлённые, повернули назад. Но я этого уже не слышал, и когда бабушка заметила это, она не захотела мне больше рассказывать, стало быть в этот вечер я вынужден был этим довольствоваться.

В бегах

На следующий день мне пришлось долго уговаривать бабушку, прежде чем удалось склонить её к продолжению рассказа. Она выглядела сердитой и совершенно не хотела мне рассказывать. Тут подошёл и

мой приятель, который тоже просил, чтобы она нам продолжила рассказ, так что нам наконец удалось её уговорить, но при том условии, что мы излишним любопытством не будем её перебивать. Что оставалось делать, хотя и без всякого желания, но раз уж хотел я продолжения рассказа, должен был дать обещание.

Как только я это сделал, бабушка рассказала, что последовало дальше.

«После той битвы при Мохаче турецкое войско разделилось на множество частей. Одна из этих частей осталась на поле боя, тогда как остальные разлетелись почти во все стороны, куда, можно было предположить, побежал кто-либо из наших братьев, либо была там поблизости какая-нибудь деревня или местечко. Это и были те печальные времена, которые мы застали. Они начинаются от этого поражения и простираются вплоть до наших дней. Должно быть, это очень печально, когда не было такого дома, в котором не оплакивали бы отца, брата или кого-нибудь из знакомых. При одних только слухах об этом поражении люди разбежались из самых отдалённых мест. А противник наступал прямо на Будин, поскольку его никто нигде не останавливал. Деревни и местечки, через которые он проходил, все превратил в пепел. Скрывающихся наших братьев турки всюду преследовали и когда находили, брали в рабство. Прошло всего лишь три дня после поражения, а турки уже хлынули на Вацов.

Вацов был оставлен. Кто имел хоть малейшую возможность, искал убежища в ближайших пределах. Солнце как раз клонилось к закату, когда на вацовском холме появилась довольно большая толпа путников. Впереди ехал господский экипаж, в нём — господин с перевязанной головой, а рядом с ним — скрытая за плотной вуалью молодая женщина, вероятно его жена. За экипажем ехало несколько вооружённых всадников. Поезд, может быть утомлённый дальней дорогой, либо из-за раненого господина двигался потихоньку.

На лице мужчины отпечаталось горе, которое, казалось, испытывала и его жена, и возможно даже в большей степени. Её щёки выдавали красоту, но эта красота из-за постоянного увлажнения горячими слезами, казалось, терялась, как теряется красота цветов, если они непрерывно подвержены воздействию солнечных лучей.

«Не плачь, Драгушка¹ моя! — утешал её супруг. — Чем тут поможешь! Господь Бог его не оставит, кто знает, может он ещё найдётся?»

«Кубко² мой, ах, почему я тебя не послушала. Почему на меня ты не сердись, почему меня ласково называешь, почему не проклинаешь меня? Ведь я... я... — говорила женщина плаксивым голосом, — я тому причиной, что твой сын, твоя единственная радость, единственный наследник Мурана пропал. Или Бог это может быть знает...» — и она не закончила. Бледное лицо её побледнело ещё больше. А из глаз целые потоки слёз заливали лицо.

¹ Драгушка — женское имя, производное от Драгомила, Драгомира, Драгослава, Драготина. — *Прим. пер.*

² Кубко — мужское имя, производное от Якуб. — *Прим. пер.*

Кубко, как она его называла, казалось был несколько задумчивым. По бровям его можно было заметить, что какая-то неприятная мысль промелькнула в его сознании, да и в глазах его видны были слёзы. Однако он умел всё это утаить, и только внимательного наблюдателя не провело бы его внешнее безразличие, поскольку борьба, которую он вёл сам с собой, свирепствовала в нём в наивысшей степени, и горе, которое сотрясало его сердце, никаким притворством не удалось бы скрыть, и он, подняв взгляд, вздохнул.

«Ах, сын мой, если бы я только знал, жив ли ты».

Этот вздох так терзал сидевшую рядом женщину, что та вскрикнула словно в отчаянии и бросилась на шею мужа, умоляя его о прощении.

Горестным и разрывающим сердце был взгляд на эту молодую, борющуюся с отчаянием и болью женщину.

«Ради Бога! Драгушка, о чём ты думаешь, опомнись и не отчаивайся. Нельзя терять надежду. Ещё не все собрались. Кто знает, где кормилица, а с ней Башо и Ковач, мои самые преданные друзья. Уверен, что сын наш находится под их опекой».

«Если бы так и было, Кубо мой миленький, — вздохнула его жена. — Но ты не думай, что мы забыли о нашем сыне под этим несчастным Мохачем. Кормилица в большом смятении не знала что делать, я о тебе заботилась, а ей велела, чтобы она смотрела за нашим сыном. Бедняжка, в самой большой сумятице он спал, и нянька, поскольку лежал он не там, где обычно, не могла его найти. О, я несчастная мать! Ох, как же я так поздно о сыне вспомнила».

Наступила тишина. Обоим супругам сейчас казалось, что небо на них обрушится или земля перед ними разверзнется, и они провалятся в бесконечную глину, которая предстала перед их глазами.

Едва они покинули Вацов, тотчас следом на запыхавшемся коне примчался турецкий посыльный, сопровождаемый двумя спутниками, которые держались поодаль. Он хотел бы кого-нибудь дозваться, но тщетно. Вацов был пуст, а те, кто остался, с появлением турецких всадников тотчас кинулись бежать либо попрятались. Это длилось недолго, и первый всадник снова покинул Вацов, в то время как двое ещё отдыхали в городе. Меж ними вёлся такой разговор.

«Знаешь что?» — говорит один из них.

«Ну?» — спрашивает второй.

«Неплохо было бы поменять эти турецкие одежды на что-нибудь другое. Турок тут ещё нет, и потом, кто знает, что из этого может получиться; не пришлось бы заплатить за это жизнью».

«В этом ты прав, — соглашается с ним другой. — Но где их взять?»

«Если не ошибаюсь — говорит первый, — во всём городе нет ни души. Войдём в любой дом, что-нибудь где-нибудь да найдём».

«Ну, мне всё равно, значит пойдём. Но нам следует поторопиться, чтобы он от нас далеко не ушёл». Они договорились и ушли.

Однако им не потребовалось много времени, чтобы переодетыми помчаться вверх по вацовой горе вдогонку за турецким гонцом. А тот, как можно было заметить, хотел бы как можно скорее настичь неуловимую компанию или, точнее, мохачских беглецов.

Неуловимые ехали только шагом. Они долго не замечали, что к ним кто-то приближается. Тишина, которая царила у них, когда мы их недавно оставили, ни чуть не была нарушена. Бог знает о чём они, отец и мать, думали, но, не сомневаясь в том, что мысли угадать трудно, мы всё же могли бы утверждать, что мысли их были схожими, что оба думали о своей утрате — кто знает сейчас, где находится дитя.

От этих мыслей их отвлекло какое-то беспокойство и перешёптывание дружины, которое возникло, как только был замечен приближающийся турецкий всадник. Движение это не укрылось ни от Торналли, ни от его супруги, а это были они, которые с остатком дружины старались как можно быстрее попасть в свой замок Муран. Это был тот самый Торналли, который несколько месяцев назад недовольный отправился в лагерь, возмущённый неуступчивостью жены, которая не хотела его оставить и вопреки его воле сопровождала его в лагерь. Тогда он был угрюмым, а сейчас ещё угрюмее, поскольку тогда он утешался по крайней мере тем, что если погибнет, то оставит после себя наследника, который завладеет его имуществом и в том числе прекрасным замком Муран. А сейчас он эту надежду утратил, поскольку вместо сына остался он наследником, а сын? — Может быть где-нибудь попал в руки турок, либо, кто знает, жив ли ещё? А он? Он тоже ранами осыпан и, кто знает, оправится ли от них? И кто же рядом с ним? Разве это не его прежде весёлая половинка? Да, это она, только весёлость и спокойствие исчезли с её лица, как опадают осенью листья и деревья остаются словно опустевшие дома из которых разграблены утварь и украшения; так и её лицо было лишено и украшений, и спокойствия. В ней возникли тысячи укоров, которые выставляли в её душе несговорчивость причинной утраты ребёнка.

Дружина Торналли вдруг остановилась; он оглянулся.

«Ого! Что я вижу? Турки уже сзади: мы пропали!» И едва он это произнёс, два ружья выстрелили, и турецкий всадник упал вместе с конём, который его придавил. Падая с коня, он распустил свой плащ, из которого что-то, желая сохранить, поднял вверх и отбросил в сторону. Это был мальчик с мохачского поля сражения.

Мальчик вскрикнул; на его крик последовал отклик с другой стороны, и это был крик его матери. «Моё дитя!.. Боже мой!» — доносится вдруг, и бедная мать, желая выпрыгнуть из повозки, падает и становится бледной как стена, из головы её течёт кровь, а она что-то ещё шепчет губами, замирает без движения, уткнув голову в несчастный камень, о который она расшиблась.

Спустя мгновение все словно онемели. Каждый оставался на своём месте словно прикованный. Никто не отважился прийти на помощь, привести её в чувства — сам Торналли стоял словно оглушённый. Губы его, казалось, что-то говорят, но голоса не слышно. — Спустя минуту он в отчаянии срывает со своих ран повязки, спрыгивает с коня и останавливается у супруги текущую из раны кровь. За ним и слуги поспешили на помощь своей хозяйке.

Пока дружина Торналли вместе с ним усердно пыталась привести в чувства свою госпожу, спутники турецкого всадника прибыли на ме-

сто, где тот пытался всеми возможными способами высвободиться из под тяжести коня. Как те своей госпоже, так эти старались всеми способами помочь своему товарищу. С довольно большим усилием им это удалось. А когда он был освобождён, они пытались успокоить ребёнка, который до сих пор кричал.

«Видишь, — говорит один из них, — всему виной твоя спешка. Неужели не мог скинуть эти проклятые одежды, видя, что мы далеко от турецких преследователей?»

«Ах, не так уж и далеко, — говорит тот. — Не пройдёт и двенадцати часов, как турки будут здесь, да может быть и нас опередят».

Пока эти двое разговаривали, третий охранял мальчика.

«Ну, не плач, Янко мой, дорогое моё сокровище, ведь ты уже не среди чужих. Ах, сокровище моё самое дорогое, кажется, я умерла бы за тебя. Ах, как же будут радоваться твой отец и твоя мать...»

Я уже умирал, снедаемый любопытством, так как бабушка нам не рассказывала, кто были эти особы, и поскольку я не мог подавить своё любопытство, я попросил, вопреки своему обещанию перебив бабушку, чтобы она рассказала нам, как прибыл сюда юный Торналли.

«Вы помните, — говорит бабушка, — на следующий день после несчастного поражения при Мохаче, рассказывала я вам, на поле битвы были три женщины. Они искали на поле сражения потерянного Торналли, а найдя, забрали его с собой. — Одной из этих женщин была наша прабабушка Зуска; другие две были Башо из Чолтова и Дурко Ковач, оба переоделись женщинами, чтобы их не узнали. Ковач нашёл там, как вам известно, маленького Торналли и сразу пустился с ним наутёк, в чём ему помогали Башо и наша прабабушка, так что все трое счастливо добрались до самого Вацова. В Вацове Башо и наша прабабушка переоделись, а Ковач хотел как можно быстрее догнать убегающего Торналли, чтобы его и мать избавить от жутких страданий, поэтому и спешил только за ними, не обращая внимания на губительные турецкие одежды, которые, как вы слышали, ежесекундно подвергали его опасности. И если бы не падение Торналли, кто знает, не пришлось бы ему поплатиться жизнью».

«Ну а с супругой Торналли что же случилось? Ведь она не разбилась?»

«Не совсем, — говорит бабушка. — После долгих попыток привести в чувства, посчастливилось вернуть её к жизни, но полностью она так и не выздоровела. Рана её зажила, но только снаружи. Внутренние раны залечить не удалось, поскольку примерно через год она умерла от воспаления мозга. Но, впрочем, на чём же я остановилась? Видишь, снова ты меня перебил... Ага, уже знаю.

Когда Ковач был высвобожден из-под застреленного коня, они последовали за дружиной Торналли. Но что удивительно, — вместо радости их ожидало горе, особенно Ковача, на которого Торналли до самой смерти глянуть не мог, чтобы не рассердиться либо не прослезиться; поскольку не знал, должен ли он его ненавидеть, — но как, ведь он сохранил ему сына, самое дорогое на свете. Значит рад его видеть? — Тоже

нет, поскольку он был причиной утраты той, кого он любил так же как сына, своей самой любимой Драгушки.

Долго отдыхала дружина Торналли на вацовской горе. Думали уже, что упавшую госпожу никогда больше не приведут в чувства, все средства были напрасны, и кто знает, если бы не плач ребёнка, очнулась бы она? Стало быть, на плач мальчика, борясь со смертью, пришла в сознание гопожа Торналли. А ведь и жалко было бы распутившиеся цветки выдернуть из клумбы из-за того, что зной немилосердно растопчет красоту. Жалко, стократ жалко молодую женщину вырвать из клумбы блаженства, которое она находила на груди своего мужа и в радости любимого дитя, жалко, говорю, было бы положить её в сумрак страшной могилы. И всё же помочь было невозможно. Она, конечно, на какое-то время поправилась, может быть для того, чтобы излечить от ран своего мужа, порадоваться сыну, и в этом самом прекрасном возрасте, словно в самое цветение цветка, с ними навек разлучиться. Слезы падали из её глаз словно горох, когда она расставалась с мужем. И было видно, что у неё нет желания покинуть этот мир. Её последними словами были: «Муж мой любимый, не позволено мне жить с тобою в любви, и о тебе, сынок мой дорогой, заботиться».

Так молодая женщина собственной жизнью заплатила за свою несговорчивость и упрямство. Поскольку не прошло и двух лет, и даже немногим более года, а она уже не испытывает блаженства, и не радуется жизни так, как радуемся мы».

После мохачского поражения

Наше мохачское поражение было несчастьем для страны, и большим несчастьем. Кровь наших предков, пролитая под Мохачем, залила не только злосчастное мохачское поле, в ней купалась вся Венгрия. Рокковое бедствие не успокоилось с их жертвой, но потребовало в жертву и кровь их потомков. Мало им было одной беды, которая охватила нашу родину, за нею должна была последовать другая, ещё большая чем первая. Тысячи трупов лежали под Мохачем, но никто о них не позаботился. Те из них, кого турки не сбросили в Дунай, так и остались лежать добычей для хищников. Так похоронили героев, которые пали за родину. — Когда ты был здоров, могуч, каждый на тебя, а по сути на твою силу претендовал, чтобы стать твоим другом, а когда тебя изувечили, на тебя уже не обращали внимания. — Вся наша родина походила на скорбное пепелище, которое люди покинули, либо погибли несчастные в пламени пожара, так что больше уже никто не показывался на том месте, где ступала нога турка. Развалины строений служили логовом для лесных хищников, дерущихся между собой, либо укрытием для сборища разбойников.

Как хищники дерутся за жалкое логово, так и за нашу родину дрались, разумеется не хищники, но люди. Люди, которым недостаточно

было краха, у которых не заболело их дикое сердце, когда в бою погибли тысячи, а тысячи других были затянуты в ещё более дикий водоворот и все в нём трагически погибли. Такой человек должен был действительно не иметь сердца, чтобы видя в беде своего соседа, не говоря уже о брате или, может быть, отце, он этого своего брата или отца, находящегося в беде, вместо помощи подталкивает к ещё большей гибели, а когда тот с огромным усилием пытается спастись, он по собственной прихоти бросает его обратно в водоворот настоящей гибели, чтобы он нашёл там вечную гибель. Губительным пожаром была объята наша родина, но этот пожар её не задушил. Сын её стоял в отдалении, и брат её тоже смотрел на этот пожар. И ни одному не пришло в голову взяться за тушение, но оба ещё и масла подливали в горящее пламя.

Лайош¹, несчастный Лайош погиб! Родина была без короля. Запольский² и Фердинанд³ боролись за трон и не заботились ни о чём, кроме осуществления своей прихоти усесться на трон. Благо страны ни у одного не лежало в сердце. — Когда после смерти короля Матей⁴ пришли посланники к Штефану Запольскому⁵ спросить его мнение, кто мог быть провозглашён королём, тот выдвинул своего сына со словами:

«Покуда я жив, Венгрия будет иметь своего короля».

Штефан умер, но не умерли его слова. Его младший сын стал мужчиной, и отцовские слова, запав глубоко в сердце, мощно отозвались в его душе. Воспоминания возвращали его в детские годы и, прогуливаясь по своему токайскому дворцу, он может быть впервые после смерти отца загрузил о нём.

«Ах, отец мой, если бы ты был жив, твой сын был бы подлинным господином Венгрии. Говорят, что я неблагодарный, что я гордый. Да, я горд, но чем? Тобой, отец мой, кто род наш с нижней ступени поднял

¹ Лайош II (Людвик II) — последний король Чехии и Венгрии с 1516 года, из династии Ягеллонов. Погиб в Мохачском сражении. — Прим. ред.

² Янош I Запойяи [1] (Иван Запольский, венг. Szapolyai János; хорв. Ivan Zapolje, Ivan Zapoljski; 2 февраля 1487 — 22 июня 1540) — венгерский государственный деятель хорватского происхождения, князь Трансильвании и король Венгрии, сын палатина Иштвана Запольяи (Степана Запольского) и Ядвиги Тешинской, дочери князя Пшемыслава II и его жены Анны, дочери князя Болеслава IV Варшавского, представителя Мазовецкой линии Пястов. Брат Барбары Запольяи — первой супруги короля Польши Сигизмунда I. Потомок Тврде Заполье (Tvrde Zapolje) — основателя Тврдич-града в Хорватии. С 10 ноября 1526 года Янош Запойяи был предпоследним королём-уроженцем Венгерского королевства и последним — под властью которого хотя бы номинально находилась вся территория данного королевства (реально — Восточно-Венгерское королевство). — Прим. ред.

³ Фердинанд I (10 марта 1503, Алькала-де-Энарес, Испания — 25 июля 1564, Вена, Священная Римская империя) — король Венгрии и Богемии с 1526 года, король Германии (римский король) с 5 января 1531 года, император Священной Римской империи с 1556 (формально с 1558) года, родоначальник младшей (австрийской) ветви дома Габсбургов. Также был эрцгерцогом Австрии, и именно в его правление Австрией турки потерпели поражение под Веной (1529).

⁴ Матей — Матьяш I Корвин. — Прим. ред.

⁵ Иштван (Стефан) Запольяи, граф Сепеш (венг. Szapolyai István; ум. 23 декабря 1499, г. Папа) — венгерский магнат, воевода Трансильвании, наместник короля Венгрии Матьяша I в Силезии, Лужице и Австрии, палатин Венгерского королевства (1492—1499). — Прим. ред.

на ту высоту, которую он сейчас занимает. И я именно потому, что меня называют гордым, тщеславным и жаждущим трона, хочу доказать им, что их язвительные замечания вполне могут превратиться в действительность. Я, человек пока ещё неизвестный, хочу и должен стать чем-то высшим, я должен быть королём, а высокомерные павлины, которые чванятся древностью своего рода, должны преклониться передо мной как перед своим господином. Да, Запольский был человеком в своём роде, кроме дядюшки и отца ещё неизвестным, но Запольский будет королём».

Кто знает, как долго он разговаривал бы сам с собой, если бы только что вошедший Доци не сбил его с мысли.

«Что нового, Доци?» — заговорил с вошедшим Запольский.

«Всё хорошо! Дело наше ладится. Вардай на твоей стороне; Вербо-чи прекрасно действует среди земанства, которое собирается под твои знамёна. В Прешове, с которым объединены и Левоч, и Бардиёв, у нас 200 человек, в Кошицах — 100; все они за тебя. Да можно сказать, что весь Гемер, Гевеш, Боршод, Торна и Абауйвар. С каждым днём число наших сторонников множится. Со всех сторон посланцы валом валят в Токай. Но что особенно должен отметить, Чёрный Йован¹ собирает вокруг себя большую толпу. Мы должны заполучить его на свою сторону, как и Шерины, они много пользы принесут нашему делу. Один — толпой своих воинов, другой — своей известностью среди различно думающего земанства, с которым он торгует».

«Возможно», — ответил Запольский.

«Ещё кое-что. Торнали был ранен под Мохачем, но, как слышно, выздоровел. Он тоже к нам присоединится. Не знаю, что замышляет Бебек. До сих пор он ни туда, ни сюда. Однако сейчас главное в том, чтобы стараться заполучить земанство, которое придёт на сейм, поэтому держись, Запольский! Не смеет чужеземец властвовать над ними!»

Вскоре после этого разговора Запольский был провозглашён в Токай королём. Но поскольку на токайском сейме не хватало многих мегаломанов, и поскольку сейм это был проведён не в столичном Белграде, он отказался от этого провозглашения, поручив сословиям созвать новый сейм. Этот сейм был созван в стольном Белграде, где все сословия должны были определиться с провозглашением нового короля под страхом лишения имущества или жизни.

Уполномоченные Запольского пытались заполучить его приверженцев во всех партиях. Однако и сторонники Фердинанда не спали. И они делали всё возможное.

И Фердинанд, и Запольский имели своих сторонников. Там — большинство высшей шляхты, тут — низшая шляхта высказывалась в большинстве. Фердинанд и Запольский с напряжением ожидали результатов выборов. Происходило это примерно так же, как у нас выбирают

¹Чёрный Йован — Йован Ненад Чёрный, самопровозглашённый царь Сербии (1526—1527). После распада Венгрии сначала принял сторону Запольского, а потом перешёл на сторону Габсбургов. — Прим. ред.

депутатов, только там это делается в малом, а тут в большом размере и масштабе. На стольнобелградском сейме Запольский во второй раз был провозглашён королём, а 11 ноября коронован. Стоит ли описывать эти торжества, эти пиры; само собой разумеется, что Запольский об этом надлежащим образом позаботился.

Избрание Фердинанда королём от чешских сословий произвело большое впечатление на венгерские сословия, ибо его власть с этим большим королевством расширилась. Однако всё это не сбilo с толку Запольского, он не оставил своих намерений. Он уже достиг того, чего так жаждала его душа. Его лицо улыбалось, и всё же казалось, что это показная улыбка. Только что был у него какой-то посланец, который сообщил неприятное известие.

«Твоим поверенным, — говорил посланец, — на пожунском сейме не удалось склонить собрание сословий на твою сторону либо добиться нейтралитета».

«А Батори что мне передаёт?» — не без иронии спросил Запольский.

«На твоё письмо он ухмыльнулся и заявил, что не он, а ты будешь просить, да ещё и с плачем». И добавил: «Скажи этому святочному королю, чтобы подождал до Рождества».

«Значит до Рождества мне определил?»

«Да, до Рождества. Фердинанд уже выбран. Будете вдвоём. Однако он обещал так держаться, словно бы был избран от всей Венгрии; и говорит это вопреки тому, что многие из его сословий и шляхты от городов, кроме Прешпорка, отсутствовали».

«Есть ещё что-нибудь?»

«Нет».

«Можешь идти».

Посланец ушёл. Следом пришёл другой, третий, четвёртый, и так продолжалось весь день. Каждый ему что-то рассказывал, что происходит, как обстоят дела у его противника; но ни один не давал ему советов. Запольский долго оставался безучастным, не заботился ни о своих, ни о партии противника. Видя, что Фердинанд не идёт в Венгрию, тщетно советовал ему Франкопан обрушиться на его сторонников, он держался с ними спокойно и мирно, не допуская преследований. Казалось, что эта умеренность Запольского помогает его делу, поскольку все ему покорились. Но всё совершенно переменялось, когда Фердинанд пришёл в Венгрию. Запольский разом оказался покинутым, а Фердинанд в короткий срок овладел Будином, вслед за тем — многими крепостями и городами, которые подчинились ему добровольно, так что в конечном счёте с Запольским остались только Хорватия и некоторые города северной Венгрии.

В конце концов Запольский был вынужден уйти в Польшу, поскольку Фердинанд всюду преследовал его. Однако запоздавшее счастье, до сей поры благоволившее Фердинанду, отвернулось и звёзды ярче засияли для Запольского. Дело в том, что Запольский, вернувшись из Польши, добился замечательной победы над сторонниками Фердинанда между Кошицей и Шарошинатаком с помощью поляков и северо-вен-

герской шляхты, в том числе и Якуба Торналли, который давно уже излечился от своих ран, Штефана Батори¹ из Шомлова, Павла Артанди и прочих. Просчётом Запольского было то, что он пошёл под защиту Сулеймана², с помощью которого занял своё место в качестве короля в Будине.

«Скорбным было это время, — говорила моя бабушка, — после мохачского поражения. Не только из-за турок, которые в Нитрянске и в Тренчине столько жителей позахватывали, что ремней не хватало их связывать, грабили и убивали оставшееся население, но и Фердинанд с Запольским потоки крови пролили в борьбе за трон несчастного Людовита. Они послужили толчком к тому, что Венгрия превратилась в эшафот, либо в логово диких страстей. То есть пока Фердинанд и Запольский боролись за трон, знатная шляхта делала что ей вздумается. Ни Фердинанд, ни Запольский не приняли с надлежащей строгостью мер против совершавшегося своеволия, ба! чтобы ещё сильнее сплотить своих мегаломанов, их старались обогащать всеми возможными способами. В то время Запольский и Торналли одарил многими благами. Однако Торналли искал не столько богатства, сколько избавления от горя, причиной которого стала смерть его Драгушки».

«Всюду ищу я возможности, — говорил он в задумчивости приятелям либо самому себе, — с тобой, Драгушка моя, увидеться, но наш наследник ещё мал, мы не можем оба покинуть его».

Когда Запольский с Фердинандом помирились, так что Запольский стал королём над теми частями Венгрии, которыми владел, с тем, однако, чтобы после его смерти Фердинанд должен был овладеть всей Венгрией, — тогда Торналли ушёл в свой Муран и, вспоминая Драгушку, находил утешение в своём единственном наследнике, в своём Янко. — Какое-то время он был весел, но вскоре выражение печали утвердилось на его лице, которое после известия о смерти Запольского никогда уже не покидало его и чело его более не прояснялось.

После смерти Запольского умер и Торналли. Перед смертью своей он велел позвать своих друзей, чтобы попрощаться с ними. В их числе был и Ковач, который после смерти Драгушки не смел показываться ему на глаза.

Когда все были в сборе, он медленно поднял голову и говорит:

«Друзья мои! Вы знаете, как я любил Драгушку. Она уже зовёт меня, но меня не радуется уход, поскольку сын мой ещё мал. Однако если нельзя иначе, пусть свершится воля Божья, я готов. Пойду с радостью, только вас кое о чём попрошу. А именно: чтобы вы были друзьями моему сыну

¹ Стефан Баторий (венг. Báthory István, польск. Stefan Batory, белор. Стэфан Баторый, лит. Steponas Batoras; 27 сентября 1533, Шимлеу-Силванией — 12 декабря 1586, Гродно) — король польский и великий князь литовский (с 1576), сын Иштвана IV, воеводы Трансильвании. — Прим. ред.

² Сулейман I Великолепный (Кануни; осм. — Süleymân-ı evvel, тур. Birinci Süleyman, Kanuni Sultan Süleyman; 6 ноября 1494 — 5/6 сентября 1566) — десятый султан Османской империи, правивший с 22 сентября 1520 года, халиф с 1538 года. — Прим. ред.

так же, как и мне. Будьте у него под рукой с вашими советами. Старайтесь воспитать его героем для родины и короля. Тебя, друг мой Башо, назначаю управляющим моим имуществом, пока подрастёт мой сын. Будь ему тем, кем был ему я. Поклянись мне в том, что желаешь добросовестно выполнять свои отцовские обязанности».

Наступила глубокая тишина. Башо подошёл ближе к постели Торналли. Слёзы засверкали в его глазах, его лицо покрылось бросающимся в глаза румянцем. Дрожа всем телом, он поднял руку для присяги.

«Перед Богом живым, властвующим над нами, клянусь, что добросовестно исполню твою последнюю волю. Мы никогда не оставим твоего наследника, даже если бы это стоило нам жизни. Охотно принесем жертву за твоего потомка. Обещаю и клянусь тебе свято-свято, что буду заботиться о твоём сыне как отец о собственном ребёнке!»

Башо умолк. Снова установилась тишина, и из глаз присутствующих потоки слёз сострадания хлынули по их лицам. — Торналли глубоко вздохнул.

«Услышь тебя Бог, мой Башо! Да, ты будешь отцом моего осиротевшего сына, хорошим отцом, как мне был неопределённым другом. Все вы слышали его торжественное обещание. Молитесь, чтобы Бог поддерживал его добрые намерения. Ко всем вам обращаюсь: обещайте мне и вы, что будете советчиками и искренними друзьями моего наследника».

«Обещаем, что никогда не покинем твоего сына», — подобно тихому шелесту волн прозвучало из уст присутствующих.

«Ну а ты, Ковач, — говорил слабым голосом отец, всё более теряя силы, — ты сохранил мне сына, но лишил меня моей Драгушки. И в этом заключается причина того, что я тебя с момента её смерти не могу сказать чтобы ненавидел, но из-за горя, которое в душе моей усиливалось при одном только взгляде на тебя, видеть не мог. За освобождение сына из рук мусульман я тебя, надеюсь, вознаградил должным образом, и обид я тебе тоже никогда сознательно не чинил. Значит, я остаюсь при том мнении, что как ты прежде под руководством Башо о нём заботился, так заботься и теперь. И поскольку он уже большой, должен в большей степени мужским нежели женским рукам быть доверен: будь его воспитателем. О Зузке, до сей поры его опекавшей, Башо пожизненно будет заботиться».

Затем он наклонился к своему сыну и произнёс полушёпотом:

«Сын мой, следуй советам твоих и моих друзей, которым я тебя поручаю... Словом... Доро...»

Последнее слово невозможно было понять. Он обнял ещё раз своего сына, целовал его заплаканное лицо, тихий вздох, как бы блаженной радости, рассеялся в его груди, — и он склонил свою голову назад на кровать. Глаза его затянул тихий сон, от которого Торналли уже не пробудился.

3. Муран

Кто знаком со Словакией, тот знает, где протекает прелестная Римава. Римавская долина знакома каждому, вместе с её статной сестрой Муранкой. И кто же не знает или хотя бы не слышал о возвышающихся, до синевы небес достигающих утёсах, с которых с восторгом смотрит на этих двух прекрасных сестёр великолепный Муран. По их лону протянулись серебристые ленточки в чудесных завитках, где радость и спокойствие пребывают в доме может быть вечно. — Ах, знаком ли вам этот чудесный край, где пенятся Грон, Ваг, Нитра, знакомы ли вы с прелестной Римавой и серебристопенной Муранкой? — Знаю я, что вы их знаете, поскольку слышу, как вы напеваете прекрасную песенку:

*Hej, pod Muráňom,
tam je krásny svet.
Tam rastú chlapci,
bystrí jako kvet.
Nebe tam len jasne svieti,
tam má každý vesel býti.
Pod Muráňom! pod Muráňom! pod Muráňom!¹*

Крепость Муран перешла семейству Торналли около 1500 года. К ней ведёт одна единственная очень узкая, крутая дорога, и когда гарнизону что-либо требовалось, это доставлялось с помощью железной цепи, которую вытягивали вверх с помощью ослов. Чтобы в кожаных мешках поднять воду из глубокого колодца, который там находился, требовалось три четверти часа. Сама крепость располагалась на западной стороне, а на восточной распростёрся крепостной дворец, или как мы ещё говорим — замок с великолепными постройками, из которых только безлюдные развалины свидетельствуют о былой славе замка и крепости. Прежде шум, а сейчас немоту удерживают руины, которые три столетия назад были исполнены великолепия.

Когда умер Торналли, тихая и спокойная крепость превратилась в убежище разбойничьего сброда, который в течение долгого времени осуществлял здесь свои злодеяния и блаженствовал. Сейчас в крепости тихо. В замке не видно ни души, словно все жители разом выселились. Двор замка, в котором всегда была масса посетителей, сейчас пуст. Дети, которые прежде не было дня, чтобы тут не играли, сегодня сюда не показываются. Странно, очень странно это выглядело, и может быть впервые после смерти Торналли такая пустынность охватила замок и

¹ *Гей, под Мураном
прекрасен мир.
Там парни растут
Проворные как цветы,
Там небо ясно, там каждый может быть счастливым,
Под Мураном! Под Мураном! Под Мураном*

крепость. Ещё вчера тут галдело до семидесяти человек различной — доброй и злой наружности, а сегодня не видно ни души. Юный Торналли ещё вчера бегал тут с пригожей Маркой Башо, но вот ни его самого, ни его спутницы, с которой он бегал там и сям, нет нигде. Вы хотели бы знать, куда они подевались?

Янко был отправлен в Польшу, чтобы выучиться там придворным манерам. С ним ушла одна часть шалопаев, тогда как вторая отправилась на разбой. А Мариенка сидит тихонько возле своей няни и выспрашивает, когда вернётся Янко. «Господь Бог знает, Мариенка дорогая, — отвечает печально няня Марки. — Кто знает, доберётся ли он счастливо до Польши, не приключится ли с ним какое-нибудь несчастье. А возможно, что потом и не вернётся».

«Как это не вернётся? — говорит Марка, пускаясь в плач. — Отец говорил мне, что он скоро придет. Уходи, ты злая. Я расскажу про тебя отцу. Янко скоро придёт, или я буду плакать. С кем мне играть?»

«Милое дитя! — вздыхает няня. — Страшная боль сдавила мою грудь. Не плачь, Мариенка дорогая, я не могу тебе сказать, когда он придёт. Об этом скажет тебе пан Башо».

«Какой пан Башо? Ведь их тут двое. И мой отец, и мой дядюшка — оба Башо».

«Твой отец, Мариенка».

«Ну, значит Янко придёт скоро, поскольку он мне так и сказал. Ты нам придумай какую-нибудь игру».

«Придумаю, Марка моя, но ты не должна плакать».

«Нет, нет, — ликовало невинное личико девочки. — Только скажи мне, ты уже придумала? Научи меня, а я потом научу Янко. Я люблю с ним играть».

Няня задумалась и не замечала, что её маленькая двенадцатилетняя Марка всё ещё уговаривает её. Наконец и девочка перестала щебетать. Она под села к задумавшейся няне. Свою прелестную головку положила няне на колени и, казалось, уснула. В комнате установилась тишина, которую ничто не нарушало. Лучи солнца один за другим покидали комнату, в которой они сверкали с самого утра. Миновал полдень. Полуденный зной ослабевал, тихий ветерок повевал вдоль долины и шелестом листьев нарушал могильную тишину. От крепости через южные ворота, которые вели в замок, приближалась высокая мужская фигура. Её широкое, мрачное лицо было не столько отвратительным, сколько обнаруживало в себе что-то странное. Глаза, казалось, с дикой жестокостью сверкали алчностью и ростовщичеством. Такой низкий лоб, такие непослушные волосы обычно наполняют человека страхом. Добавьте эту мощь тела, этот странный взгляд, это смертоносное оружие, которое он носит на боку, — всё это возбуждает в человеке странные ощущения.

Фигура покинула крепость, вошла во двор замка и направилась прямо во дворец. Войдя внутрь, она, повернув налево, шагала стремительным шагом, пока не остановилась перед железными дверями. Двери были заперты. Замочной скважины не было, и вся дверь выглядела

скорее как железная поверхность. Однако вошедшего не ввело в заблуждение, что двери были закрыты: он наступил на порог, где выступала головка гвоздя, надавил её и двери сами распахнулись.

Мужская фигура вошла внутрь, и двери сами закрылись. Однако последуем за ним, поскольку эта персона нам знакома. Кто видел её пятнадцать лет назад, тот не узнал бы её, настолько время, казалось, изменило её. Да он и впрямь изменился — этот мужчина. Прежде — бедный, незначительный земан, сейчас — богатый господин; прежде — верный друг богатого Торналли, сейчас, может быть, — предатель покойного. Прежде — симпатичный каждому, сейчас — повсеместно вселяющий ужас и страх. Прежде — вождь, идущий против неприятеля во главе доблестных воинов, сейчас — тоже во главе, но во главе врагов, предводитель разбойников. Ну, вы его узнаете? — Заместитель Торналли, покровитель наследника Мурана, отец сироты, юного Торналли, которого ещё ребёнком помогал под Мохачем спасти от турецкой гибели, чтобы ввергнуть его, может быть, в вечную погибель. — Это Матей Башо.

Так в течение жизни меняется человек. Как холодная вода освежает нас, но нагреванием превращается в смертоносную, так и человек часто ошибается в друге, который недавно спас ему жизнь, чтобы вскоре самому вырвать её более жестоким способом. Несчастно дитя, которое лишилось родителей! — Но последуем за Башо в его тайник.

Комнатка, в которую он вошёл, не велика. Напротив дверей на двух костях — череп. Стены мрачные, словно в какой-нибудь пещере, на них развешано разбойничье оружие. Тут ружья, там мечи, там дубинки, уродливые гигантские ножи, всё выложено крест накрест. В углу стоит железная кровать, недалеко от неё — столик с двумя креслами, тоже из железа. Как только заходит сюда человек, его охватывает страх, и холод пробирает его до костей. И это — самое любимое место Башо, где он задерживается охотнее всего. Едва войдя, Башо выложил своё оружие. Уселся в железное кресло и посмотрел в окно сквозь частую железную решётку.

«Избавиться от тебя, — сказал он сам себе и, встав из кресла, принялся прохаживаться. — Я должен позаботиться о том, чтобы не просто избавиться от тебя, но и на тот свет тебя отправить. Ну, времени ещё достаточно, что я решил, того не миновать. Я сейчас господином в Муране, и хочу остаться им навсегда. Я, конечно, обещал, что буду отцом, но власть над Мураном выпускать из рук не обещал. Свидетелей обещания, которое я дал, постепенно устранил, хотя их и без того немного осталось. А за ними пойдёт и мой наследник. Пусть ещё несколько лет проживёт в Польше, порадует, чтобы не жаловался, когда к отцу своему придёт, что умер молодым. Лет до двадцати проживёт, и достаточно. Потом вызову его — если пойдёт и возжелает того, что ему, как он думает, принадлежит, позабочусь, чтобы не дошёл».

Вскоре он встал, что-то нажал под черепом, и перед ним открылась мрачная стена. За стеной далеко простиралась темнота. Башо вошёл внутрь, тут стояли сундуки из крепкого железа, запертые большими

замками. Он остановился возле одного, открыл его и — смотри, какое сияние из него исходит! — Следом открыл второй, третий вплоть до последнего, так что мрачная нора превратилась в сверкающую золотом и драгоценностями комнату. Надо было видеть этот безобразный оскал, он словно пожирал алчным взглядом плоды своего разбоя.

«Много ещё недостаёт, чтобы всё наполнить. Ну да картизианский монастырь богат, какой-нибудь из вас наполнит. Остальное, чего не хватит, наполнят Польша и Силезия».

Чуть позже он снова позакрывал сундуки, вышел наружу, а двери, — о которых никто кроме тех, кто знал, не сказал бы, что это двери, — сами перед ним отворились и закрылись. Войдя в свою комнату, он вскоре покинул и её.

Несколько дней прошло без каких-либо событий. Та же тишина, та же пустота. Башо в одиночестве прохаживался по крепости то в одну, то в другую сторону, заглядываясь в необъятную даль, словно высматривая кого-то. То здесь, то там он говорил что-то невнятное и всё чаще покачивал головой. Тому были свои причины. Шла уже вторая неделя с той поры, как он отправил часть своей ватаги в Польшу, ко двору богатого Тарновского, где юный Торналли должен был изучать придворную жизнь и обычаи. Другую часть отправил в Скалку Уточиште, чтобы распределить имущество монахов, и ни оттуда, ни отсюда никто никаких известий не присылал. А что могло бы случиться, если бы алчный Бубек проведал, что в крепости нет никого, ведь он сразу напал бы, а потом, может быть, обошёлся с ним, как со своим братом, которого велел выбросить из крепости, чтобы он нашёл вечную гибель в этих каменных ущельях.

Однажды днём, когда с тяжёлыми мыслями и полный забот он хотел уйти в свою любимую мрачную комнату, он вдруг услышал и словно остолбенел, но, узнав по голосу Шерини, тотчас опомнился и побежал ему навстречу, желая как можно скорее узнать, с какой новостью тот приехал.

Ещё издалека, едва заметив Матея, Ширины кричал: «Виват наш Матиас!»

«Виват Ширины!» — кричал ему навстречу Башо.

«Et pereant Carthusienses»¹, — было ему ответом.

«Ну, что мне несёшь, рассказывай — что поймали?»

«Ха-ха-ха! — расхохотался Шерини. — Если бы ты был там, ты бы увидел, какой переполох поднялся среди благочестивых душ».

«Какое мне дело до их душ, тысячу плетей тебе! Говори, что добыли?»

«Полагаю, что гораздо больше, чем тогда у левочского священника. Эти умели лучше себя обеспечить. Эх, угодили мы там на пир. Мы напали на них как раз в обед, в день Петра и Павла. У них такое вино было, что твоему самому лучшему ей богу не уступит. Да что там, клянусь, и у тебя такого нет».

«Ну, мог бы на два года вперёд напиться, по крайней мере не болтал бы мне столько о нём».

¹ Да погибнут карфагеняне. — лат.

«Да, ей богу, мой Матей! — прервал его Шерини. — Я его не напил-ся? Если бы ты его только попробовал, каждая жилка в тебе играла бы словно на скрипке. Однако я знаю, что тебя больше занимает золото, сверкающее словно искрящееся вино. Ну, не бойся! Мы позаботились и об этом. Твоя сокровищница станет богаче. Amice¹, такие кубки тебе принесут, что у тебя сердце выскочит при одном только взгляде на них, когда они засверкают перед глазами».

«Так не напрасно ходили?»

«Конечно нет, благословенным был наш поход. Довольно скоро ты убедишься в этом своими глазами. Жалко только, очень жалко, что...»

Они бы ещё долго так разговаривали, если бы их не прервал конский топот.

«Виват Матиас!» — прозвучало в сто пятьдесят глоток шалопаев Башо, возвращавшихся в разбойничий Муран.

Крепость была им открыта. Они ворвались в неё словно осы — и тишину через несколько минут сменил галдёж. Наморщенный лоб Башо на короткое время прояснился, поскольку перед награбленным, выка-тив на него свои отвратительные глазищи, он выглядел совершенно спокойным.

«Держались молодцом, — говорил он, расхаживая среди сорванцов. — Заслужили, чтобы я вас отблагодарил. Пойдёмте со мной кто-нибудь, дам вам освежиться».

«Виват Матиас! — закричала ватага вслед уходящему Башо. Вскоре те, кто ушёл с Башо, вернулись — одни катили перед собой огромную бочку вина, другие вели тучного вола, а третьи несли хлеба. Перед ними шёл Деметер, брат Башо. Когда они пришли к остальным, тот сказал:

«Наш капитан посылает вам достойное вознаграждение, чтобы вы выпили за его здоровье и весело завершили сегодняшний день».

«Виват! Виват!» — разнеслось во все стороны. Прислуга Башо тот-час принялась за приготовление обильного пира. Приведённый вол без промедления был избавлен от шкуры, разрезан — частью на вер-телы, частью в котлы, на сковороды разделён и приготовлен для пира. Вино наливалось — и выпивалось за здоровье Башо, могущественного властелина Мурана.

Вдруг всё замерло кроме треска пламени и шкворчания мяса. Перед воротами кто-то стоит, стучит и требует, чтобы его пустили внутрь. Все притихли, их охватил какой-то страх, ни один не оглянулся на оружие, но каждый застыл на месте словно зачарованный. Деметер первым набрался смелости, подошёл к воротам, где не один, а больше пришель-цев расхаживало.

«Эй вы, драчуны, — закричал им вниз, охваченный гневом по са-мые уши, — вас чёрт на рога берёт, что вы с таким шумом кидаетесь?»

«Чуть ли не полчаса тут стоим, — отозвался снизу Ковач, — и раз уж никого не могли дозваться, пришлось кричать».

«Хорош крик, ревели словно медведи, — говорит Деметер успока-ивающим голосом. — Стало быть, вы заслужили, чтобы вас там ещё по крайней мере на час оставили постоять. Здесь, где это не требуется, вы штурмовать умеете, а там, где это необходимо, вы словно рыбы».

¹ По-дружески — лат.

Может быть он пошёл бы и дальше в своих упрёках, если бы брат и Бейи не прервали его.

Ковач молчал, но его спутники начали сердиться и что-то бормотали себе под нос. Мартин приказал открыть ворота, и недовольные хлынули в крепость. — Это была вторая часть шалопаев Башо, которые сопровождали в Польшу юного Торналли. Когда вошёл последний, ворота были закрыты. Они пришли и расселись среди сотоварищей вокруг стола и вокруг вола, который был уже приготовлен к поеданию. — Ковач, Мартин и Деметер с Бейи ушли к Матею. Крик, гомон, ссоры, пение разносились по Мурану вдвое сильнее. Пока оставалась хотя бы капля вина, галдёж не прекращался. Была уже глубокая ночь, когда немного утихло, но некоторые ещё и на рассвете то тут, то там поднимали в крепости шум. Но утром всё умолкло.

На следующий день Башо не было видно. Он занят был приведением в порядок награбленного, так что из своей мрачной комнаты не выходил. Он заботился о том, чтобы вознаградить своих парней и возбудить в них вкус к грабежу. Однако разбойничья ватага, утомлённая вчерашним гвалтом, сегодня валялась целый день. — Мартин, Деметер и Бейи думали о новом походе. Шерини целый день приходили на память эпизоды у картхаусов, — а Ковач ходил по крепости задумчивый, ни на кого не обращая внимания, но то и дело, словно чего-то опасаясь, незаметно вздыхал. Мариенка и её няня пошли прогуляться в лес, куда всегда ходили с Янко. Обе были печальны. Мариенка сегодня говорила мало, смотрела на свою няню, которая то и дело, может быть забывшись, принималась лить слёзы.

«Правда, ты тоже плачешь из-за Янко?» — спрашивала девочка няню, которая вздрогнула и, словно опомнившись, сказала:

«Ах, о чём мне плакать? Это тебе только кажется, мне что-то в глаз попало», — и при этом она тёрла глаза. Однако Мариенка ей не поверила. А няня действительно плакала из-за юного Торналли. Поскольку она и его нянчила, и много страха за него испытала. Ей бросилось в глаза поведение Башо, и она опасалась, как бы он чего-нибудь не сотворил с помощью своих молодцов. Однако от девочки она старалась слёзы свои утаить и потому сразу вернулась с ней в крепость.

4. В Польше

Ян Тарновский¹, один из выдающихся в Польше воевод, был известен своим богатством и целым двором, который он возглавлял. Когда Запольский был вытеснен Фердинандом из Венгрии, он нашёл у Тарновского не только дружеское гостеприимство, но и союзника против

¹ Ян Амор Тарновский (польск. Jan Amor Tarnowski; 1488; Тарнув — 16 мая 1561; Выверка) — польский военный и государственный деятель, гетман великий коронный в 1527—1559 годах, каштелян краковский с 1536 года, воевода краковский с 1535 года, воевода русский с 1527 года, каштелян войницкий. Основатель города Тернополь. — Прим. р ед.

неприятелей. Тарновский был личным другом Торналли. При посредничестве Торналли Тарновскому удалось заполучить в Польше больше сторонников для Запольского, которые его не только деньгами, но и войском поддерживали. Когда Башо после смерти Торналли отправил сюда сына, предложение не только с охотой было принято, но Тарновский радовался тому, что сможет сына своего друга воспитывать и помогать ему советами. Как только юный Торналли прибыл во дворец Тарновского, он принят был в семью так, словно был его собственным сыном. Сын и дочь Тарновского называли его не иначе как своим братом. В первые дни как только познакомились, они играли целыми днями, показывали ему свои разнообразные игры, а он им рассказывал, как он играл дома. Он вспоминал своих приятелей и рассказывал о Марке. Однако это длилось недолго. Едва познакомились, Тарновский всех усадил в карету и привёз в город. Мальчиков он отправил в школу, а дочь — в воспитательное учреждение. На каникулы и праздники все трое приезжали домой, где снова веселились. Впрочем, каждый раз по-другому, — пока наконец не забыли обо всех старых забавах. Гедвика и Янко, эти самые искренние друзья, с каждым разом становились всё холоднее. Ещё в предыдущие праздники они доверяли друг другу в каждой малости, а сейчас едва друг с другом поговорили, едва отважились друг на друга посмотреть и улыбнуться. — Упаси Бог если бы случилась эта самая большая невежливость, эта самая большая обида. И всё же прежде их глаза и уста улыбались друг другу целый день. Но посмотри, как меняется человек. Кому мы когда-то были рады, кто прежде был нам приятнее всех, теми мы сейчас по крайней мере пренебрегаем, если не гнушаемся, и только Господь Бог знает из каких побуждений мы их сторонимся. Зачастую боимся к ним приблизиться, полагая, что наше присутствие их оскорбит, и часто хотим за ними поухаживать, однако они нашу вежливость принимают холодно, так что мы и сами потом не знаем, не вызвали ли мы вместо любви немилость. — Ну, думаете вы, так произошло с семьёй Тарновского и юным Торналли? — Нет!

Торналли с юным Тарновским всегда оставались самыми задушевными друзьями. Один без другого жить не мог, а вот то, что Гедвика, сестра Тарновского, от них отдалилась, это было вполне естественным делом. Какая девушка, когда вдруг вырастет, без стеснения посмотрит в глаза приятелю своих детских лет, и какой юноша не изменил бы своё поведение перед девушкой, с которой прежде играл как с девчонкой. Я знаю, что ни один из тех самых задушевных друзей детских лет, будь то девушка либо юноша, не осмелится со своим бывшим приятелем или подругой обращаться так задушевно, без каких-либо увёрток и застенчивости, или разговаривать с ним как прежде.

Так это было и у Гедвики с Янко.

Гедвика уже вышла из воспитательного учреждения. Из маленькой девочки она превратилась в девушку. Её брат и Янко ходили в военную школу, чтобы выучиться военному искусству. Гедвика ещё месяц назад радовалась, когда они писали, что приедут домой; однако когда они прибыли, радость исчезла. Она стала ещё более застенчивой чем прежде.

Случилось это в последние каникулы. Накануне отъезда в столицу, приводя в порядок свои вещи в дорогу, остались наши приятели вдвоём.

«Скажи мне, брат мой, — говорит Янко, — что случилось с твоей сестрой?»

«Ха-ха, что же могло бы с ней случиться?» — рассмеялся юный Тарновский.

«Хм, — покачал головой Янко, — это странно. Мне кажется, что она какой-то другой стала. Когда я к вам пришёл, она была всегда весела, любила побеседовать, а сейчас выглядит задумчивой, мало говорит, а улыбающейся я её никогда не видел».

«Ха-ха, — смеётся юный Тарновский, — вы словно сговорились. Друг на друга жалуетесь так же, как котёл горшку выговаривал, что он чёрный. Вы и впрямь чудачки, как сестра, так и ты. Позавчера я наблюдал за вами и чуть было не рассмеялся. Оба хотели быть сладкими словно мёд, сладость которого хотели отведать взглядом. Точно были смешными: ты с азартом скакал вокруг неё, а ей, как мне показалось, это нравилось».

«Ты тут как тут с какими-то сравнениями».

«Тогда скажи, разве я не прав?»

Торналли не ответил. Он задумался. Друг его продолжал укладывать свои вещи. Когда закончил, осмотрел их и говорит:

«Ну, вот мы и готовы. Завтра снова будет от чего смущаться».

Торналли всё ещё размышлял, но ничего не ответил.

«Ну, скоро ты что-нибудь надумаешь? И разве несколько лет назад ты так же задумывался?»

Торналли оглянулся, словно рассерженный, и говорит:

«Ну, я уже вижу, что ты будешь острить. Слава Богу, что уже завтра уезжаем прочь. У тебя не будет столько времени на остроты».

«Хо-хо, братец! До завтра ещё довольно времени. Однако оставим это. У нас всё готово. Пойдём в сад; там сестра и другие девушки».

«Но сейчас?»

«А когда же? Завтра уж точно нет?»

«Знаю, что нет! Но ты хочешь...»

«Чего хочу? — резко перебил его Тарновский. — Всегда у тебя что-то. Прошу тебя, не будь таким чудачком. Уж не хочешь ли ты сказать, что стесняешься? Яно, ты точно меня удивляешь!»

«Не удивляйся, не чему. Я тебя хорошо знаю. Ты радуешься, когда можешь привести меня в смущение, разве нужно было недавно публично оглашать, будто я упомянул, что у твоей сестры прекрасные глаза? Кто знает, не потому ли она рассердилась и, может быть, сердится до сих пор».

«Ну, не говори ерунды и пойдём, если можешь идти».

«Идём, но только при условии, что ты ни словом не обмолвишься, о чём мы говорили».

«Ну, хорошо. Идём уже!»

«Но потом, когда...»

Больше его не было слышно. Тарновский не дал ему договорить. Схватив его за руку, повёл из комнаты в сад.

Был уже поздний вечер, когда юноши со всей компанией отправились из сада в залу.

В саду и вечером Янко долго беседовал с Гедвикой. Но о чём, об этом знали только они. — После ужина, который последовал, Торналли и юный Тарновский простились с присутствующими. Но утром, едва только забрезжило, через Тарнов уже грохотала бричка, а в ней — два молодых человека: Тарновский и Торналли. Когда резвые кони мчали бричку через сад, в зале открылось окно, из него выглянула прелестная головка с чудными локонами — это была Гедвика, которая посылала молодым людям последнее «С Богом!» Но юноши не стали оборачиваться, тем более — рассматривать прелестную головку в окне. Впрочем, Торналли её всё же хорошо видел, — его щёки окрасились как малина, и он хотел своё последнее «С Богом!» послать прекрасной Гедвике, но в это время они были уже в повороте, за которым бричка скрылась, слово было уже на языке, как вдруг угол залы лишил его возможности проститься. Стало быть он опустил руку с белым платком, склонил голову и задумался.

Гедвика долго ещё смотрела в ту сторону, где скрылась бричка, но и она ушла. Пока ещё была хорошая погода, она постоянно ходила в беседку, в которой в последний раз беседовала с Торналли. Зимой охотнее всего что-нибудь делала в комнате, где жили брат и Торналли.

А какая это была для неё радость, когда брат писал, и в этом письме был и второй листок, исписанный рукой Торналли. Тогда она читала его до тех пор, пока каждое слово, каждую букву, где и как она написана, не знала на память. Тогда она неделю была весела. Тогда ничто не могло её опечалить.

Рождественские праздники уже прошли, приближалась Пасха.

Следом за Пасхой придут дни Святого Духа, а потом брат и Торналли вернутся.

«Ах, как я этому рада», — постоянно говорила Гедвика. Постепенно прошли и Пасха, и Турица¹, день возвращения брата всё более и более приближался. Гедвика целыми днями ходила по саду и смотрела, не приближаются ли брат и Торналли.

Однажды, когда она по обыкновению ходила по саду и высматривала, заметила, что какая-то пожилая женщина с любопытством осматривает сад и дворец.

«Откуда вы, женщина?» — спросила она постороннюю женщину, которая выглядела совсем не так, как другие женщины в окрестностях Тарнова.

Женщина испугана и не может произнести ни слова.

«Ну, ты не умеешь говорить или меня боишься?»

«Ах нет, милостивая госпожа, — говорит женщина, — я не боюсь, но вас испугалась».

¹ Троица — Прим. пер.

«Ха-ха! — рассмеялась Гедвика, — меня испугалась? Ну разве я такая безобразная, или у тебя плохие вести?»

«Я согрешила бы, если бы не сказала, что вы красивая девушка! Ну в точности такая, как наша барышня, и если бы у вас были желтоватые волосы, более округлое и не такое румяное лицо, я бы вас не отличила. Что касается второго, есть ли у меня плохие вести? Могла бы ответить: и да, и нет».

«Но откуда и кто она — твоя куколка?»

«Ах, наша барышня — это сущий ангел».

«Но как её зовут, где она живёт?»

«Ах, мы живём далеко, а зовут мою барышню Мариенкой. Впрочем, я обо всём расскажу благородной госпоже после того, как вы мне скажете, живёт ли тут воевода Тарновский и ещё находится ли у него юный Торналли?»

«Торналли! — вскрикнула Гедвика. — Скажи, женщина, ты знаешь Торналли?»

«Ну да, знаю его, ведь я была...»

«Ага, уже знаю! Твоя барышня — это Мария. Она любит Торналли! — При этом щёки Гедвики запылали огнём, но, опомнясь, она продолжала совершенно спокойно: — А ты принесла юному господину сообщение, либо может быть и любовное послание! Что, я не угадала? В самом деле, уже томит твою панну, что он в Польше так задерживается?»

«Ах, нас всех томит. А я и барышня Мариенка довольно о нём наплакались. А как же иначе...»

«Правда, что она его любит?»

«Ах, ведь так любили, когда играли вместе. А я этому так радовалась».

«Что когда-нибудь поженятся, и тебя к себе возьмут. Я угадала?» — говорит Гедвика.

«Ах, я бы согласилась!»

«Об этом, может быть, ты только и думаешь, а мне скажи, откуда ты? Как тебя зовут, чтобы я могла объяснить юному Торналли, кто его искал и принёс привет!»

«Значит Торналли тут нет? Ах, выходит напрасно я совершила это путешествие от самого Мурана!»

«Что, ты из Мурана?»

«Да, я Зюзка, няня юного Торналли и нашей барышни. Но куда подевался юный Торналли, ради Бога, дорогая барышня; ведь весь Муран уверен, что его наследник находится в Тарнове».

Гедвика задумалась. Никогда она так не желала, чтобы Торналли не пришёл, как сейчас. Зюзке отвечала только на каждый третий её вопрос.

«Старушка моя, — говорила Гедвика, и былая радость исчезла с её лица, уступив место важной строгости. — Торналли нет в Тарнове. Мне неизвестно, когда он приедет. Иди в наш дом, можешь там подождать. Возможно, ещё на этой неделе он вернётся».

Едва договорив, она направилась прямо во дворец, махнув рукой, чтобы женщина следовала за ней.

Зюзка глубоко вздохнула. Прежний страх её оставил, и она медленно последовала за своей распорядительницей.

Возвращение

Прошла Турица. Окрестности Тарнова стояли в полной красе. Луговины уже покрылись шелковисто-зелёными одеялами, сотканными многообразием пёстрых цветов. Пение задумчивых краковяков разносилось по полям, на которых работали пригожие полячки. Вдалеке поднималась ввысь пыль, и вскоре видно было, что по дороге мчится бричка. Работницы, прекратив работу, смотрели в ту сторону, откуда направлялась бричка. Когда она приблизилась, все её приветствовали, знак того, что проезжала какая-то важная персона, поскольку давно уже она исчезла среди домиков Тарнова, а взгляды многих всё ещё были обращены в ту сторону, словно они ещё хотели увидеть её. Не ожидали, что бричка могла бы остановиться ни возле больших, ни возле маленьких домов. Она и в самом деле не остановилась, но, удаляясь среди более низких и более высоких домиков, мчалась с самой высокой скоростью, словно впереди у неё была бог знает какая длинная дорога.

В центре Тарнова, словно король, возвышается прекрасный дворец и распространяет своё великолепие на все служебные и прочие строения, окружающие его словно подданные. Вокруг дворца обвивались прелестные парки с прекрасными садами, которые весьма украшали своим величием самые разнообразные цветы. Великолепное здание дворца, замечательное украшение сада и парков свидетельствовали о богатстве владельца. И действительно: Тарновский, которому этот дворец вместе с окружающими селениями принадлежал, был богат. Славой, роскошью и блеском мало кто мог бы тогда сравниться с этим польским воеводой. Двор, его богатство, его сила были каждому известны, — но ещё более знаменитой была красота его прелестной дочери Гедвики. — Как юноши, так и старики в равной мере не могли налюбоваться её пышными формами, её прелестью.

В нескольких сотнях шагов от дворца раскинулся нарядный пруд, украшенный разнообразными видами окрестностей. Недалеко от пруда стояла чудесная летняя дача с открытыми галереями. На одной из этих галерей за густо разросшимися барвинками можно было заметить прекрасную, примерно семнадцатилетнюю девушку. Её лицо было не просто прелестно как лик мадонны, но при своей красоте в нём было что-то ещё, что делало его милым, приятным, даже величественным. Её чёрные глаза были похожи на молнии, однако взгляд их был приятным, пленительным, а её шелковистые чёрные волосы, которые богатыми косами ниспадали на шею, делали её очаровательной словно сказочная дева славских лесов. Солнышко припекало, и она, прекрасная, сидела тут в тени плюща словно русалка в зелени прелестного леса.

Это была Гедвика, дочь Тарновского, которая, погружённая в думы, бог знает чем тут занималась. Перед ней лежали бумаги, на которые она даже не смотрела. Тихо было вокруг, поскольку даже ветерок не веял, чтобы качнуть листья деревьев. Долго, долго это продолжалось, прежде чем Гедвика вышла из своей задумчивости.

«Несчастный Торналли! — вздохнула прекрасная Гедвика, когда выбралась из своего погружения. — Ах, но я может быть ещё более несчаст-

на! Тебя можно спасти, но я... я должно быть пропала! Ты достигнешь своей цели, а я... — Тут она замолчала. — Ой, мне уже и думать нечего о чём-либо подобном, я осуждена идти к своей цели дорогой страдания. Где же моя радость, где мои сны, полные блаженства нашей встречи — всё уничтожено. Несчастливая женщина! Зачем ты вырвала меня из моих блаженных снов, зачем вонзила острый кинжал в мою грудь, не оставив мне больше радости? Впрочем, зачем утешаться, чему радоваться? Может быть для того, чтобы ощутить ещё большую боль, большее горе? Чем глубже погружается шип, тем сильнее боль; чем толще прут, тем труднее его сломать. Только этот шип застрял глубоко в моей душе и потому: залечивать рану и прут ломать — это будет трудная работа!»

Кто знает, может быть Гедвика и дальше так размышляла, если бы не оторвал её от мыслей приближающийся грохот экипажа. Это был тот самый, который мы недавно провожали в Тарнове. Бричка въехала в парк и остановилась перед дворцом. Из неё вышли стройные, красивые, рослые особы. Это были юные, примерно двадцатитрёхлетние молодые люди. Едва бричка остановилась, её окружило множество слуг. Тихий дворец превратился в пиршеский зал. Все сбегались вниз, все смеялись, радовались, шептались и Бог знает что говорили. Оба юноши вышли из брички одновременно, один вправо, другой влево, тот направляясь прямо во дворец, другой — осматривался в саду, и при этом показалось ему, что вдалеке, среди деревьев, возле пруда он заметил что-то. Хочет он позвать своего приятеля, но тот уже в коридоре дворца. И тогда он направляет свои шаги следом. Однако вскоре оборачивается в сторону пруда, где, показалось, он кого-то увидел. Оборачивается и останавливается. Его серые глаза его не обманули, он видел кого-то, может быть именно того, кого прежде других желал приветствовать в Тарнове. По его бледному лицу разлился прелестный румянец. Но казалось, будто вся стремительность разом его оставила. Ни вперёд, ни назад двинуться он не мог, так одурманило его появление Гедвики, которая была уже довольно близко от него, но до сих пор его не замечала. Это избавило его от смущения. Видя, что девушка его не замечает, он быстро зашёл за ближайший розовый куст, который настолько укрыл его, что Гедвика не могла заметить. Обойдя куст, он пошёл прямо навстречу Гедвике, которая конечно же приготовилась к встрече дорогих гостей, но, как удалось заметить, отнюдь не к сюрпризу. Появление юноши её сильно удивило. Она судорожно стиснула протянутую руку, глаза её загорелись огнём, а в груди утаился глубокий вздох.

«Бог с вами!» — приветствовал её молодой человек. Однако не услышал никакого ответа из уст Гедвики, и, казалось, в выражении её лица вместо радости проявились признаки глубокой печали. К счастью, пришёл и второй гость, ведя по одну руку старика Тарновского, а по другую руку — его супругу, свою мать. Оба уже вступили в преклонный возраст. Они подросли как раз вовремя, иначе Гедвика не смогла бы сдержать слёзы, которые засверкали у неё в глазах. В этот момент она выпустила руку юноши и побежала навстречу другому молодому го-

стю, кинувшись ему на грудь, она пустилась в горестный плач. — А старик Тарновский со своей женой сердечно приветствовали и поздоровались со вторым гостем.

«Поздравьте меня, дети мои. Слава Богу, что счастливо вернулись, — говорил приятным голосом воевода. — Ну, ступайте, будете нам рассказывать, что и как с вами было. Сразу и увидите, как обновилась наша летняя дача».

Его супруга ничего не сказала, но удивилась поведению Гедвики, которая не могла свой плач успокоить. Они пошли.

Читатели наши ещё не знают в точности, кто эти юноши? Однако по излишней беготне прислуги, которую вызвал приезд гостей, можно судить о том, что это очень дорогие гости. Да, что дорогие, это точно, но кто бы это мог быть, ещё так молод, а уже в такой чести у воеводы. Воевода приветлив и искренен с каждым без всякого притворства. Однако поведение его перед гостями — это больше чем приветливость, это скорее любовь к собственным детям, а гости и есть ни кто иные, как его дети. Это сын его и его питомец, юный Торналли.

Радость, которую вызвал их приезд как у воеводы, так и во всём его доме, описать невозможно. Старик Тарновский ходил с ними, показывал, где и что изменил, какие украшения приказал сделать в их отсутствие. Юноши радовались и всё хвалили. Только Гедвика казалась задумчивей, чем прежде. После появления в Тарнове няни Торналли мало кто видел её такой весёлой, как прежде. Но с возвращением брата и его друга, казалось, весёлость вовсе её оставила. Она и пела, и играла, но всегда печально и задумчиво. Самой любимой была та песня, которой научил её Торналли:

*Nedobré to drevo,
s ktorého list letí;
nedobrá to l'úbosť,
kde sa mieša tretí.¹*

Охотнее всего занималась она домашним хозяйством.

Ну а веселее всех в доме Тарновского был юный Тарновский. Торналли, хотя только что был весел духом, однако сейчас почему-то не мог оживиться.

«Яно, Яно, странный ты», — говорил однажды юный Тарновский Торналли.

«Оставь, братец. В этом ты прав: я сам себя не понимаю. Мне так тоскливо тут, что я не выдержу. Я должен уехать, должен уехать».

«Что? Ты хочешь домой? Уже натешился у нас? Неужели не помнишь, о чём мы говорили, когда были в Кракове?»

¹ Нехорошее это дерево
С которого облетает лист.
Недобрая та любовь,
Где вмешивается третий.

«Знаю, знаю! Но я ошибся!»

«А, так значит беспокоит что-то?»

«Сам себя, — ну и всё остальное. Но я должен, должен уехать. Больше не спрашивай меня почему. Я всё тебе рассказываю, но это не могу, не смею сказать. Со временем, возможно, ты узнаешь».

Тарновский больше не расспрашивал его, он ушёл. По дороге всё же говорил что-то невразумительное. Торналли остался один.

«Чудак, точно чудак-человек, а я тем более, — говорил сам себе Торналли. — Я обидел его. По нему это явно видно. Надо пойти за ним и помириться».

С этим решением он последовал за Тарновским.

Воевода Тарновский

Хотя Тарновский и правда был одним из первых в Польше воевод, хотя владения его были едва ли не самыми обширными, так что с кем угодно мог он сравниться, хотя содержал он великолепный двор, однако не видно было у него той надутости, той спеси, как у любого на вид изобилующего богатством, а в действительности умирающего от голода земана. Когда был моложе, он тоже щепетильно относился к своей аристократической чести, к своему воеводству, но чем больше лет становилось обоим, тем меньше аристократической спеси в них оставалось, пока они и вовсе её не утратили.

Воевода жил со своей супругой душа в душу, не так как сегодня наши магнаты, когда женщина живёт отдельно, а мужчина тоже отдельно, когда у него есть своя, а у неё своя компания, тот в той, а она в другой развлекаются и друг о друге мало заботятся.

Хотя кто знает, если бы воевода жил сегодня, не пошло бы у них так же. Но довольно об этом, тогда так не было. Они жили вместе. Воля одного была волей обоих. Один без другого не мог прожить и минуты. Так и сейчас мы видим их вместе. Он сидит за столиком и курит свою люльку, она сидит рядом с ним с другой стороны. Обыкновенно и Гедвика находилась с ними, но сейчас она отсутствует.

«Хм, хм! — крутит головой воевода. — О чём ты задумалась? От Гедвики это переняла? И Торналли с некоторых пор ходит такой, словно всё ему немило. Пожалуй и ты последуй их примеру. За тобой последует сын, а за ним отец. Весело мы будем выглядеть».

«И я этого боюсь. Сама не рада, что так получается. Ума не приложу, что с этой девчонкой делать? Прежде весёлая была, щебетала, всегда радовалась приезду братьев; а сейчас даже не улыбнётся, с братом мало беседует, а с Торналли вообще не разговаривает».

«Что за глупости. Не переживай об этом. Наговорили чего-нибудь, может быть поссорились, а теперь упрямятся. Помнишь ли когда ты упрямялась, а я позволил себе что-то тебе сказать? Успокоилась, а на мои слова только головой покачала. Просто погорячились. И тут что-нибудь похожее».

Однако его супруга на этом не успокоилась, а на его слова только головой покачала. Она как раз размышляла, следует ли что-нибудь сказать, но тут дверь отворилась и вошёл юный Тарновский. По выражению его лица было видно, что он чем-то обеспокоен, на что-то сердится.

«А я предупреждал, — сказал воевода, — что это пойдёт от одного к другому, что будем сидеть головы повесив, наконец, говорить разучимся. Какой чёрт вас побрал! И дочь, и сын, и мать, и воспитанник — все увиливают, все молчат; я не знаю как человек в здравом рассудке может это объяснить. Все словно голову потеряли».

Воевода замолчал, наступила тишина. Покуда он сам её не нарушил.

«Ну, можете объяснить мне, что с вами произошло, о чём вы думаете?»

«Известно ли вам, отец, что Торналли хочет уехать?»

Отец и мать посмотрели на сына, который продолжал:

«Но как его примут в Муране, если он хочет туда отправиться, я не знаю. Он мне, конечно, не говорил, куда намерен идти, сказал только, что должен нас покинуть. Но почему, об этом он не захотел мне сказать, заметив, что объяснит не раньше, чем сам всё обдумает. Если бы я знал, что он не пойдёт в Венгрию, я бы не переживал. Но там сейчас всё ещё беспокойно. Права там не дозовёшься, если его не завоюешь. Как мы слышали, Башо в его владениях не как уполномоченный, но как владетель угнезвился. Вместо уполномоченного стал разбойником, который присвоил наследство Торналли. Однако и на этом он ещё не успокоился и грабит, где только может. Несколько раз уже побывал в Польше, и какой ущерб, какой грабёж тут учинил! Я удивляюсь, что ещё и на нас не напали. Изабелла и Фердинанд всё ещё грызутся. Ни у одного из них нет сил, чтобы подчинить мятежников. Поскольку Торналли присоединился к сторонникам Изабеллы, Башо присоединится в Фердинанду, пообещает ему Муран, а тот будет ему помогать. И кто знает, кто способен победить? Неизвестно? Было бы лучше, если бы Торналли подождал, пока всё успокоится».

«Сын мой, — говорит воевода, — на мир нет сейчас никаких видов. Турки на стороне Изабеллы, большинство венгерских мегаломанов перешли к Фердинанду. Изабелле трудно будет победить. Как слухи доходят, её партия начинает сильно слабеть. Почему Торналли пришло в голову уйти, не могу понять. Возможно, это просто прихоть; надо лучше ознакомить его с положением дел, и он откажется от своего намерения. Но мне об этом он ничего не говорил».

«Мне кажется, — прерывает его юный Тарновский, — он стыдится того, что в Венгрии такое происходит. А более всего, что у него такой опекун. Должно быть, это страшный дикарь. Сестра мне рассказывала, что тут была какая-то женщина. Говорила, что она из Мурана. Вы должны это знать, это было несколько недель назад, когда мы должны были приехать. Она же рассказала сестре о Башо. Среди прочего и о том, что слышала как Башо разговаривал со своими братьями, которые совето-

вали убрать Торналли, если он хочет присвоить его имущество. Он, конечно, возражал, однако высказался в том смысле, что у него есть свой план. Что они решили, она сказать не могла. Хотела говорить только с Торналли. Однако когда уходила, на коленях упрашивала сестру никому не рассказывать, что она была здесь. Больше разговаривать она не захотела, но просила сестру передать Торналли какое-то письмо и сказать, чтобы он ради всего, что ему дорого на свете, остерегался незнакомых иностранцев; в Муран не собирался, пока не известят его самые искренние друзья, которые о нём заботятся. — Сестра всё выполнила так, как поручила эта женщина. С тех пор Торналли ходит сам не свой. Всё время думает о чём-то, но мысли его никто угадать не может. А сегодня, может быть и невольно, он сказал мне, что должен нас покинуть. Этот дикий уроженец востока, который тут задерживается, с некоторых пор мне не нравится, он постоянно ходит с Гедвикой, либо с Торналли. Кто знает, что в нём таится. Может это, наконец, какой-нибудь злодей, подосланный Башо. Он постоянно рассказывает о Башо и всегда только приятные вещи, но мы об этом слышим только обратное. Нам следует обратить на него больше внимания, а Торналли всячески удерживать, чтобы не уезжал от нас».

«Мне самому Бейи не нравится, — говорит воевода, — но указать ему на дверь мы не можем. Однако можем уберечь от него Торналли. Он не смеет от нас уйти».

За всё это время супруга воеводы не проронила ни слова. Но время от времени из груди её вырывался глубокий вздох, а её глаза неоднократно орошались слезой. Воевода с сыном продолжали обсуждать, что они могли бы сделать в интересах Торналли, в этом их поддерживала и мать, которая более всего переживала о том, как излечить Гедвику от её задумчивости.

Конечно, с прибытием Бейи Гедвика стал веселее, и всё же, как говорится, это была всего лишь видимость. Поскольку как поют наши девушки:

*„Spievam si ja, spievam, veselou sa byt' zdám,
ale nikto nevie, jaký žial' v srdci mám.
Ústa mi spievajú, očka sa mi смеjú,
ale od srdiečka slzy sa mi lejú!“¹*

Стишки эти полностью совпадали с состоянием Гедвики. Из неё словно душу вынули. Она радовалась, она веселилась, когда с ней ходил Бейи, когда он разговаривал с ней. Но вся её радость была мнимой.

С тех пор как Бейи обосновался у Тарновских, кроме его мало кто с ней беседовал. Бейи и с Торналли часто вёл разговоры, которые, впро-

¹ «Пою я, пою, весёлой быть стараюсь,
но никто не знает какую печаль ношу я в сердце.
Уста мои поют, глаза мои смеются,
но из сердечка моего слёзы льются».

чем, были неприятны Торналли; он обыкновенно уклонялся. У него была к Бейи какая-то неприязнь, казалось, он был знаком ему, но не мог его вспомнить. Его антипатия зашла так далеко, что целыми днями сидел он в своей комнате, чтобы с ним не встречаться, а когда увидал, что у того нет желания переселиться от Тарновских, решил, что сам уйдёт. Действительно ли только по этой причине хотел он уйти, мы рассуждать не вправе, возможно кому-то это покажется странным. Однако нам известно не более того, что на вопрос Тарновского:

«Почему ты хочешь уйти?»

«Из-за Бейи! — был короткий ответ. — Я его не выношу, поэтому должен уйти».

Напрасно его уговаривал, что Бейи тут жить не будет, что он скоро уедет, всё это он оставлял без внимания. Он продолжал стоять на своём, никоим образом не желая отказаться от намеченного, так что юный Тарновский ушёл нахмуренный; он направился в сад, где надеялся встретиться с ним. Но он ошибся. Вместо него увидел нечто другое. Вместо друга нашёл своего врага. Тут был Бейи, но не один, там была и Гедвика. Как показалось, они неплохо развлекались, поскольку не заметили вошедшего.

«Тем лучше, — подумал Торналли, — нет необходимости ни с ним, ни с ней разговаривать». И пошёл по другой дорожке, которая вела к летней даче. Он как раз поравнялся с ними, когда Гедвика говорила:

«А что бы ты об этом подумал, если я скажу тебе, что нет?»

«Простите мне это, дева, но в ваших глазах я читаю противоположное, они выдают вас. Вы любите. Да, любите его», — говорил неуверенным голосом Бейи, при этом пристально присматриваясь к Гедвике, которая ему не отвечала, обдумывая что-то.

«Вы не соизволили ответить, бесценная дева. Но учтите, что от вашего ответа многое будет зависеть. Моё спасение и жизнь». — Затем, словно опомнясь, он умолк. Гедвика его, похоже, не слушала.

«Сжальтесь, милостивая дева, извольте рассудить», — снова заговорил Бейи, поскольку Гедвика ему и на этот раз не ответила. Он с трепетом ждал решения; также и Торналли, остановившись, нетерпеливо ждал, что ответит Гедвика. Бейи приблизился к ней, хотел взять её за руку, но она отступила.

«Чистая, благородная дева, — говорит Бейи. — Да или нет?»

«Да, люблю!» — говорит Гедвика, и румянец покрывает её щёки.

«Любите?! Она его любит!» — послышалось тотчас, и из груди каждого вырвался глубокий вздох.

Слова Гедвики пронзили его грудь словно стрелы. Торналли больше не слышал, не видел, не чувствовал — все чувства будто покинули его. Он даже не понял, как добрался до летней дачи. Ноги несли его туда без его ведома. Тут он лёг на кушетку. Вся душа его повтвряла только эти слова:

«Она его любит!»

Слова Гедвики: «Да, люблю!» — словно огонь обжигали его душу.

«С Богом, Польша! Мой урок тут выполнен! Но куда? — спрашивал он сам себя. — Куда пойти? Домой мне путь заказан. Кто знает, есть ли там друзья? Отец мой! Те, кому ты доверил своего сына, предадут меня и тебя. Твой сын вынужден из милости жить у другого, когда его собственные средства существования у него бессовестно отняты. Эх, Мохач, Мохач, когда заживут эти раны, нанесённые ста тысячам?»

Долго и много говорил Торналли, предаваясь раздумьям, в которых Снилко¹ упал ему на глаза и он сладко уснул.

К Бейи, может быть никогда так кстати, как сейчас, подошёл воевода. И Гедвике это пришлось по нраву. Пока воевода с Бейи беседовали, Гедвика удалилась от них, шагая той же дорожкой, что и Торналли минуту назад. Скоро она была в летней даче, где Торналли отдыхал в объятиях приятного сна. С какой-то болью, которую невозможно было выразить, отдыхали её прекрасные глаза на лице спящего юноши, на которое, казалось, слетает лёгкая улыбка. Гедвика не удержалась, чтобы не подойти к нему ближе. Легко ступая словно тень, она остановилась у изголовья, любуясь приятным лицом, словно хотела прочесть по нему тайны и, прежде чем отойти, склонилась перед ним, и губы её подобно ветерку коснулись лба Торналли. Её щёки зарумянились, стеснённую грудь наполнили удивительные чувства, дыхание остановилось, глаза её искрились так, что она ничего не видела ни впереди, ни позади, и только случай позволил ей добраться до излюбленной беседки, до тени своего любимого плюща. Придя сюда, словно центнеры боли сбросив с сердца, она глубоко вздохнула, из глаз вырвался обильный поток хрустала, что облегчило её стеснённую грудь.

Тут размышляла прекрасная полячка — размышляла, и в душе своей рисовала прекрасные миры будущего. Но кто угадает думы прелестной девушки, кто заглянет в эти тайные планы, которые девушка строит в уединении, если только она сама не откроет этого перед миром? Однако нет, это трудное дело! Все, значит по крайней мере никто не выдаст: это тайна, которую мир узнать не смеет; это святыня, которая была бы оскорблена даже самым осторожным приоткрытием. Что думала тогда Гедвика, этого нам узнать не дано, — но говорить вольно каждому. Если кто и угадает, до этого никому нет дела. Ей это безразлично: пусть думают что кому угодно: она думает о своём. О чём Гедвика думала, она не рассказывала. Впрочем, если бы нам предложили угадать, то мы бы сказали: «О Торналли», — так, бесспорно, ответил бы каждый.

«О Торналли», — а разве возможно думать о нём и при этом оставаться равнодушной, как это делала Гедвика? Удивительное сердце, удивительны его желания, и тайны его зачастую непонятны! Гедвика сторонилась Торналли и в то же время наблюдала за ним. А как наблюдала, это мы в летней даче только что видели. Но такова уж девичья натура, что она всегда показывает противоположное тому, что в действительности таится в её груди. Так было и с Гедвикой: она не желала никому открывать свои мысли; с виду она была равнодушна к Торналли. А Тор-

¹ Снилко, (сл.) — фантазёр, мечтатель. — Прим. ред.

налли? Возможно кто-нибудь спросит: «Что он делал?» Не сознавая, почему Гедвика с ним так обходится, он долгое время мучался, полагая, что возможно со временем девушка изменит своё поведение, однако ждал он напрасно! Что однажды Гедвика решила, того придерживалась в точности. Видя, что все ожидания безуспешны, он с каждым днём становился всё печальнее. Всё его раздражало настолько, что он решил покинуть дом Тарновских. Ему уже исполнилось двадцать четыре года, он думал, что примет своё наследство, которое до сей поры находилось в руках Башо. Однако, прочитав письмо от Зузки, которое передала ему Гедвика, он отказался от своего намерения. Но тут произошла эта несчастная встреча и эти несчастные слова, которые говорила Гедвика Бейи. «Она его любит!» — постоянно звучало у него в ушах. «Я должен, должен убраться прочь!» И кто знает, если бы Бейи на третий день не уехал, сумел бы кто-нибудь уговорить его, чтобы он оставался тут и дальше.

Однако посмотрим на Бейи, как он воспринял слова Гедвики? Если Торналли ответ не оставил равнодушным, то Бейи точно так же опечалился, если не больше. Не имея больше дел, он просил воеводу отпустить его, на что воевода хотя и любил гостей, однако Бейи сильно не задерживал.

«И куда вы намерены сейчас?» — спрашивал его воевода, когда узнал, что он хочет уехать.

«Куда же ещё, если не в Муран!», — говорил он голосом, жаждущим мести. И тотчас, словно желая исправиться, продолжил льстивым голосом:

«То есть я хотел сказать, что как раз еду в Венгрию, если время мне позволит, навещу и опекуна юного Торналли».

Настойчивость в голосе Бейи не укрылась от внимания воеводы, хотя он не показал вида и продолжал:

«Значит, в Муран? Тогда поприветствуйте Башо и скажите ему, что наследник Мурана довольно скоро возвратится в Муран, и может быть с какой-нибудь наследницей, чтобы доставить ему ещё большую радость». При этом он внимательно наблюдал за лицом Бейи, на котором заметно было какое-то странное подёргивание нервов.

«Это действительно очень обрадует Башо и он будет вам благодарен! — сказал Бейи, и по его губам пробежала саркастическая улыбка. — Особенно если приведёт такую богатую невесту», — при этом он с любопытством посмотрел на воеводу.

«Кто знает, возможно и впрямь ему богатая понравится? Он ещё ни об одной не обмолвился».

«Если бы ему не нравилась богатая, — прервал его Бейи, — бедных он достаточно нашёл бы в Венгрии».

«Милый мой Бейи, это не всегда зависит от богатства».

«Разумеется, красивая и к тому же богатая всегда найдёт предпочтение. Впрочем, я убеждён, что Башо будет спокоен за ваш выбор».

«Мой выбор, ха-ха! — от души рассмеялся воевода. — Не мне жёниться, не мне и выбирать».

«Но, однако, я думаю, что вы посоветовали Торналли выбрать кого-нибудь из множества красивых и богатых польских барышень».

«Это не нам решать, это Бог определит!» — сказал воевода.

Бейи минуту молчал, а потом перевёл разговор на другие темы. Однако в душе его осталось большое беспокойство. Он думал об одном, а говорил о другом. Прежде чем расстаться, он ещё раз довольно долго беседовал с воеводой.

Преступление

К привычкам юного Торналли относилось и то, что каждый день, будь то в одиночестве либо со своим другом Тарновским, он хаживал в парки, которые широко раскинулись и были в достаточно близком соприкосновении с ближайшей в округе рощей. На этих-то прогулках он если не встречался, то по крайней мере виделся издалека с прекрасной Гедвикой. Но с тех пор как он услышал в саду разговор Гедвики с Бейи, его прогулки прекратились. Перемена эта бросалась в глаза, тем более, что он ни на шаг не удалялся из своей комнаты. Когда друг спрашивал, почему он третий день не ходит на прогулку, он отвечал:

«Пока здесь Бейи, я никуда не выйду. Не хочу с ним где-нибудь встретиться!»

Когда Бейи должен был уезжать, он сказался больным и приказал слуге, чтобы он не пускал к нему никого, кроме юного Тарновского. Напрасно пытался Бейи проститься с ним, напрасно кто-либо пытался войти к нему, каждый вынужден был уйти ни с чем. Слуга точно выполнял приказ, даже воеводе воспрепятствовал, сказав, что юный шляхтич спит.

Уединение Торналли было для его друга тайной, которую он предположительно мог объяснить, однако остальные в замке считали, что он опасно болен.

Но стоило Бейи покинуть замок, болезнь покинула Торналли, и он по своей привычке прогуливался по тем самым посыпанным жёлтым песком дорожкам в саду и в парке, однако более чем прежде остерегался встреч с Гедвикой.

«Что же с тобой случилось, Торналли?» — спрашивал воевода, когда однажды встретил его на прогулке. — С некоторых пор ты сильно изменился, совсем другой характер. Все в доме на тебя жалуются, что ты никому не рад!»

«Да, не рад, — подтвердила Гедвика, которая стояла рядом с отцом. — Когда был болен, он никого не хотел к себе допускать. Я бы его тогда с такой охотой навестила, но слуга меня не пустил, а вот брата пустил». Тут она искоса посмотрела на Торналли, который стоял перед ними с опущенной головой и покорно выслушивал их упрёки. Видя это, Гедвика тоже глаза опустила и по её лицу пролетел румянец, поскольку Торналли поднял голову, желая что-то сказать. Но взгляды их встретились, и слова застряли у него в горле.

«Такой же приём ждал и меня, — сказал воевода. — Однако не столько это меня расстроило, сколько то, что ты хотел нас покинуть не посоветовавшись со мной. А знаешь ли ты, в каком положении находится сейчас Венгрия и твоё имущество, которое... — закончить ему не удалось, поскольку Торналли перебил его.

«Знаю! — был его ответ. — Именно для того я и хотел уйти, чтобы иметь возможность что-либо предпринять».

«А хорошо ли ты взвесил, что в этих обстоятельствах такому молодому шляхтичу как ты не только большая опасность, но и гибель может угрожать. Можешь ли ты знать, какая сторона победит, а какая падёт? Присоединишься к одной из них, но почему ты уверен, что к правильной?»

Торналли молчал и машинально шагал рядом с воеводой, который ещё много всякого ему наговорил и окончательно изгнал из его головы всякую мысль о путешествии, так что, возможно, он более о том и не думал, если бы через несколько дней не произошло следующее.

Спустя несколько дней Торналли как обыкновенно вышел на привычную прогулку, в ходе которой, после того как воевода изгнал из его головы мысли об отъезде, всегда встречался с Гедвикой, беседовал с ней, и если не совсем ей доверял, — что вызывало у девушки большую досаду, — то радовал уже тем, что не избегал её как прежде. Гедвика и Торналли отбросили свою меланхолию и с каждым днём становились всё веселее, а их беседы и поведение перерастали в доверие.

«Скажите мне, Торналли, — говорила ему Гедвика, которая в тот день неожиданно встретила с ним в летней даче, — тогда-то и тогда-то, — при этом она назвала и день, и час, — когда вы тут спали, что вам снилось такое приятное?»

Торналли нахмурился. Было заметно, что ему этот вопрос не по нраву.

«А зачем ты спрашиваешь, пресветлая дева?»

«Потому, что я вас тут застала и наблюдала за вами, мне показалось, что вы улыбались. Не снилась ли вам Мариенка, ведь вы её уже давно не вспоминали. Мне хорошо известно, что когда вы хотели от нас уйти, это только ей было по нраву. Не правда ли, что она вам снилась, что из-за неё вы хотели от нас уйти? Я угадала?» — спрашивала Гедвика и плутовски поглядывала на Торналли.

Торналли, который не был готов к этим вопросам, казался немного смущённым; заметив это, Гедвика испытала ещё большую радость и ждала ответа.

«Да, панна Гедвика, мне что-то снилось, уже и сам не знаю что: знаю только то, что это не связано с Мариенкой. Я был счастлив, но только до того момента, как проснулся».

«И разве вы не откроете мне свой сон, если помните его?» — говорила несколько нерешительно Гедвика.

«Расскажу, благородная дева, но если смею просить, выйдем в парк, я покажу вам и место, в котором мой сон происходил. Но если вы действительно хотите, чтобы я вам рассказал свой сон, я бы тоже хотел вас кое о чём попросить?»

«Доверие за доверие», — прозвучал ответ девушки.

«Хорошо, панна Гедвика, доверие за доверие. Значит, если вашей милости угодно, пойдёмте в парк!»

«Пойдёмте!» — говорит Гедвика, и вместе они вышли из летней дачи.

«Но вы ещё не изложили мне свою просьбу, которую я должна исполнить», — говорила Гедвика. Они как раз пришли на то место, где две недели назад Гедвика беседовала с Бейи. Торналли остановился. «Вы правы, сетлая благородная дева, — и словно бы в раздумье он говорит: — Доверие за доверие, панна! Помните ли, панна, с кем вы беседовали тут две недели назад?»

Лицо Гедвики запылало, перед глазами поплыли круги, ей показалось, что земля уходит из-под ног. С опущенной головой она продолжала шагать рядом с Торналли, у которого тоже кружилась голова, и который, видя в какое замешательство он привёл Гедвику, упрекал себя за то, что посмел расспросами довести её до чего-то подобного. Минуту он молчал. Но потом говорит:

«Простите, светлая благородная дева, я не хотел вас обидеть, но...»

«Знаю! — прервала его Гедвика. — Вы хотели меня предупредить, чтобы в следующий раз я была осмотрительнее. Благодарю вас! Значит, вы меня подслушивали?»

«Избави Бог, панна Гедвика, не подслушивал; я шёл по дорожке в летнюю дачу. Вы стояли тут с Бейи, настолько погружённые в беседу, что даже не заметили, что я прошёл рядом с вами. О чём вы говорили вдвоём, этого я не знаю, помню только, что услышал, может быть плохо расслышал, твой, как мне показалось, голос; панна Гедвика произнесла: «Да, люблю!», — больше я ничего не знаю».

При этих словах Гедвика разом вспыхнула, тотчас снова побледнела. Она не могла больше ни говорить, ни скрыть свою растерянность. Торналли это хорошо видел и говорил, желая вывести её из замешательства:

«За то, что панна Гедвика изволила дразнить меня Мариенкой, я позволил себе эту шутку, желая похожим способом вас подразнить. Причём эти слова — «люблю» и «да» — которые, как я на слух определил, вы произнесли, только не знаю кому именно или зачем они были адресованы; хотел я, как уже сказал, только шутя адресовать их Бейи. Что на это сказать изволите?»

Гедвика вздохнула так, словно с груди её свалился груз весом по меньшей мере в центнер. Но показалось, что этот вздох свою тяжесть перенёс на Торналли.

«Так это вы хотели отплатить мне за то, что я вам досадила. Вот уж не думала, что в этом и заключалась ваша просьба».

«Да, благородная дева, именно в этом. Однако я хотел изъяснить её панне благодетельнице в том смысле, чтобы она тот доверительный разговор с Бейи, насколько помнит его, воспроизвела».

«Как это возможно — судить о разговоре, когда вы слышали всего два слова?»

«Но именно они сделали меня любопытным, я не знал, да и сейчас не знаю, кому они адресованы».

«А вы их кому адресуете» — спросила она беспокойно.

«Я... я... панна... — затараторил он, не зная что ответить, — я сам их...»

«Ну, кому же?»

«Бейи!»

Гедвика не промолвила ни слова: вокруг её малиновых губ пролетела лёгкая улыбка. Торналли тоже молчал. Спокойствие, которое вновь обрела Гедвика, показалось ему неуместным. Он надеялся найти растерянность, такую как прежде, а может быть и большую, но видел, что просчитался. Меж тем они дошли почти до края парка, где он переходил в рощу, когда Гедвика прервала молчание:

«Скоро ли мы перейдём к рассмотрению вашего сна, пан Торналли?»

«Мы уже тут, тут, панна!» — прозвучал ответ Торналли.

«Итак, это произошло тут, — глядя своим пронизательным взглядом на него, сладким голосом спрашивала Гедвика. — Должно быть, это был романтический сон, в таком романтическом месте!»

«Вот уж точно роман», — добавил Тоналли и предложил Гедвике сесть на дерновую кушетку, которая тут находилась. Вокруг были посажены цветы, с двух сторон стояли по три каштана, между ними раскинулась ветвистая липа, а под ней — каменный стол. Гедвика села. Торналли сел рядом с ней и любовался полем, которое раскинулось перед ними, они словно забыли о беседе, вновь и вновь взгляд девушки останавливался на красивом лице юноши, которому казалось, что он счастлив, если может предаться своим мечтам возле такой прелестной девушки. Но всякое блаженство исчезло с его лица, как только он подумал о Бейи и словах Гедвики.

То же казалось и Гедвике. И она чувствовала себя счастливой, готова была обнять целый свет. Надежда на то, что Тоналли всё же любит её, оживила в её душе и былое счастье, которое рисовалось ей в воздушных замках и с каждым днём казалось всё более и более осуществимым. Но стоило ей подумать о той старухе, которая рассказывала ей о Торналли и Мариенке, на память приходила поговорка «Старая любовь не ржавеет», и тогда печаль разливалась по её лицу. Она посмотрела на Торналли, который старательно следил за каждым её движением, и упрекнула себя, и даже улыбнулась мысленно, что могла подумать о чём-то подобном. Какая же она ещё ребячливая.

Тут она почувствовала нежное пожатие руки, которая лежала в руке Торналли. Словно молнией пронзило её пожатие руки, какое-то чудесное ощущение настолько влекло её к Торналли, что она не могла противиться желанию ближе склониться к нему и даже сама не заметила как её голова легла ему на грудь.

«Ах, я счастлив! Мой сон исполнился!» При этих словах Гедвика вздрогнула, хотела убежать, но тщетно. Ноги не желали ей подчиняться, и она снова оказалась в объятиях Торналли.

«Торналли, зачем ты мучаешь меня? — воскликнула девушка, скрывая искрящиеся хрусталики, которые срывались из её глаз. — Почему

ты меня ненавидишь? Не из гранита ли твоё сердце, подобное каменному Мурану, о котором ты говоришь, что он неприступен. Есть ли у тебя сердце, что оставляешь меня мучаться. Разом уничтож этот цветок, уничтож меня, но не терзай. Ты знаешь, что я люблю тебя, ты слышал меня, ты не спал — это было наяву. Почему прямо не отругаешь меня за то равнодушие, что я проявила, зачем выдумываешь сны? Скажи, что не любишь меня, всё, всё скажи, ничего не скрывай. Ах, я несчастная девушка!»

Торналли стоял сам не свой. Любое слово умирало у него на устах. Всё это он воспринимал как ещё один сон.

«Это возможно, это правда, Гедвика? Ради Бога, опомнись! О чём ты говоришь? Я тебя не понимаю!»

«Он не любит меня и поэтому не понимает», — говорила она в большой печали и хотела высвободиться из крепких объятий, в которые заключил её Торналли.

«Люблю, Гедвика, люблю! Но разве ты не любишь Бейи?»

«Бейи? — повторила с удивлением девушка. — Я Бейи? Как ты додумался до этого, Торналли? Ага, должно быть, помня мои слова, которые плохо расслышал, либо плохо понял. Может быть ещё раз тебе повторить, что я люблю тебя? Ты мне не веришь?..»

«Верю тебе, душа моя! Только и ты верь мне: и я тебя люблю, люблю, прекрасная дева; — о, я счастлив, что могу любить тебя, и в тысячу раз счастливее тем, что любим тобой!»

Едва он договорил, что-то просвистело в воздухе; Гедвика вскрикнула, схватилась за сердце, где ощутила боль, а издали послышался дикий смех, который затерялся в роще. Левый бок Гедвики кровоточил, Торналли этого не заметил. Его рука, которой он обнимал Гедвику, была прострелена стрелой, которая ранила и Гедвику, а вторая стрела застряла в каштане.

«Проклятая злодейская рука!» — воскликнул Торналли, выдернул стрелу из руки, опустил Гедвику и побежал в ту сторону, откуда до его ушей донёлся дикий смех. Когда на крик Гедвики сбежались слуги, они нашли её в обмороке. Каждый думал, что она убита, уже мертва, поскольку рана кровоточила возле самого сердца. Как мёртвую её принесли во дворец. Что её появление в таком состоянии вызвало ужас, способен домыслить каждый. Стрелы, которые нашли на месте действия, были стрелами юного Тарновского. Тарновский исчез. Торналли тоже не вернулся. Люди рассказывали, что видели как Тарновский с кем-то прогуливался в роще и около парка. А кроме того накануне у него была ссора с Торналли, чего никогда не случалось, и многие заключали, что он хотел отомстить, однако промахнулся и ранил сестру, а думая что убил её, пустился наутёк. Некоторые с уверенностью утверждали, что это был именно он, и даже уверяли, что собственными глазами видели его, когда он там прятался и когда убегал от Торналли. Но куда он делся, никто сказать не мог. Прошёл день, и две недели, но ни о нём, ни о Торналли ничего не было слышно.

5. Мариена

«Характер человека меняется каждые семь лет, — вздыхала в одиночестве Зузка, — но что касается Башо, тот как однажды изменился, таким и остаётся». А Башо и в самом деле мало изменялся, разве что становился более мрачным и более диким. Подобной Башо была и жизнь в Муране. Суматоха сброда продолжалась непрерывно, а если и прекращалась, то лишь на то время, пока вся эта сволочь отправлялась на разбой. Плакала Римава вместе со всей долиной, а Вздыхавка, полная горя, вливалась в опечаленную Муранку, поскольку в прелестных лесах всех подстерегали страх и ужас. Бедный люд утешал себя: «Бог даст, всё переменится». «Долго так продолжаться не может! — говорили старушки. — Бог не сможет на это смотреть». Но прошёл год, прошёл и второй, и третий, а всё так дальше и шло: времена не менялись, разбой усиливался, а люди больше не были спокойны за свою жизнь. Народ уже сомневался, что это может измениться. «Злое семя так легко не выведется», — говорили люди, на что другие отвечали: «Эй, ничего подобного. Каждый человек должен знать, что и он смертен. Пройдёт и этот разбой, пусть только в стране установятся мир и порядок!»

«Хм, оно конечно так, да не вдруг-то случится. Барсук сам собой из норы не вылезет, хватай его в ней. Что сделают муранским разбойникам, когда они в крепости затворятся?»

«Барсуку чуть помочь, он и выскочит, так и с Мураном будет, — говорили другие. — Ведь Башо не долго осталось быть господином, юный Торналли скоро примет своё наследство. Удивительно, что ничего не слышно об этом господине. Пора бы ему и домой прийти, ведь он уже точно взрослый. Бог знает, что с ним случилось, куда его этот Башо спровадил?»

«Странно, очень странно это», — качали головами многие, когда речь заходила о юном Торналли, что случалось нередко.

Подданные Торналли были ему преданы и потому часто его вспоминали, и всякое могли один другому порассказать. А вот Башо ненавидели, и когда слышали от Ковача, либо от Зузки, которые время от времени приходили к ним из замка, что хочет Башо свою Мариену выдать за Торналли, хмурились, словно это было им не по вкусу. И всё же её все любили, все считали её воплощением доброты. Если Мариена иногда спускалась в Муран, все радовались, все к ней тянулись. Дети её любили, поскольку она им всегда что-нибудь приносила, либо с Зузкой присылала. Если кому-нибудь не хватало средств для пропитания и она об этом узнавала, каждому находила возможность помочь вопреки тому, что ей это было в несколько раз труднее, ведь ей приходилось выпрашивать у отца. И если когда-нибудь ей удавалось что-нибудь выклянчить для бедных, она никогда не ждала похвалы.

Доброй была Мариенка, и однако при всём том, что её любили, не охотно слушали, когда говорилось о том, что Торналли на ней женится, что она будет им госпожой.

Случилось это как-то в воскресенье, когда Ковач спустился в деревню, где под липами сидела едва ли не вся деревня Муран. Молодёжь веселилась на лужайке, а старики беседовали либо смотрели на игры. Едва они заметили Ковача, некоторые пошли ему навстречу и привели его в круг, чтобы он с ними беседовал. После общих приветствий с одной и с другой стороны, когда он расспросил как кому живётся, все ли здоровы дома и что они поделявают, зашла речь о господах. Впрочем, все говорили осмотрительно, поскольку боялись, чтобы их никто не выдал: ибо беда тому, кто бы отважился хотя бы словом помянуть господ как-нибудь оскорбительно, того управляющий Мураном если бы не совсем, то наполовину замучал, чтобы он на веки веков оставался нищим. Если кто и говорил более строго либо неприязненно о поступках господ, он делал это в кругу самых доверенных людей. Поэтому и сейчас речь завели не подданные, а сам Ковач. Они не боялись и ничего не скрывали от Ковача, поскольку знали его как единственного в замке, кто был не согласен с Башо, и удивлялись тому, что Башо не изгнал его из замка как своего противника, что давно уже сделал с остальными друзьями Торналли, исключая Ковача и Зузку.

«Снова крики там наверху, — говорил Ковач. — Не знаю, действительно не знаю, когда наступит этому конец? Эти негодяи снова ограбили какой-то костёл. Из римско-брезовского костёла украли серебряные кубки. Один из них, уверен, золотой. Я надеялся, что юный Торналли скоро уже вернётся и положит конец этому разбою, но как слышал, в этом году он возвращаться не собирается. Недавно вернулся из Польши Бейи, куда отправлял его Башо неизвестно с какой целью, так он рассказывал, что Торналли болен. Когда выздоровеет, нас посетит, может быть вместе с невестой. Это должна быть, как говорит, очень красивая княжна, дочь воеводы»

За всё это время никто не перебил его, все слушали с большим вниманием. При упоминании невесты Торналли лица их посветлели, а один даже вздохнул, когда услышал, что он возьмёт в жёны не дочь разбойника, а дочь богатого воеводы. Однако ни один не решился выказать свою радость. Ковач и дальше рассказывал бы, но тут кто-то подошёл к нему, что-то шепнул на ухо, после чего он встал, подал каждому руку и покинул их со словами:

«Оставайтесь с Богом, я должен идти в замок, зачем-то требуют. Если получится, зайду сегодня ещё раз!» С тем он и ушёл.

Уставшая молодёжь уже отдыхала от своих игр. Старшие продолжали беседовать. Самые близкие перешёптывались о чём-то, чего другие не могли слышать. Прочие смотрели, не возвращается ли Ковач. Прошёл час, его не было видно. А когда и солнышко заходило, многие уже порасходились, наконец и последние направились своей дорогой, каждый к своему жилищу. Мы не будем сопровождать каждого на его пути, но последуем прямо в крепость вслед за Ковачем, который размышлял по пути, зачем его вызвали из селения. Но тщетно, так ничего и не пришло ему в голову. А спутники молчали. Вошли в крепость, оттуда направились прямо в замок. Ковач вошёл внутрь, его спутники остались снаружи.

В роскошно украшенной зале муранского замка сидела погружённая в свои мысли прелестная дева. На лице её были изображены боль и печаль, которые, однако, делали её красоту ещё более интересной. С прелестной головки, обрамляя округлое личико, ниспадали прекрасные, нежные словно шёлк золотистые волосы примерно восемнадцатилетней девушки. Из-под высокого белого лба сверкала пара прекрасных глаз. Девушка была очень задумчива, поскольку, кажется, даже не заметила как открылась дверь и внутрь вошёл Ковач.

«Изволили звать меня, барышня?» — спросил вошедший, однако ответ он получил только на второй раз.

«Да, мой Ковач, я велела позвать вас, причём по очень важному делу! Поэтому я хотела бы, чтобы вы говорили со мной совершенно искренне. Речь идёт о Торналли, не хочу медлить, поэтому расскажу вам вкратце. Садитесь», — при этом она указала на место рядом с собой.

«Вы знаете, мой Ковач, — продолжала барышня, — что задумал мой отец в отношении меня», — и тут она посмотрела на Ковача, который опустил голову и молчал. Буквально на мгновение установилась тишина. Пользуясь этим, мы откроем любезным читателям, что этой прелестной девушкой была дочь муранского Башо. Та самая, которая веселилась с Торналли, его подружка Мариенка, с которой он так охотно играл, когда ещё мальчиком жил в Муране. С тех пор прошло уже много лет. Из маленькой девочки выросла прекрасная барышня, которая несколько не была похожа на отца, а Торналли стал юношей.

Оба уже давно не виделись, и всё же ни она его, ни он её забыть не могли. Как Мариенка Янко, так и Янко Мариенку не раз вспоминали, не раз и один, и другой хотели увидеться хоть на минуту.

*«Годы шли, лета миновали,
а они каждый день видеться желали»*

Поскольку Ковач не отвечал, она продолжала:

«Вам известно, что, вследствие разрушения планов отца, он строит новые планы, поскольку не хочет выпускать из своих рук Муран. План таков: посредством семейных уз удержать в руках владения Торналли, которые вследствие его помолвки для Торналли утрачены. Отец мой науськан Бейи и братьями. С некоторых пор я замечаю, что он, якобы из мести, какими угодно средствами хочет оставить за собой имущество, которое ему не принадлежит по закону и которое он поклялся временно, надёжно и добросовестно опекать».

Старик Ковач был словно ребёнок, не мог произнести ни слова, а так хотел сказать, так хотел отблагодарить девушку за то, что нашлась в Муране хоть одна душа, которая думает так же, как он. Однако из-за большого волнения, которое охватило его грудь, он не мог. Проникновенный взгляд старика, горячий поцелуй, может быть первый в жизни, которым он почтил прекрасную девушку, поцеловав её изящную руку, должен был выразить его благодарность за сострадание к его воспитаннику. Ах, и сейчас как же хотелось ему, чтобы оказалось неправдой, будто Торналли обручён.

Долго ещё разговаривала Мариенка с Ковачем, многое ему открыла из того, чего он не знал о замыслах Башо. Однако и она была охвачена каким-то чувством, которое настолько ею овладело, что она больше и говорить не могла; сказала Ковачу, чтобы берёг Торналли, для того и велела его позвать, и удалилась в боковую горницу. Вскоре и Ковач покинул залу.

Прошёл день, и другой, Ковач думал, как бы избавить Торналли от опасностей, которые ему действительно угрожали. Слова Мариенки были правдивы: её отец изменил свои планы. Случилось это на третий день после их разговора. Он случайно набрёл на мрачную комнату Башо. Услышал, что кто-то там разговаривает, вопреки своей привычке остановился, чтобы понять, кто там. Вскоре он распознал три голоса. Это были Башо со своим братом и Бейи. Из комнаты доносилось следующее:

«Предоставь это нам двоим, мы всё сделаем так, что ни малейшее подозрение не посмеет пасть на тебя. Но говорю тебе: только при том условии, что ты посодействуешь мне с его невестой!»

«Имеешь в виду мою дочь или Тарновского?» — послышался второй голос, голос Башо, тогда как первый принадлежал Бейи:

«Имею в виду Тарновскую», — говорил первый.

«Это и впрямь трудное дело, — сказал на это третий, — но думаю, что удастся».

«Свою дочь я мог бы обещать тебе скорее, чем ту. Сделаю для тебя всё возможное, а если ты доволен моей Мариенкой, люблю её, но обещаю тебе, если сдержишь слово. Если будет возможность избежать убийства, избегай. Употреби это средство только в случае самой большой опасности. Вот тебе моё слово. Возьми с собой кого хочешь. Из крепости вместе не выходите, чтобы не было подозрений. Послезавтра можете отправляться. На следующей неделе у Тарновского будет большая охота, самое подходящее тут его и поймать, либо в замок ворваться, как ты задумал, а просто увести, это дело сложное».

«Это уже наше дело, — говорил первый голос. — Я уверен, что ты будешь нами доволен. И через две недели ты будешь наследником, то есть наследником нашего Мурана, который служит нам так, как никто на свете».

У Ковача голова закружилась, он сам не знал как убрался оттуда. И вовремя, поскольку плохо ему пришлось, если бы замешкался и Башо застал его тут, да не только ему, но и Торналли, ибо едва он удалился, дверь в мрачную комнату отворилась и Башо со своими наперсниками вышел наружу.

В тот же день Ковач спросил разрешения на какое-то время покинуть Муран, чтобы навестить свою семью в Спише, и получил его.

Сказано — сделано. На следующий день с обеих сторон крепости были отправлены две экспедиции, и обе в тайне, чтобы их никто не за-

метил, а на третий день к польской границе отправились пять крепких мужчин, за ними последовали ещё несколько. Но прежде их всех покинул Муран Ковач, однако шёл он совсем другой дорогой. А с ним ещё двое.

За несколько дней до того, как минули две недели, разнеслась по Венгрии, непосредственно по Мурану новость, что Торналли пропал. Одни говорили, что он был убит вместе со своей наречённой, третьи что-то другое рассказывали. Весь Муран погрузился в траур, но никто не горевал так, как Мариена, дочь Башо. Судьба преследовала её неотступно. Едва год прошёл как её мать, а спустя несколько месяцев самая любимая после матери няня Зузка, а вслед за ней друг, о котором всегда она вспоминала с охотой, оставили её в одиночестве.

«Бедный Торналли, ты должен был пасть, пасть лишь для того, чтобы я до самого гроба терзалась в вечной печали. Пасть потому, что имел богатство. Отец, несчастный отец, зачем ты его убил? Почему не сдержал своего слова? Несчастливая дева! Мать меня покинула! Отцовское сердце — камень! Отец? — Разбойник! — Да, отец враг!»

И в её сознании пролетали страшные мысли, пока она, горем и рыданием утомлённая, не уснула в молитвах.

Слух о смерти Торналли вскоре подтвердился. Едва Бейи со своими спутниками вернулся, как вскоре вновь покинул замок. Башо послал его к Тарновскому, чтобы просить его отпустить Торналли для вступления во владение отцовским имуществом. Пожилой воевода не мог выплакать перед ним своё горе. Он со слезами рассказывал ему, как исчез со двора Торналли, как потерял он сына, и кто знает, не истечёт ли кровью Гедвика прежде, чем затянется её рана. Бедный старик! Напрасно кормил он дикую гиену своими жалобами. Нет у неё для тебя утешения. Беспринципный Бейи вместо сострадания ещё и угрожает ему, что он является причиной смерти Торналли, поскольку слух идёт, что убил его сын и он должен за него ответить. С тем и оставил он Тарнов.

Слуху о смерти многие не хотели верить, но после того как вернулся из Польши Бейи, о котором знали, что Башо посылал его туда может быть не столько для того, чтобы привести Торналли, сколько для того, чтобы убедиться в его смерти; когда он вернулся и подтвердил предыдущие слухи, преданное сердце подданного заплакало над смертью Торналли:

*„Tornally! dobrý pán,
Žiali ťa tvoj Murán;
Žial'a ťa poddaní,
Zbojníkom týraní!“¹*

¹ Торналли! Добрый господин,
Жалеет тебя твой Муран;
Жалеют тебя подданные,
Разбойником истерзанного!»

6. Чёрная башня

Запольский умер и оставил после себя несовершеннолетнего сына, Яна Зигмунда. Партии в Венгрии и в этом случае не исчезли. Со смертью Запольского не соединилась смерть волнений в стране. На равновесие, которое образовалось между ним и Фердинандом, не соглашалась партия Запольского. Вербоче как прежде, при Запольском, так и сейчас, при его сыне, остался верен вместе с другими своими товарищами, среди которых самой значительной фигурой оставалась королева Утешенич. Позднее он отошёл от неё, о чём потом сожалел, когда королева была вынуждена оставить Трансильванию. На вид он был на стороне Фердинанда, но тайно действовал в интересах королевы. Однако осуществлению своих замыслов, которые до сих пор никому не удалось полностью прояснить, ему воспрепятствовало убийство. Его смертью партии Запольского была нанесена большая рана.

В драках овдовевшей королевы с Фердинандом Башо Голтовский видел подходящую возможность укрепиться во владениях Торналли, номинально в крепости Муран, которая была тогда самым сильным и самым безопасным разбойничьим убежищем в северной Венгрии.

Когда уже повсюду распространилось известие, что Торналли нет, Башо послал монаха Георгиуса и капитана Петровича к Изабелле провести переговоры о том, что он хочет присоединиться к её сторонникам и помогать ей против Фердинанда. При этом он хотел, чтобы его, поскольку единственный сын и наследник Торналли умер и больше нет ни одного представителя этой семьи, признали владельцем Мурана.

На этот шаг надменный Башо вряд ли отважился, если бы братиславский сейм не осудил его как мятежника и врага отечества, и как такового постановил силой оружия привести к покорности.

Меж тем переговоры с Изабеллой не приближали к цели, поскольку она требовала передачи Мурана в руки её армии, с чем Башо, разумеется, не мог согласиться. Он обратился к другой стороне, но и тут пошло не лучше. Тогда он решил биться.

Впрочем, не казалось, что это причиняло ему хлопоты, поскольку он всегда оставался весел. Хмурое выражение, казаклось, исчезло с его лица. Веселее всего он выглядел, когда Бейи вернулся из Польши. Они тогда много беседовали, но никто их не слышал, поскольку никто не был свидетелем их разговоров. С этого времени Бейи стал его секретарём, с которым он многое держал в тайне. Но когда Башо услышал, что Изабелла начинает уступать, ибо сторонники покинули её, его лицо снова стало покрываться морщинами.

«Есть новости?» — спросил его однажды Деметер, брат его, но он сделал вид, что не обращает внимания на его вопрос, поскольку не ответил ему. Это было обычным для Башо. Он был охоч до новостей, всегда готов был выслушать, интересовало это его или нет. Но сейчас не стал спрашивать. Он действительно был поглощён какой-то мыслью.

«Проклятый поляк, что с ним сделать?» — говорил он и потирал лоб.

«Что там с поляками? — спросил его Деметер. — Ты должен позаботиться о Муране. Кто знает, не нападут ли на нас и будем ли мы готовы,

нам эти камни не помогут при всей их надёжности и неприступности. Ты знаешь, что тебя в Братиславе осудили?»

«Знаю! — сказал Башо. — Но ты не знаешь, что турки в Венгрии. И если вдруг Изабелла отступит, у Фердинанда не будет времени на захват Мурана, ибо это потребует от него немалых трудов. Бояться нечего. Мне больше забот доставляет сын Тарновского. Что делать с ним? Отправить его назад или как? Убийство выйдет наружу, и мы оба пропали».

«Не видели! — сказал Деметер. — Кто об этом знает? Его самого считают убийцей. Он и не знает, что Торналли убит. Если хочешь, можешь отпустить его в Польшу, придёт туда — его схватят свои, чтобы предать суду. Но можешь и ты, либо кто-нибудь из нас, привести его как преступника».

«Это хорошая мысль, только бы хорошо получилось».

«А знаешь что ещё? Поскольку труп не нашли и неизвестно, где принял смерть Торналли, не повредило бы сократить на голову какого-нибудь негодяя и выдать за него, чтобы у людей было достоверное свидетельство его смерти».

«Не помешало бы, но я не считаю это необходимым. Если он до сих пор не обнаружился и не дал о себе знать, уже едва ли покажется. Но сделаем так. Я велю отвезти его на границу. Он и так не знает, где находится, поскольку привезли его с завязанными глазами. Сейчас тоже завяжут, так что он ничего не сможет увидеть. Но если его действительно считают убийцей, он будет осуждён, либо всё будет скрывать и ему действительно не поверят. Одежду, которую у него забрали, вернуть. По той причине, что если кто-нибудь видел вас убегающими, одежду он конечно запомнил. Значит, как только он окажется в Польше, будет арестован как убийца. Тогда знаешь что? Это дело я снова поручаю тебе и Бейи. Исполните всё как можно лучше!»

После этого разговора тучи понемногу рассеялись с нахмуренного лба. Деметер и Матей разошлись, каждый по своим делам.

Вскоре затихли разговоры о муранском наследнике, только кое-где потихонечку о чём-то шептались. Скорбь уже была мало где заметна. Даже Мариена не печалилась, да с того времени как Ковач вернулся из Спиша, где, как он говорил, навестил свою семью, она совсем оправилась от своего горя. И Ковач, самый задушевный товарищ Торналли, не выказывал никакой печали, поэтому сейчас Башо охотнее чем когда-либо виделся с ним. Ковач часто беседовал с Мариеной, но это всегда происходило при самой большой осторожности, чтобы их никто не услышал. Но с какого-то времени Мариена вдруг снова запечалилась, и Ковач, придя к ней однажды, спросил о причине печали. Вместо ответа он получил от неё приглашение подойти поближе к окну. Ковач подошёл, и Мариена указала ему на крепость, на одну старую башню, с такими словами:

«Его там больше нет!»

«Значит он позволил себя уговорить», — сказал Ковач, но Мариена покачала головой, сказав:

«Кто знает, что с ним случилось? Я знаю только, что его там нет. Его увели, но куда, об этом никто не знает».

Читателю было бы любопытно несколько больше узнать о старой башне. Мы можем сказать только то, что тут находилась тюрьма, в которую с некоторых пор то и дело в поздний час, когда в замке всё уже спало, очень осторожно кралась полностью укутанная в одежды неизвестная фигура. Вчера её тоже можно было увидеть, но, вопреки обыкновению, она очень скоро покинула башню. Несколько дней назад из этой самой башни тёмной ночью был выведен узник, с которым несколько мужчин сразу отправились в путь. Узник был связан, глаза, чтобы он ничего не видел, закрывала чёрная повязка. Его вывели из крепости, посадили на коня, двое разместились по бокам от него и помчались с ним в темноту ночи. Вот и всё о старой башне. Кто был узник, кто та фигура, которая украдкой пробиралась в башню, читатель угадает из разговора Башо со своим братом. А кто эта фигура?

Узником был несомненно Тарновский, а таинственной фигурой — никто иной как Мариенка. Мариенка ходила утешать юного узника, она не раз предлагала ему побег, чего он, впрочем, никак не хотел принять. Тарновского увезли; печалилась Мариена о нём, а он был на свободе, тоже печалился, может быть об узилище? Нет, о Мариене, которая была для него словно ангел-хранитель и утешитель. Он не был с ней знаком, не знал кто она, он знал только то, что он узник, а Мариена прекрасна и она его любит. Но почему и как она к нему приходит, он догадаться не мог. Сейчас он снова был на свободе, повязка спала с его глаз, и он оказался в дремучем лесу. Поискал взглядом своих палачей, но вокруг никого. Он тут один-одинёшенек. Вокруг него — пустыня безлюдных лесов и глухих скал. Долго, долго блуждал тут Тарновский, как блуждает чужак в краях незнакомых. Тщетно пытался он выбраться, пока после нескольких дней блуждания не посчастливилось ему встретить людей. Каково же было его удивление, когда он снова потерял свободу. Всякое его сопротивление несколько не помогло. Все уговоры не принесли никакой пользы. Он был связан и как убийца, как преступник снова ввергнут в темницу. Башо со своими фокусами достиг своей цели. Тарновский был обвинён в убийстве, предстал перед судом, где должен был отвечать за убийство, которого никогда не совершал. Его отговорки несколько не помогли. Ах, какая это была для него рана, когда он услышал, что не только своего товарища, но и сестру хотел убить! Но предоставим его своей судьбе и последим за Торналли.

7. Торналли

Долго преследовал Торналли убийцу своей милой, но тщетно; пожалуй не потому, что не смог их догнать: когда уже был близко, когда уже видел их, он замер вдруг, словно окаменев. Ни назад, ни вперёд двинуться не было сил. Убийцы уже давно исчезли, а он тут всё ещё стоял.

«Возможно ли такое? — говорил он сам с собой. — Глаза мои, хорошо ли вы видели, не ослепил ли вас злой дух и вы вместо друга увидели убийцу? Нет, вы обманули меня, вы хорошо видели. Это был не он!»

Но тут его взгляд остановился на стреле, которую он держал в руке, а рука кровоточила. «Вы лжёте, но эта стрела не лжёт. Это его стрела. Гедвика, это стрела твоего брата, который хотел разлучить меня с тобой. Но зачем? В чём я виноват? Может быть любовь, в которой я ему открылся, он принял за грех и не хотел, чтобы я тебя любил? С Богом, моя Гедвика! Мой сон, мой сон исполнился. С Богом, Гедвика! Твой брат — мой убийца, с Богом, с Богом!»

Луна уже взошла и освещала бледное лицо юноши, который без цели шагал по пустому полю. Сердце его было переполнено горем. Да и кто бы не горевал, если в одно мгновение потерял не только друга, но и всё, что доставляло ему радость. В непрестанной борьбе между уверенностью и сомнением шагал он вперёд, поскольку не мог понять предательства Тарновского, и всё же его стрела, его фигура давали верное свидетельство, что это был он. Торналли не видел, не слышал, Он был погружён в свои мысли и в то же время не знал, что собственно делает, не знал, чего хочет, куда идёт. По следам его уже минуту шли два чужака, подстерегая каждое произнесённое им слово.

«Это он! — сказал один из них. — Пойдём за ним!»

Чужаки ускорили шаг и вскоре лесная чаща скрыла их; в ней они настигли Торналли.

«Ага, вот убийцы моей любви! Я выманил вас, гадючье племя!» — набросился на чужаков Торналли, когда они настигли его, и стрелой отогнал одного из них, но второй удержал его руку, когда он уже хотел ударить его. Чужаки держали его с двух сторон, сопротивление не помогло нисколько. Боль и горе отняли у него все силы, так что он, окончательно побеждённый, словно дитя спокойно шагал в окружении своих спутников.

«Твоя рука кровоточит, покажи, её надо перевязать», — говорил ему один. Он не отвечал, но позволил всё с собой сделать. Когда рука при свете луны была перевязана, чужаки и Торналли пошли дальше.

Пустынь

На границе между Польшей и Венгрией, сбоку от дороги, которая ведёт из Левоча в Тарнов, виден крест. Недалеко от этого креста возвышается скала, к ней ведёт большая расщелина. Люди её называли Медвежьей берлогой. Несколько лет назад в ней поселился пожилой монах, и люди прозвали её Пустынь. Набожный отшельник установил этот крест, а вокруг сделал скамеечки, на которых не один путник с удовольствием отдохнул в тени деревьев. Кто был это отшельник? Откуда пришёл? Об этом мало кто заботился. Он охотно беседовал с людьми, и не было путника, который бы возле него не остановился. Но с како-

го-то времени стали замечать, что из Пустыни выходят два отшельника. Оба становятся перед крестом на колени, молятся и снова удаляются в Пустынь. Удивительно было, что второй ни с кем не разговаривал. Как заметит, что кто-то приближается, сразу отходит в сторону, словно не хочет, чтобы люди его видели.

«Знаете, какие слухи приходят из Левоча?» — закончив молитву, спрашивает пожилой отшельник своего сожителя.

«Нет, духовный отец! — говорит тот. — Вы же знаете, что я избегаю любых разговоров, что неохотно общаюсь с людьми, которые являются причиной моего несчастья! Но, впрочем, расскажите, я охотно вас выслушаю».

Старик немного помолчал, глядя испытующим взглядом на юношу, которому скорее сабля, чем это монашеское одеяние была бы к лицу.

«Вчера проходившие мимо нас рассказывали, что разбойники Башо опустошили Уточиште. Слухи о смерти муранского наследника с каждым днём набирают достоверности, да, Башо, как слышно, ведёт переговоры с Изабеллой и Фердинандом, какая сторона утвердит его муранским наследником, к той он и присоединится. Но люди всё ещё надеются, что Торналли жив и не хотят верить слухам».

«А из Польши ничего не слышно? — прервал его юноша. — Что, дочь воеводы здорова ли?»

«Она выздоровела, вообще говорят, что рана была не велика, и в большей мере страх поверг её в болезнь. Её болезнь заключается в печали о Торналли, и если бы он объявился, возможно она бы скоро выздоровела. Брат её тоже найден, и это вызывает недоверие к известиям о смерти Торналли. Говорят, что они были неразлучными друзьями».

Слёзы и волнение, которые вызвали в юноше слова старца, не мог он более скрывать. Он с плачем кинулся на грудь старцу, который не мог понять, что с ним происходит, почему он плачет.

«Что повергло вас в слёзы, пан Липницкий!» — спросил старик, когда тот вскоре успокоился.

«Ах, дорогой мой отец, знаете ли вы, кто я? Не называйте меня больше Липницким, это не моя фамилия: я Торналли, наследник Мурана!»

Старик стоял словно громом поражённый, не в силах произнести ни слова. Долго, долго смотрел он на юношу, словно не доверяя его словам. Наконец он всё же собрался, ещё раз глянул в лицо юноши и, словно очнувшись, говорит:

«Да, это ты, я и сам так думал. Твоя схожесть с твоим отцом часто мне его напоминала».

«Вы знали моего отца? — спросил его Торналли.

«Да, сын мой, я знал его, я был его товарищем, мы вместе были у Запольского, и если бы тот слушал наши советы, никогда немецкий король не стал бы королём Венгрии, им стал бы Запольский, может быть и твой отец не лежал бы в могиле. Твой отец пролил кровь за Запольского, а Запольский — из-за своей непредусмотрительности».

Торналли с жадностью слушал говорившего старца, который когда-то вместе с его отцом находился в кругу сторонников Запольского.

Старик ещё не закончил свою речь, её продолжение было прервано появлением чужаков, одного из них Торналли узнал — это же Бейи, убийца его счастья.

Чужаки были ещё далеко, а Торналли давно уже удалился. Старик его не задерживал и не обратил внимания, в какую сторону он уходит. Торналли брёл, погружённый в размышления.

«Она меня любит, из-за меня больна, я мог бы её исцелить. Ах, любимая Гедвика, почему мы не можем быть вместе, почему мне не позволено смотреть в твои райские очи, жить рядом с тобой?»

Эти и им подобные мысли кружили в его голове. Он шагал без цели, глядя прямо перед собой. Грудь его сжимала боль; воспоминания о Гедвике, о Тарновском не давали ему покоя. Они его гнали, гнали прочь от Пустыни, поскольку мысль о том, что там находится Бейи, которого он и сам не знал почему ненавидит, сильно ужасала его. Он удалялся, бежал от Пустыни. Отшельник приготовил чужакам место и они, показывая что утомлены долгой дорогой, не только устроились на ночлег, но и на следующий день оставались у отшельника. Всё это время Торналли не показывался. На третий день Бейи ушёл, однако Торналли и сейчас не возвращался. Его отсутствие беспокоило старика. Прошла неделя, а Торналли так и не возвращался.

При дворе воеводы из-за приключившегося несчастья, хотя Гедвика и выздоровела, сохранялся траур. Семья Тарновского оплакивала предполагаемую смерть Торналли, а вместе с тем и молодого Тарновского. В память о них на месте несчастья воевода велел поставить под каштанами красивую часовенку. Сюда ежедневно приходила Гедвика оплакивать смерть брата и возлюбленного.

Однажды она вот так же пришла на привычное и самое приятное для неё место, чтобы найти утешение в молитве; но какой ужас. Перед часовней стоял на коленях монах со сложенными руками и обращённым к небу лицом. Он молился. Гедвика, не желая отрывать его от молитвы, подождала немного, пока он закончит свою молитву. Однако монах не вставал. Она тихонько подкралась к часовне, встала на колени рядом с монахом, но так, что он её не заметил. Исполнив своё богослужение, он ушёл. Впрочем, когда на следующий день Гедвика пришла к часовне, она снова нашла там монаха. Набравшись сегодня больше смелости, чем вчера, она быстро прочитала молитву и остановила взгляд свой на молящемся.

«Мой Янко!» — вырвался из её груди страдальческий крик, и она упала в его объятия. Монах нежно прижал девушку к своей груди, и губы их невольно слились в сладком поцелуе.

«Моя Гедвика!» — шептал монах девушке, которая, казалось, лишилась дара речи, но нежным шёпотом своим: «Твоя, твоя, мой Янко!» — давала знать, что жива.

В первом приливе своих чувств Гедвика забыла, что юношу, которого она называет своим, покрывает наряд, который не позволяет ей разговаривать с ним как со своим. Гедвика и Торналли, поскольку это был он, расстались, и она этого ещё не заметила. При расставании Торналли сказал ей:

«Душечка моя, остерегайся выдать меня кому-нибудь, ведь я исчезнувший».

«Нет, нет, мой Янко!» — был её ответ, и губы её коснулись губ возлюбленного. Они расстались, и только на следующий день она обратила внимание на одеяние Торналли и его приказ не выдать его.

Сегодня Гедвика раньше обычного была возле часовни, где её уже ждал Торналли. Сегодня она держалась с ним с большей застенчивостью.

«Как я вижу, душа моя, — сказал Торналли, — ты стесняешься моего одеяния. Не бойся его, это одежда отшельника, которую я взял только ради собственной безопасности. Она меня ни к чему не обязывает. Я свободен!»

«Ты свободен!» — выдохнула Гедвика, и слёзы оросили её щёки.

«Что ты хочешь этим сказать, Гедвика?»

«Ничего, ничего, ради Бога, не спрашивай, я знаю, что ты не можешь ему простить, и всё же, кто знает, виноват ли он?..»

«Но кто он? Не терзай меня, твои слёзы доставляют мне большую боль. Скажи мне, о ком ты говоришь, кто не свободен?..»

«Мой брат!» — говорит Гедвика и прячет поток горьких слёз на груди Торналли.

«Твой брат!» — говорит Торналли, и тёмная туча окутывает его тело.

«Он! — говорит Гедвика. — Он в тюрьме за преступление, совершённое против тебя. Все считают тебя мёртвым, поскольку думают, что он тебя убил. Ах, мой милый, ты мог бы его освободить, если смог бы простить его. Одно слово, что ты жив, могло бы его спасти. Но я не смею об этом просить, я сама тебе обещала, что не выдам тебя, и всё же как мне хочется увидеть брата свободным!» Торналли, который был твёрдо убеждён, что это преступление против него совершил именно Тарновский, не мог больше противиться словам и просьбам девушки. Ах, да кто бы смог противостоять просьбам любимого сердца, кто был бы настолько силён, что мог бы оказать сопротивление красоте девичьей и гордиться этой победой?! Против женской красоты не смогла устоять ни сила Самсона, ни мудрость Соломона; и Торналли по просьбе Гедвики простил её брата.

«Освободи его, если это в твоей власти, я возвращаю тебе твоё слово!» — говорил Торналли.

«Значит ты его прощаешь?» — просияв лицом, говорила Гедвика и, подняв свою головку, смотрела в ясные очи юноши.

«Да, дорогая Гедвика», — сказал он и тихонечко коснулся белого лба возлюбленной, которая искренне заключила его в свои объятия.

«Ах, брат мой любимый! — воскликнула она. — Позволь, мой Янко, объявить ему, что мы его освободим. Кто знает, виноват ли он? С Богом, я пойду: как же обрадуется несчастный отец и дорогая матушка, когда узнают, что ты жив и что их сын а мой брат не является твоим убийцей».

На следующий день нетерпеливо, нетерпеливее чем когда-либо прежде, ожидала Гедвика Торналли, но тщетно, он не приходил. Гедвика стояла на коленях перед часовней, устремляла вверх глаза и тихая

молитва изливалась из её сердца. После окончания молитвы взгляд её упал на ступени, где под камешком что-то белело. Это был небольшой листок. Гедвика его развернула и прочитала:

«Моя Гедвика!

Кто знает, попадёт ли мой листок в твои руки, а если да, то будь уверена, что я уже далеко от тебя, поэтому не жди меня. Твой брат выйдет на свободу, и кто знает, не найдёт ли на него прежняя страсть, или случайно, как когда-то, увидит свою сестру рядом со своим несчастным товарищем Торналли. Передай ему мои братские поздравления. Я отправляюсь в Муран попытаться завоевать свои владения и вступить в наследство; если мне повезёт и я перестану быть бедным, ничем кроме имени не владеющим шляхтичем, а ты останешься верной мне, может быть нам посчастливится выпросить родительское благословение и братское согласие на наш супружеский союз. Будь твёрдой и не позволяй сломить тебя судьбе, которая нас обоих преследует. Вспоминай своего Яна, как и он будет вспоминать свою Гедвику. С Богом!

Твой Янко Торналли».

«Почему по крайней мере сегодня ты не остался, мой Янко!» — вздохнула Гедвика и, прижимая к груди письмо, пошла через парк в сад. Во дворце радовались появлению Торналли, но обрадовались ещё больше, когда Гедвика пообещала уговорить его вернуться к Тарновскому, который тотчас отправил в Муран посыльного сообщить, что Торналли спасся. Воевода сразу подал и прошение об освобождении сына, что и было ему обещано, если он сможет доказать, что Торналли жив и что его сын не имел умысла убить Торналли.

«Всё, что желают судьи, произойдёт, — убеждал себя воевода, — только бы Торналли пришёл как можно скорее!» Вдруг отворилась дверь, и Гедвика с плачем, держа письмо от Торналли, кинулась ему на грудь.

«Отец! — говорила она. — Торналли не придёт, он уже ушёл. Вот оставил мне письмо!»

По сияющему лицу старика потянулись новые тучи. После прочтения письма было заметно, что его охватило беспокойство. Он был обеспокоен не тем, что Торналли обвиняет его сына в преступлении, но и не тем, что Торналли подвергает себя опасности, желая вырвать власть из рук могущественного Башо. Он опасался за его жизнь тем более, что от этого зависела жизнь его сына.

— Сейчас Башо и сам может убить Торналли, лишь бы только утвердиться в Муране! — говорил воевода. — Сделав это, он вынесет смертный приговор и моему сыну». Воевода размышлял над тем, как защитить Торналли, а с ним и своего наследника. Но как найти Торналли? Кто знает, в какую сторону он пошёл и не отправился ли прямо в Муран? Эта и подобные ей мысли не покидали старика.

«Пойдём, дочь моя, — говорит он Гедвике, — пошлём его искать, может быть им посчастливится его найти. Однако возможно, что он изме-

нился, ты должна хорошо описать его тем, кого мы пошлём, поскольку кто знает, не забыли ли они его!»

Воевода с Гедвикой ушли.

Торналли, расставшись с Гедвикой, покинул Тарнов, покинул и Польшу и вернулся в Пустынь, к старику-отшельнику. Однако тщетно он искал тут отшельника, поскольку старик после отъезда Бейи, когда не мог дожидаться Торналли, покинул Пустынь и отправился в Муран в надежде, что там найдёт Торналли. Но он и в этом ошибся. — Тем временем, поскольку старик не возвращался, Торналли снял свой отшельнический наряд и покинул Пустынь.

8. Охотник

«Да здравствует Торналли! Торналли жив. Слава Торналли!» Эти и подобные им речи разносились по муранской долине. А по дороге к Мурану продвигалась толпа людей, и во главе их шагал старик-отшельник.

Возле самой крепости толпа остановилась и потребовала, чтобы управляющий впустил их внутрь. На страшный крик появился Башо и спросил, чего они хотят?

«Видеть наследника Мурана!» — загудела толпа.

«Торналли жив!» — кричал кто-то.

«Да здравствует наш добрый господин Торналли!» — кричали все.

Башо хмурился, и губы его дрожали от гнева. Однако на этот раз он попытался пересилить гнев. И с виду он казался весёлым, словно радовался людям, но каждое слово о Торналли, подобно тому как чёрный ворон клюёт труп, кололо его в самое сердце. По его приказу несколько человек, в том числе и отшельник, вошли в крепость. Однако остальным он приказал расходиться, демонстрируя им радость за муранского наследника. Народ разошёлся спокойно, с радостными выкриками во славу Торналли. Башо с отшельником и ещё некоторыми людьми ушли в крепость. Но как только люди оказались в деревне, а Башо с отшельником начали беседовать о Торналли, вновь кто-то ломился в крепость. Башо ушёл.

Мы тем временем познакомим читателя с отшельником. Этим отшельником был Серемы, принадлежавший к кругу Запольского, верный его советник. Если бы Запольский слушался его советов, в Венгрии не было бы такого кровопролития, Фердинанд безусловно не получил бы такого перевеса. Разочарованный гибелью родины и разрушением собственных планов, Серемы уединился в знакомую нам Пустынь, где Торналли был ему послан, а впоследствии отнят. После исчезновения Торналли Серемы, впервые с той поры, как обосновался в Пустыни, от-

правился прочь. Выйдя из Пустыни, он всюду расспрашивал о Торналли, но никто о нём ничего не слышал, ничего не мог о нём сказать. Пришёл он и в Муран, но и там никто не мог сообщить никаких сведений. Однако народ толпами собирался вокруг него и отправился к крепости в надежде на то, что там найдёт своего господина. Серемы обманулся, обманулись и поданные Торналли, поскольку, разыскивая, так его и не нашли.

Башо вернулся. Его лицо распухло от злости. С ним пришёл и некто, кто должен был сообщить ему очень неприятную новость. Выслушав Серемы, который рассказал ему о происшествиях с Торналли в Пустыни, о чём читателю уже известно, Башо вместе с прибывшим покинули место, где он беседовал с Серемы. Кто знает, что случилось бы со стариком Серемы, если бы в тот же день не прибыли в Муран посланцы Тарковского с известием, что Торналли снова в Польше, откуда возвратится только тогда, когда вступит в супружеский союз с дочерью воеводы. Ничто не могло сильнее ранить Башо, чем это сообщение о здравии Торналли и о его союзе с дочерью воеводы.

Тихо было в Муране. Башо был в беспокойстве, народ под крепостью собирался и перешёптывался Бог знает о чём; но это перешёптывание чем дальше, тем больше становилось общеизвестным, так что наконец появилось и среди людей в крепости.

«Что ты слышал, — говорил один из находившихся на службе у Башо своему приятелю, — почему наши не возвращаются?»

«Ты следи за словами, — говорит ему второй, — худо нам пришлось бы, если бы Башо нас услышал. Не хочу, чтобы кто-либо из людей Башо об этом узнал».

«Да кто же об этом не знает! Но как ты думаешь, кто бы это мог быть? Я думаю, что Бабек с Красной Гурки приложил к этому руку».

«Я тоже в этом не сомневаюсь, но знаешь, — тут он осмотрелся вокруг, нет ли кого поблизости, и хотя никого не заметил, всё же с опаской наклонился к уху товарища и шептал ему, — Этот молодой вожак не кто иной, как наследник Мурана Торналли».

«Торналли?» — шептал тот, ушам своим не веря.

«Точно, Торналли», — отвечал тот. Но вдруг они увидели, что Башо со своим братом и Бейи шагают через двор; не желая, чтобы их заметили, разошлись каждый в свою сторону. Башо со своими спутниками свернул к своему любимому чуланчику. Пойдём и мы за ним в эту тайную комнату Башо; кто знает, не узнаем ли что-нибудь новое?

«Ну, как тебе уже известно, — говорил Башо, обращаясь к Бейи, — в твоём деле с Гедвикой я больше ничего не могу предпринять. Если сам что-нибудь можешь или думаешь, что будешь в состоянии что-то сделать, тогда хорошо, — если для этого моя помощь потребуется, хочу и я быть полезным. Но в первую очередь ты должен выяснить, откуда эти идеи приходят в голову нашим людям, чтобы мы могли отплатить. Если бы я не был уверен, что Торналли живёт в Польше и находится у Тарновского, тогда по описаниям, несмотря на маскировку, я сказал бы, что это он».

«Не знаю точно, но и я так думаю, — говорит Бейи, — по крайней мере пусть дрожит этот молокосос, если снова с ним встретимся, моя пуля первой испукается в его молочной крови. И клянусь ему в том, что девушку он не получит. Нет, она не может ему достаться. Срам и вечный позор легли бы на меня, если бы это ничтожество, едва перешагнувшее годы детства, меня, мужчину, превзошло. Не говори «гоп», мальчишка, пока не перепрыгнул. Даже если бы сейчас она покоилась в твоих нежных объятиях, силой могучего льва я вырву её у тебя. И если ты ещё не пал от первой раны, то от второй точно падёшь. Я хотел бы просить тебя о помощи, — говорил он Башо, — если ты готов мне её предоставить, дай мне шесть человек. Об остальном не заботься. Если больше потребуется, попрошу тебя об этом. Но доверь мне всё дело. Если Деметер тебе не нужен, ты мог бы отпустить его со мной. Сейчас отпусти нас обоих, если мы тебе не нужны. И вот ещё что должен тебе сказать, обрати внимание на Ковача. Он вызывает у меня подозрения».

«Я об этом тоже уже думал, — говорит Деметер, который всё время молчал, — и что-то мне подсказывает, что он куёт против нас измену. Очень часто выходит из крепости, тут и там тайком улыбается, да я и сам замечал, что со многими он обменивается какими-то знаками. Этого человека я ненавижу и охотнее увидел бы его на виселице, чем в Муране. Он точно находит сочувствие у наших людей. Иначе невозможно представить, откуда они узнают когда, куда и в какой город мы собираемся. За последнее время нам не удалась ни одна прогулка. И если во главе наших противников стоит Торналли, то готов поклясться, он его поддерживает».

«Разобраться в этом будет уже моей задачей, — говорит Башо, — Он дорого заплатит за измену. Если будет доказана хотя бы самая малость, чтобы он уже не мог оправдаться».

«В чём оправдаться?»

«Во всём. И это позволило бы наконец по закону оправдать то, что мы заняли Муран, и кто обвинит нас в разбое, тот подвергнется каре».

«В том и клянусь, что подвергнется, — закричал раздражённо Башо. — Если знаете, что нужно делать для осуществления своих намерений, вы оба свободны. Но действовать надо с умом, чтобы имя моё не трепали в сплетнях. Этого опасайтесь особо, поскольку больше вам никто не поможет, только вы всему причиной. Вы уговорили меня поселиться в наследственном Муране, вы подталкивали к его смерти, вы сделали меня разбойником, клятвопреступником, всё вы и ваши приспешники! Вот сейчас и позаботьтесь о том, чтобы дело хорошо закончилось, иначе клянусь вам, как мышей выдам вас на расправу. Теперь ступайте!»

Ни один из них не отважился возразить Башо. Никогда ещё он с ними так не говорил. Оба ушли, Башо остался один.

«Решиться вперёд или назад — всюду передо мной глубокая, угрожающая поглощением пропасть со своей ужасной пастью, которая открывается перед моим взором. Отступить? Нет! Я больше не могу отступать, поскольку это верная гибель. Если пойду вперёд, тоже её не избежать, но позднее. Значит надо вперёд, если нельзя назад!»

Эти и подобные им мысли терзали душу Башо, пока, уставший, он не улёгся на железную кровать. Известие о том, что Торналли жив, как видим, доставило ему много печали, впрочем, не только ему, но и многим другим, в числе которых прежде всего Деметер и Бейи. Оба ему жизнью, мстью клялись.

В Муране, правда, было мало преданных Торналли, поэтому их мало радовало его существование. Но среди тех, кто сердечно радовался его существованию, были Ковач и Мариенка, дочь Башо. После известия о том, что Торналли в Польше, её бледные щёчки снова зарумянились, её глаза снова ожили, её задумчивость исчезла словно снег весной, и на её лице вместо холодной зимы отобразилась весёлая весна.

«Он жив, Тарновский свободен, он не убийца, я счастлива», — сказала Мариенка и кинулась в объятия отца, который как раз вошёл в её светлицу.

«Ах, как я счастлива, отец мой! — повторяла она, и обильный поток слёз струился из её глаз. Её слёзы, казалось, воздействовали на сердце Башо, но, не в силах смотреть на неё, он довольно скоро покинул радующуюся Мариенку, которая нашла больше участия в Коваче, который любил её как своё дитя, а она его — словно своего отца. Для её радости тесен был Муран; ей хотелось вон из него, на свободу, там радоваться свободе своего возлюбленного Тарновского, свободе Торналли, чья жизнь спасла жизнь другому. Свободу обоих она хотела отпраздновать на вольной природе, для чего в Муране делались приготовления к славной охоте.

«На свободу, я хочу наружу, — говорила Мариена, когда её отговаривали от участия. — Нет, я должна; даже если бы за каждым деревом стоял злоумышленник, подкарауливая меня с кинжалом в руке, я и тогда хотела бы свободу Торналли отпраздновать на воле». И она настояла на этом.

Был чудный день. Едва занялась заря над вершинами Гемера, над холмами и долинами муранскими разнёсся голос охотничьих труб. Едва покинув крепость, охотники разлетелись по чащобам, кто куда. Мариена, сопровождаемая своим оруженосцем, мчалась к Велкей Ревуци. Придя к Вздоховке, шагала со своим Сивко вдоль неё, потом повернула к Когуту. Солнце всё больше и больше припекало, и вопреки тому, что уже наступила осень, был сильный зной. Оруженосец куда-то отдалился, и она осталась одна. Быстро осмотрелась во все стороны, но никакой дичи нигде не заметила. Но вскоре после того, как осталась в одиночестве, начал её Сивко фыркать. Мариена натянула свой лук, недолго постояла, осматриваясь вокруг, прислушиваясь, но нигде никого не было. Снова пришпорила Сивко, тот сделал несколько шагов, встал и дальше уже не двигался с места. Мариена спешила, пошла вперёд, где перед ней распростёрся густой кустарник. Но едва она сделала несколько шагов, остановилась как вкопанная. Лук её выпал, она хотела крикнуть, но голос замер на её губах! Тем, кого испугалась Мариена, был юный охотник, который в тени густой листвы отдыхал на мягком мху.

Мариена осмелела, когда хорошенько рассмотрела охотника, приложила к малиновым устам свою охотничью трубу и принялась трубить. Едва раздались первые звуки, охотник вздрогнул, вскочил и труба была уже в его руках.

«Что это, измена? Где я?» Тут он вложил пальцы в рот и засвистел так, что всюду отозвалось. Однако этот свист сулил ему скорее плен, чем свободу. Мариена едва удержалась на ногах. Прошло лишь несколько мгновений, а поблизости послышались шаги проводников Мариены.

«Мне или тебе, предатель, наступит чёрная смерть», — говорит он дрожащей Мариене.

«Боже мой! Где я, в руках разбойничьих?» — воскликнула Мариена и, падая, опустилась в объятия охотника.

«Да, в разбойничьих», — говорит тот с горечью и, сам того не желая, смотрит на своего изменника, которого непроизвольно держал в объятиях, не замечая, что вместо предателя к нему прижимается прекрасная предательница.

«Ах, что это? — восклицает он удивлённо. — Хорошо ли я вижу, не обманывает ли меня зрение, Мариена!»

Мариена открыла глаза и, осмотревшись вокруг, никого не увидела рядом. Охотника тут не было, и она вернулась домой со своим проводником, который тщетно расспрашивал её о причине крика.

«Ах, неужели это был Торналли? — говорила Мариена на следующий день, глядя в ту сторону на Когут. Взгляд её блуждал по тем прекрасным холмам в окрестностях Мурана, по милой долине, через которую колыхается Муранка прелестным течением к Елшаве. «Ах, если бы он знал, какие тучи собираются над его головой, точно не был бы таким неосторожным, чтобы подвергаться опасности, точно покинул бы место, в котором за каждым углом подстерегают его гибель и смерть. Ах, но почему я его не защитила, я, сама того не желая, чуть было не подвела его к гибели, я сама хотела созвать к нему людей отца, не предчувствуя, кем может быть тот охотник». Она потупила глаза и, показалось, что задумалась, что над чем-то ломает голову. Но потом, оправившись, покинула это место.

Тем временем Башо каждый день терял людей. Многие были пленены, многие лежали раненые, так что Башо не удавалась ни одна разбойничья экспедиция. Наёмники отказывались ему служить, и он терпел всё большие и большие неудачи. Вся муранская долина говорила об удивительных охотниках, которые показывались то тут, то там, но никому, вопреки тому, что их называют лесными парнями, ничего не делают. Но все находившиеся на службе муранского господина дрожали перед ними, поскольку они были их главными противниками, их погибелью. Во главе их стоял молодой, богатырской силы юноша в охотничьей одежде, перед которым все дрожали, что раздражало его до гнева. Многие из подданных Мурана перешёптывались, что это изгнанный из своих владений и отстранённый наследник Мурана. Дай Бог, чтобы они не ошибались.

Кто видел Торналли покидающего Пустынь, тот конечно в нём на Когуте, где нашла его спящим дочь Башо, узнал бы Торналли. А если бы видел его во главе своих лесных парней, тоже взял бы его сторону, поскольку это действительно был он.

Когда Мариена Башо рассказала Ковачу о своей встрече с Торналли, лоб его стал похож на вспаханное поле. Когда девушка расспрашивала его, с большим сочувствием горюя над судьбой Торналли, старик не мог не рассказать ей кратко о нём и его судьбе.

«Бог даст, — говорил он, — времена изменятся, благородная барышня. Но кто знает, что нас всех ожидает». Затем он рассказывал Мариене обо всём происшедшем с Торналли — о смертельном нападении Бейи, об отношении Торналли к дочери Тарновского, об уходе в Пустынь, о встрече в Польше, о расставании с Гедвикой, то есть обо всём, что уже известно читателю.

«Но что потом с ним случилось, когда он в Пустынь пришёл, может, он ещё там, и как оказался возле Когута?» — спрашивала Мариена замолчавшего Ковача. Лоб старика снова изрезали морщины. И он печальным взглядом посмотрел на Мариену.

«Это от вас зависит, — говорит Ковач, — хотите ли употребить мою болтливость на погибель мне и Торналли».

«Значит вы мне недоверяете? — говорит очень спокойным голосом Мариена и в глазах её засверкали хрусталики слёз. — Значит всё же я ошибалась, когда думала, что во всей крепости по крайней мере один мужчина готов почтить меня доверием, которому и я смогу доверять. Ах, это мучительно для меня, очень мучительно! Не говорите мне ничего, если боитесь предательства, со временем вы убедитесь в моей верности, в том что ни вам, ни Торналли я зла не искала, только добра. С Богом!»

«Нет, нет, барышня, прошу вас, останьтесь, я должен вам ещё кое-что сказать».

«Только не о Торналли, а о вас», — говорит она.

«Простите, барышня, я не хотел вас обидеть. Если вы не желаете слышать о Торналли, я буду рассказывать вам об охотниках, которые нападают на наших людей. Во главе их стоит молодой парень, того же возраста, что и тот охотник на Когуте, которого вы описывали, в таком же точно наряде, с такими же манерами. Наши люди его ужасно боятся, больше чем смерти. Вы сами слышали рассказы о нём и его друзьях. Он хотел вас видеть, и ещё больше говорить с вами».

«Со мной говорить? Он меня знает?»

«Да, барышня, знает. Вы с ним разговаривали, хотя и не были знакомы».

«Я?»

«Вы, барышня».

«Где?»

«На Когуте».

«Тот охотник?»

«Он».

«Вы с ним знакомы?»

«Знаком. Он предводитель тех лесных парней, о которых вы уже столько слышали, и это никто иной, как сам Торналли».

«Торналли!» — воскликнула Мариена.

«Торналли, барышня. От отчаяния, убеждённый в том, что Тарновский предал их дружбу, что он не желает, чтобы Гедвика его любила, и по этой причине хотел убить его. В отчаянии от того, что его владения у него отняли, он покинул Пустынь, собрал вокруг себя молодцев, которые вместе с ним нападают на наших разбойников. И хочет отомстить вашему отцу, против которого, как вы знаете, уже заведён иск, да и сейм приговорил его к лишению имущества. Торналли сейчас скрывается под чужим именем, поскольку вы знаете, что Бейи и ваш дядюшка поклялись его убить. Вы, как я узнал, с Торналли уже разговаривали, он тоже хотел с вами говорить. У меня нет возможности встретиться с ним, поскольку вы знаете, что весь двор стережёт меня, подозревая в измене. Но если вы не боитесь, могли бы встретиться с ним. Это зависит от вашего желания и смелости. Но при этом вы должны быть очень осмотрительны, ибо горе будет вам и ему, если ваше свидание обнаружится. Насколько это возможно, опасайтесь дядюшки и Бейи, которому отец хочет отдать вас в награду за жизнь Торналли».

В глазах у Мариены помутилось, ей казалось, что всё вокруг завертелось колесом. Земля ушла у неё из-под ног. Ковач удалился, она осталась одна, совершенно не понимая, что с ней происходит.

Меж тем проходили день за днём. Мариена всё чаще покидала Муран. Слухи о лесных молодцах всё больше и больше пугали муранский сброд, а многие из них утверждали, что видели своих противников непосредственно под Мураном, они проникали как шпионы. Этот слух так всех испугал, что никто не отваживался покидать крепость, кроме Мариены, которая теперь выходила ещё чаще. Многие удивлялись её смелости, тогда как другие шептали в тайне, что она в союзе с одним из охотников, что некто видел как она гуляет с ним возле Муранки. Её прогулки стали подозрительными и самому Башо.

Однажды Мариена как обычно вышла одна из крепости. Привычной дорогой шагала она к прелестной Муранке на хорошо известное ей место. Страх людей отца, который они испытывали перед охотниками, избавил её от всякой осторожности, так что она, покидая крепость, и не заметила, что её преследуют трое. Скрываясь за деревьями, она уже подошла к речке. Преследователи, заметив, что она остановилась, не замедлили подкрасться и наблюдать вблизи, что она будет делать. Насобирав цветов, Мариена села на берегу, сплетая из них венок, при этом она напевала:

*Zpod Muráňa tvrdej skaly
Bystrý potok vyteká,
Pri ňom deva v túžbach žiali,
Na šuhaja tu čaká.
Tečie voda, vlnka vlnku*

V bystrom toku naháňa;
Len čím skôr teč, vodička preč
Od strašného Muráňa.
Tečie voda, ale šuhaj,
Kto zná, kde sa zabáva,
Že mňa devu v strastných túžbach
Toľko čakať necháva.
Zablúdila srnka v lese,
No lovci ju stopujú,
Beda tebe, slabá devo,
Keď o tebe počujú.
Poranená jestli môže
Ujde srnka do strani,
Ktože teba, devo slabá,
Pred pohromou ochráni?¹

Взгляд Мариенки блуждал по прелестной глади Муранки, она и не замечала, что юный охотник, при первых звуках покинув своё укрытие, с наслаждением слушал звуки, льющиеся из её груди. Ах, как она была прекрасна!

«Прости, Мариенка! — позвал её охотник, стоявший позади, и губы его уже замерли на её милом лобике. — Прости, я не мог удержаться, чтобы не коснуться твоей светлой головки. Ах, почему мне не позволено быть твоим отражением?»

Лицо Мариенки зарделось. Она улыбнулась, однако это была улыбка скорее печали, чем радости. Кто был тот охотник, нам нет нужды говорить, читателю он уже знаком. Знаком с той самой охоты на Когуте, где Мариена нашла его спящим. Но он уже не был так неистов, как там,

¹ *Из-под Мурана твёрдой скалы*
Быстрый поток вытекает,
Рядом с ним дева в печали грустит
Парня тут поджидает.
Течёт вода, волна волну
В быстром течении догоняет;
Течёт как можно скорее, всегда прочь
От страшного Мурана.
Течет вода, но парень
Кто знает, где он веселится,
Что меня, дева, в мучительной тоске
Столько ждать оставляет.
Заблудилась серна в лесу,
Но охотники её преследуют.
Бедя тебе, слабая дева,
Когда о тебе услышат.
Раненая, если сможет,
Уйдёт серна в сторону.
Кто же тебя, дева слабая,
От беды уберезёт?

он больше не говорил с Мариенкой о смерти, хотя опасность угрожала ему может быть больше, чем когда-либо. Но кто бы помнил об опасности, когда находится в объятиях своего друга?

Кто бы думал о гибели, когда прижимает к сердцу друга, когда и сам отдыхает в объятиях верного друга. Забыл Торналли, забыла Мариена о возможных опасностях, оба переживали радостное мгновение своего свидания.

Он ей, а она ему были сейчас миром, ни один из них сейчас ни о чём не заботился, поскольку они были всем. На время оставим юных приятелей с их радостью и посмотрим на Тарновских.

9. Коварство

«Значит ещё раз испытаем своё счастье, — повторил Бейи, когда Башо отпустил его и Деметера, — ещё раз и последний. Если она не пойдёт добровольно, придётся пойти насильно». С этими словами он вместе с Деметром и ещё несколькими спутниками, среди которых были и посланники Тарновского, как можно скорее покинул Муран. С ними снова отправился Бейи ко двору Тарновского.

В Тарнове было тихо, тихо было и во дворце воеводы, когда туда вернулись его посланцы вместе с Бейи. Весь парк, сад и дом словно вымерли. Семейство Тарновских всё ещё пребывало в трауре, поскольку сын воеводы всё ещё находился в тюрьме. Но как только во дворце обосновался Бейи, всё начало наполняться новой жизнью, поскольку его хлопотами брат Гедвики был освобождён из тюрьмы, и даже объявлен полностью невиновным. Не хочу быть втянутым в описание пиров и балов, которые последовали за освобождением Тарновского. Но хотя бы на время гости покидали двор воеводы, в том числе и Бейи с его товарищами. Семья воеводы вернулась к своему обыденному образу жизни.

Старик воевода и сегодня сидел — как обыкновенно сживал, — на кушетке с трубкой в руке, из которой по комнате распространялись облака дыма. Супруга воеводы сидела рядом с ним, не пренебрегая никакой работой. Гедвики не было, когда к родителям вошёл молодой Тарновский. Его чело выдавало некоторое беспокойство, которое не укрылось от материнских глаз.

«Присядь с нами, сын мой, — говорит она, освобождая сыну место на кушетке, — как вижу, тебя что-то беспокоит. Ты не был с Гедвикой?»

«Она прогуливается с Бейи, — говорит воевода, — Я видел их в саду».

От слов отца ещё более омрачилось лицо юноши, который постоянно молчал. Мать, желая вовлечь его в разговор, задавала ему различные вопросы, на которые он, однако, отвечал кратко. Перебирая его волосы и спокойным взглядом всматриваясь в его лицо, она сказала:

«Ах, сын мой дорогой, как мог ты попасть под такое недостойное тебя подозрение в убийстве?» — И слёзы покрыли её лицо.

«Мне только то удивительно, — говорит воевода, — что сам Торналли разделяет то же подозрение, которое не могу понять откуда исходит?»

«Откуда? — говорит сын с печально-страдальческим выражением лица, — Из недоверия, которое зародилось у Торналли. Слух, который дошёл до него из Мурана, что Башо так полюбились его владения, что возвращать их он не собирается, потом моё подтрунивание, которое, впрочем, было всего лишь шуткой, что он должен будет как богатырь добывать невесту из хищных рук своего соперника, если, конечно, хочет её вернуть, что связано с риском для жизни. Он, как вам известно, не любит никаких шуток, всему ищет строгое объяснение и кто знает, как объяснил мои шутки. Из этого могло возникнуть его недоверие ко мне, в чем меня и упрекнула Гедвика. Кто бы мог подумать, что у него так мало ко мне доверия, при том, что мы вместе с юношеских лет. К моим шуткам добавилось ещё и то несчастье, что как раз в то время, когда он, как мне Гедвика доверила, впервые прижал её к своему сердцу, я охотился. Он знал об этом. На охоте, как я уже вам рассказывал, на меня напали скрывавшие свои лица люди, которые, думаю, были подсланы Башо для убийства Торналли. Схватив меня, они завязали мне глаза, лишили моих одежд и облачили в чужие. Торналли, как он рассказывал сестре, не может утверждать, что видел меня убегающим, что узнал меня. Из этого я заключаю, что разбойники использовали мои одежды при совершении преступления. Отсюда происходят эти разговоры и люди, которые свидетельствовали против меня, отсюда и предположение Торналли о том, что я ему враг, что хочу лишить его жизни, может быть ради того, чтобы Гедвика не вышла за него, раз он лишился имущества».

Родители с большим вниманием слушали слова сына, который, остановившись на время, продолжал:

«На мне не было моих одежд всё время моего заключения, они были вручены мне, когда меня вывели из тюрьмы, желая предать меня гибели, когда меня из наших лесов снова привели, чтобы предать суду, который после тюрьмы затянул меня снова в тюрьму. И всё это происходит только под руководством Башо, на службе у которого находится и Бейи, которого я ненавижу. Вот почему мне отвратительно, что моя сестра с ним столько общается».

«Но всё это недостаточные основания, чтобы подозревать тебя в столь подлом поступке», — прерывает его воевода.

«Действительно недостаточные, да и неправдоподобные. Ну а почему же ещё он мог бы меня подозревать? Кроме этого нет ничего. Между нами в последние дни были различные споры, но не думаю, что какой-нибудь мог так его задеть, чтобы привести к мысли о том, что я хочу его убить. Всё же я убеждён, что виновником того нападения был Бейи. Голос его, хоть он тогда изменил его, но время от времени переходил на собственный, я хорошо запомнил. Он или его загонщики напали на меня на охоте, лишили моих одежд и переоделись. Торналли хотели убить возможно по той причине, что Гедвика отвергла его лю-

бовь, так как уже помолвлена с Торналли. Всё остальное когда-нибудь выйдет на свет, и меня моё предчувствие не обманет. Однако Бейи вместе с его другом я хотел бы видеть где угодно, только не у нас. Он мне подозрителен всем своим поведением. Я его презираю, ненавижу, как только могу».

Наступила тишина, словно все разом утратили дар речи. Трубка воеводы догорала, и отложив её, он сказал:

«Странно, действительно странно, вот только выяснить это не удастся. Торналли хотели убить, тебя подвести под подозрение в его убийстве. Человек с ума бы сошёл, если бы захотел это прояснить».

«Мне всё это ясно. Башо ненавидит Торналли потому, что хочет завладеть его богатством. Бейи ненавидит меня потому, что хотел бы взять в жёны Гедвику, в чём я ему всегда препятствовал».

И воевода, и его сын хотели что-то сказать, когда в комнату вошёл слуга и объявил, что некий посланец от Башо ждёт, желая говорить с воеводой.

«Пусть войдёт!» — был ответ воеводы.

Посланец вошёл. После обыкновенных приветствий с обеих сторон он передал воеводе приветствия от Башо, при этом очень тёплыми словами выразил его благодарность за гостеприимство молодому наследнику Мурана, которое воевода так охотно ему предоставил. Последнее сообщение как-то странно задело всех. Слухи, что Башо хочет отнять владения Торналли, слова юного Тарновского о том, что Башо хочет посягнуть на жизнь Торналли никак не согласовывались с тем, что сейчас заявил посланец Башо. Мать строго посмотрела на юного воеводу, словно хотела упрекнуть его в том, что он оскорбляет Бейи и Башо. Когда он заметил это, повернулся к посланцу, несколько раз смерил его с головы до ног и спросил:

«Когда Торналли вернулся домой?» Посланцы к такому вопросу не был готов, словно не расслышав, переспросил юного Тарновского.

«Когда Торналли вернулся домой?» — повторил Тарновский.

«Сразу после отъезда посланцев воеводы из Мурана», — был ответ посланца.

«Значит он уже вступил во владение своим имуществом?» — был второй вопрос Тарновского.

К этому посланец был ещё менее готов, однако ответил без малейших признаков смущения.

«Да! Он уже как дома, то есть, я хотел сказать, так же, как если бы он жил у воеводы, и всё ведёт сам. Довольно скоро будем в Муране праздновать помолвку с барышней Мариеной. Вместо отца станет сейчас в Муране дочь. До сих пор он был опекуном Торналли, сейчас Торналли примет опекуновство если не Башо, то его дочери».

Над словами и красноречием посланца Тарновский качал головой, но воевода с супругой слушали словно замороженные. Посланец, опасаясь подобных вопросов от юного воеводы, справился о Бейи, которому должен тотчас что-то вручить. Едва он успел договорить, дверь открылась и внутрь вошли Гедвика в споровождении Бейи, которому

посланец Башо сразу вручил послание от начальника, при этом дал понять, что хотел бы поговорить с ним наедине. И, откланявшись, удалился от общества.

Знаков его Бейи не понял. Открыв послание, вручённое посланцем, он произнёс с посветлевшим лицом:

«Могу сообщить приятную новость вам, пан воевода, и вам, барышня! Наследник Мурана, юный Торналли находится в Муране. От его имени я имею честь объявить вам, что если ваша светлость... не будет иметь ничего против и просвещённая барышня на это согласится, я осмелюсь просить у вас её руки для Торналли. Делаю это в той сладкой надежде, что если ваша светлость пан воевода с её светлостью супругой воеводы и его светлостью молодым воеводой не будут возражать против этого союза, ваша светлость барышня на это даст своё согласие».

Воевода только плечами пожал и, положив руку на лоб, словно хотел что-то вспомнить, не проронил ни слова. Его супруга смотрела на Гедвику, которая, покраснев, прижималась сбоку. Юный воевода, гневно покачав головой, отошёл от матери и покинул комнату. Выйдя вон, он невольно закрипел зубами и что-то невнятно сам себе говорил. Но в комнате было тихо. Пока воевода размышлял о чём-то, Бейи наблюдал, какое действие произвели на присутствующих его слова и, казалось, был спокоен. Это продолжалось недолго, и молодой Тарновский вернулся в комнату, ведя с собой посланца Башо. Юный воевода был в гневе, которым пылали его взгляд и лицо. Войдя в комнату, он стремительным шагом подошёл прямо к Бейи, который, заметив его волнение, отступил на шаг назад.

«Вы негодяй, мерзавец. Как вы осмелились с нами шутить? Вы разбойник и бесчестный человек. Немедленно убирайтесь с глаз моих, пока я не приказал травить вас собаками. Вы венгерский шляхтич. Разве пристало вам нападать в лесу на шляхтича? Разве к лицу вам кого-либо замарать подозрениями и настаивать на его гибели. Ты хотел убить Торналли, используя мою одежду; сейчас, используя имя Торналли, ты хочешь обесчестить дом моего отца и наше имя! Как негодяй, как бандит ты хочешь отнять у родителей дочь, а у меня сестру. Предъяви полномочия от Торналли, что он доверил тебе просить руки моей сестры. Мошенник, мерзавец!»

«Воевода! Ловлю вас на слове, я требую», — пытался прервать его Бейи.

«Молчи! Пусть он договорит. Покажи мне полномочия Торналли, а потом получишь удовлетворение. Если не от меня, то от твоего сообщника, который привёз тебе новость, что Торналли в Муране».

«И эта новость тут», — снова прервал его Бейи.

«От кого это известие?»

«Сам Башо мне об этом пишет».

«Что тебе пишет?»

«Что Торналли в Муране».

«А что ещё? Не то ли, что вы злодей? Что хотели семью Тарновских лишить их доброго имени? Вы разбойники! Кто из вас лжёт? Ты, лице-

мер, или этот твой сообщник; или ваш разбойничий главарь? Ты просишь руки моей сестры для Торналли, этот соединяет супружескими узами Торналли с дочерью Башо, а Башо — какие козни он куёт? Кого ему этот ищет? Может быть помолвит его с невестой, которую хотела с ним помолвить твоя стрела? Вы позор венгерского земанства! Идите, удалитесь, пока даю вам время, поскольку кто знает, будет ли у вас такая возможность спустя несколько мгновений».

«За всё это ты мне ответишь, мальчишка!» — взревел Бейи, позеленев от злости, и вместе с посланцем Башо покинул комнату, а вскоре и дворец воеводы.

Старик воевода стоял словно оторопелый и сразу не мог понять возмущение сына. Гедвика, которой вспомнились слова Торналли, что брат его ненавидит, что он не желает, чтобы она была его, вспышку брата не могла объяснить иначе как ненавистью к Торналли, нежеланием чтобы он претендовал на её руку. Стало быть, именно поэтому в самом начале стычки она вместе с матерью со слезами на глазах покинула зал.

После ухода Бейи и посланца в зале было тихо. Воевода думал словно во сне, что же произошло сегодня у него, а его сын пытался успокоиться и представить отцу лучшие объяснения, если бы он их потребовал. Однако отец во всём хорошо разобрался.

«Только сейчас я получил ясное представление», — говорил сыну старик воевода, когда тот начал ему подробнее рассказывать, почему так набросился на Бейи.

«И я, отец, получил ясное представление, поскольку достоверно знаю, что когда ранили сестру и Торналли, среди тех, кто напал на меня в лесу и лишил одежды, был Бейи. Я узнал его по шраму за левым ухом, который я только сейчас заметил. Этот шрам он носит с тех пор, как напал на меня в чаще. Я тогда залепил ему этим перстнем, так что его сразу залило кровью. Если бы не распорол ему это место до крови, там точно была бы отметина с отпечатанным именем».

Воевода слушал и радовался тому, что сын прогнал Бейи, и огорчало это его из-за раздоров, которые могли возникнуть, а то и волнений среди шляхты, которых в те времена долго искать не приходилось. Поэтому он говорил:

«Сын мой, сейчас нам следует быть начеку. Слова, которые ты сказал Бейи, ни он, ни Башо не оставят без мести. Мы должны приготовить в этому наших людей, и как можно скорее».

«Кто знал, что это зайдёт так далеко? Башо вместе со всей своей бандой — мстительный, а главное — алчный человек: поэтому нет ни малейшего сомнения в том, что ему снова захочется что-нибудь принести в своё разбойничье гнездо. Тем более, если Торналли уже вступил во владение своим наследством, в чём я, однако, сомневаюсь. Вы знаете, что прешпоркский сейм объявил его врагом родины, как и всех прочих, кто живёт подобным образом. И если они не сдадутся и не сдадут свои крепости королю, который уже добился превосходства над Изабеллой, то непременно будут принуждены силой оружия».

«Многое, сын мой, говорится как на наших конгрессах, так и на венгерских сеймах, но всегда остаётся вопросом, будет ли это вопло-

щено в жизнь. Ведь любое из этих постановлений можно различными способами перевернуть и исказить».

«Вы правы, отец! Однако если он и придёт, то не застанет нас врасплох. Впрочем, я сомневаюсь, что он придёт».

«А я не сомневаюсь, но и не хочу этого, — говорил старый воевода. — Но пойдём посмотрим, где мать и Гедвика, там это обсудим подробнее, не будет ли лучше на время покинуть Тарнов и удалиться куда-нибудь в другое место».

«Для вас так будет лучше, может быть и для матушки, сестра тоже может идти с вами, но я останусь защищать Тарнов до тех пор, пока не буду уверен в том, что никакая опасность ему более не угрожает».

С тем они покинули залу и направились к матери с дочерью, которые, сами не зная почему, громко плакали. И всё же результатом совета об оставлении Тарнова было то, что ни мать, ни дочь не позволили угоризить себя покинуть Тарнов. Стало быть, они остались со стариком. Гедвика помирилась с братом и просила, чтобы он простил её за то, что она о нём так думала. Он не ругал её за то, что она ему не доверяла, не злился на то, что обвиняла его в чём-либо, о чём он знать не знал.

«Я знаю, что ты влюблена и поэтому не удивительно, что пришла к таким мыслям, — говорил ей юный Тарновский, когда она просила о прощении. — Любовь слепа. Ты и Торналли в неё погружены и потому не видите».

10. В тюрме

*Ach, sladké sú to mladých hodiny,
V ktorých žiaľ sladko hovorí,
V ktorých hneď v nebies lietáť výšiny,
Hneď živlov zemských priestory.
Sládkovič¹*

Сладкими были эти часы, которые дочь Башо и наследник Мурана проводили возле Муранки, эти сладкие часы любовного свидания. Но минуты бегут, время уходит. Каждая наступающая минута сомнительна. Ещё час назад мы чувствовали блаженство, но час прошёл, и наше счастье превратилось в беду.

Так было с Торналли и Гедвикой, когда они впервые доверчиво сели друг возле друга. Едва миновала минута, и один, и другой шагали навстречу несчастью и гибели. Пришла минута, которая осыпала их блаженством, но, впрочем, пришла и другая, которая всё то, что принесла

¹ «Ах, сладостны часы молодых,
Когда печаль сладко вещает,
Когда сразу паришь в небесной выси
Сразу в стихии земных просторов.

первая, погубила. Так это и случилось при свидании Мариены Башо с Торналли. Ни он, ни она не знали, что принесёт им ближайший час, ни один из них не предчувствовал, выпадёт им счастье или несчастье, блаженство или катастрофа.

Надолго засиделась Мариенка возле Муранки, дольше обычного. Ещё ни разу она так долго не выстаивала, однако ни разу ей не было так трудно расставаться, как сегодня. Грудь её охватило какое-то тайное опасение. Ах, ведь эти странные чувства часто обступают юные девичьи сердца. Она и хочет чего-то, и не может. И думает, что она спокойна, однако в душе её бушует буря, в груди её идёт бой. Кто знает, ушла бы Мариенка, кто знает, была бы она в состоянии, если бы к этому не принудил её Торналли:

«Ступай, Мариенка, — говорит ей юноша, — кто знает, не ищут ли тебя? Ступай, чтобы не выдать, что встречаешься с лесным парнем. Это могло бы повредить и тебе, и мне».

Ещё раз глянула девушка в быстрые глаза юноши, ещё раз подала ему на прощание руку и быстрым шагом, но с мучительной печалью покинула Торналли. Ничего не произнесли его уста; но тем больше сказали её взгляд и горячее пожатие руки.

Но и взгляд Торналли с грустью провожал спешащую русалку Мурана.

Она ушла.

Чаща вот-вот скроет её. А Торналли всё ещё стоял задумчиво, погружённый в свои мысли, смотрел перед собой и не замечал, что рядом кто-то есть. Вот он очнулся от задумчивости. И было поздно.

Он кинулся к оружию, оно было похищено. «Эй! Негодяй! Где моё оружие! — кричит он и, схватив незваного гостя, уже прижимает его к земле.

«Кончай с ним, столкните его, — слышался второй голос, и вскоре двое уже держали Торналли в своих лапах. — Хватайте его, свяжите и доставьте в Муран!»

«Ого! Ну уж нет, сволочь вероломная! — кричит Торналли, и двое уже падают к его ногам. — Сколько бы вас ни было, всех на траву уложу и головы словно маковые головки поотрываю!» Он хочет осмотреться, вкладывает пальцы в рот, хочет свиснуть, но тут один из тех, кого он уложил на землю, пришёл в себя и схватил его за ногу, Торналли потерял равновесие и упал на землю. И едва он оказался на земле, тотчас был связан по рукам и ногам, так что едва мог шевельнуться.

«Эй, лесной парень, потяжелели твои резвые ножки. Подожди, отдохнёшь так, чтобы никогда уже не мог бегать! Долетался, влюблённый голубок, доворковался, вместе с сизой твоей голубицей. Ей и впрямь не снилось, в какую клетку будет заперт её любимчик», — говорил один из тех, кто следил за Мариеной, куда она отправилась.

«Выследили мы вас, птички прекрасные. Завтра вы точно не будете так сладко ворковать как сегодня».

«Молчи, негодяй! Ты дорого заплатишь за свои дьявольские ухмылки, — отрезал ему Торналли. — Не миновать тебе виселицы, как и этим вероломным людям».

«Ха-ха-ха, — вместе с Башо расхохотались его спутники. Это он вместе с другими выслеживал, куда она ходила. — Ха-ха-ха, это каждый нам пророчит, и каждому его пророчество обходится так же, как троянской Кассандре; их пророчества никого не затрагивают, а что напророчат, всё с ними сбывается».

«Но тебе, чёрное чудовище, не уйти от виселицы, это я тебе как Бог свят обещаю, — сказал он Башо, поскольку именно он так насмешливо с ним разговаривал.

«Ха-ха-ха, — рассмеялся тот. — Ну, если ты мне это предсказываешь, должен и я тебе кое-что. Я тебе взаимно предсказываю, что никогда ты меня не увидишь на виселице, поскольку раньше меня отправишься на тот свет; и прошу, когда придёшь туда, приготовь для меня какое-нибудь удобное местечко. Буду стараться отслужить тебе достойно».

Едва успел он это договорить, в лесу сверкнуло, раздался выстрел и пробил Башо шляпу.

Тихо было в Муране, когда Торналли был связан, «чтобы смог мне отслужить, когда первым отправишься на тот свет».

«Ага, это был выстрел из банды Торналли, — заревел Башо и глаза его налились злобой. — Это я тебе говорю, хлопец, если ещё один прозвучит, в меня попадёт или в кого другого — ты сын смерти!»

«От которой тебе не откупиться, которая за каждым углом тебя подстерегает», — мужественно ответил Торналли.

И пришли они в Муран. Торналли просил, чтобы его отвели к Башо, поскольку он не узнал его. И привели его к чёрной башне, где его развязали, но темнота и спёртый воздух были юноше тяжелее пудовых оков.

Тихо было в Муране, когда связанный Торналли был приведён в чёрную башню, тихо было и тогда, когда двери башни закрылись, чтобы ограничить свободу юноши. Тихо и пусто было повсюду. Казалось человеку, что никто не видит, никто не обращает внимания на то, что совершают Башо и его помощники. Но два глаза обратили пристальное внимание на их приход и на жертву, которая попала им в руки. Слеза печали, горькая слеза стекала из прекрасных глаз по шёлковой щёчке.

Всюду найдёт человек добрую душу. Нашлась она в разбойничьем Муране, где мало кто искал бы её в это время.

Настала тихая, прекрасная ночь. В Муране все уже улеглись в лоно сладкого сна, и только двое глазок не задремали. Мариенка не спала. Казалось, не шёл к ней сон. Долго, долго смотрела она на звёздное небо; закрыла окно и скрылась в своей комнатке.

Вдруг показалась фигура, укутанная в белые одежды, которая двигалась в направлении зелёных дверей чёрной башни, в которых и скрылась.

Это была Мариена.

«Я тому виной, что он попал в руки губителей, и я должна его освободить», — говорила она себе, когда закрывала окно своей спальни и намеревалась это исполнить.

Войдя в башню, она взяла небольшой факел, чтобы светить в тем-

ноте. Торналли сладко спал, вокруг его губ, казалось, пролетела лёгкая улыбка. Девушка любовалась молодым парнем, но печаль залила её сердце как только она подумала, в каком положении он находится. Она долго, долго так стояла, долго смотрела на него и, наклонившись над ним, слеза боли выскользнула из её глаз и упала на лицо юноши, который тихо пробудился ото сна.

«Где я? — были его первые слова. — Кто это рядом? Гедвика, это ты? О. Я счастливее, что ты снова со мной! Ах, это был страшный сон! Ну, иди, иди сюда, душа души моей!»

«Мой Торналли», — произносит Мариена.

«Торналли? Что за страшный голос! Кто это меня зовёт? Это не голос моей Гедвики. Где я, что это за чужак?»

«Торналли, сердце моё разрывается!»

«Ах! — это был не сон — это страшная действительность! Чего ты хочешь от меня, ты сирена-обольстительница? Зачем меня будишь, зачем беспокоишь? Неужели не стыдишься своей измены? Не довольно тебе моего заточения, моей неволи, до которой довела меня твоя измена, тебе этого мало?»

«Мой Торналли, я невиновна!»

«Невиновна! Да, это красивое слово! Ну так исчезни со своей невинностью, которая схожа с волчицей, передувившей всё стадо».

«Торналли, мой Торналли, ты обижаешь меня, выслушай меня».

«Нет, нет, слышать тебя не могу! Удались как можно скорее, или я позову стражу. Ведь я забыл спросить, зачем барышня изволила ко мне прийти. Послана моим губителем, чтобы потешаться над моими муками? Извольте ответить».

«Я пришла сама по себе, — сказала девушка печально. — Никто не знает о моём приходе».

«Так же как о том, возле Муранки! Прочь, прочь, ничего не желаю слышать», — кричал разгневанный юноша на дрожащую девушку.

«Ухожу, ухожу, если ты об этом просишь», — говорит и выходит вон измученная, заплаканная девушка.

Торналли остался один. Мариена скрылась так же быстро, как и пришла, только с более тяжёлым сердцем.

Да, так и случается в жизни! Человек то блаженством, то счастьем охвачен. То нас радость, то печаль охватывает. Молодые люди то в небесные выси, то в страшные пропасти погружаются. То обнимают предмет любви, то пренебрегают им, вдруг преклоняются перед ним и снова его порочат, преклоняются перед ним, а следом низвергают. Минуту назад наибольшую радость, наивысшее блаженство они испытывали, едва минуло несколько мгновений — наибольшая боль врезается в молодые груди двух юных душ. Судьба, которой все мы шагаем навстречу, непостоянна как погода в апреле. Какое спокойствие, какое блаженство всего лишь несколько часов назад пребывало в двух юных сердцах, Янко и Мариенки, когда они засиделись на берегу Муранки! Какое горе, какая боль охватила те самые сердца! Где та задумчивость, где та отрада, которые они взаимно предоставляли один другому? Ис-

чезли в несколько мгновений. Недоверие, презрение и полная мучений боль захватили обоих. С болью в сердце остался он в объятиях страшной судьбы, с болью в сердце покидала Мариена его тюрьму. Это была красивая ночь, но что-то странное происходило в долине Мурана. Наверное ещё никогда не было слышно столько свистов, такой переключки сычей и сов, которые нарушали господство тишины этой ночи. Но и они устали. На Стошках и Краловой Голе появились два огонька. Минуту они горели и снова гасли, что повторилось трижды, прежде чем они погасли окончательно. Что бы это могло быть? Неизвестно! На следующий день ходили слухи, что на Стошках и на Краловой Голе собралось множество лесных парней. Эти слухи никого так не испугали, как разбойников Мурана, особенно их атамана Башо. Он удвоил стражу Мурана, поставив к чёрной башне двух солдат, чтобы рядом с ней никто не ходил, не говоря уже о том, чтобы заглянуть и увидеть нового узника. Друг всегда найдёт друга и не оставит его даже в самой большой опасности. Верная душа найдёт средства, преодолеет любые препятствия, которые окажутся на её пути, когда речь идёт о встрече либо о вызволении из опасности сочувствующей души, даже если она сама может пасть жертвой. Так и через эту стражу сердце Мариены умело найти дорогу в глубокую темницу. Однако как первый, так и этот раз не был более счастливым. Торналли не желал её видеть, ещё менее — слушать.

«Торналли, прости, что я беспокою тебя! Бог мне свидетель, ты обвиняешь меня без причины. Это мой последний визит. Я должна тебе кое-что сообщить, что рассказал мне Ковач».

«Нисколько тебе не верю!» — прервал её речь Торналли. Однако Мариена не испугалась и продолжила.

«Как я уже сказала, больше не приду к тебе, и кто знает, что может случиться? Мой дядюшка вернулся из Тарнова, Бейи остался там. Тайные разговоры, которые ведут отец с дядюшкой, меня пугают, а тебе опасны».

«Да, мне опасны?» — горько засмеялся Торналли.

«Не только тебе, но и твоей невесте, которую подстерегает Бейи; и не только ей, но и твоему другу Тарновскому! Он тебе и по сию пору верный товарищ, и он точно так же страдает, как и я из-за того, что ты обвиняешь его в измене. Если хочешь знать, кто твой предатель, я скажу тебе».

Торналли молчал и словно ошеломлённый прислушивался к словам девушки, которую он ещё никогда не слышал говорящей так решительно. Но едва прозвучали последние слова, взгляд его остановился на хрупкой фигуре, словно желая спросить об опасном неприятеле. Мариена, не дожидаясь устного приглашения, продолжала:

«Не я, не Тарновский, но Бейи является твоим неприятелем, вместе с моим дядюшкой! Если бы не они, мой отец не совершил бы того, что совершил. Если бы не они, ты не был бы тем, кем являешься сейчас. Это слова твоего покровителя Ковача. А ещё тебе можем сказать, что Бейи хочет увести твою невесту и поэтому ищет твоей смерти, и замышляет против Тарновского, который стоит у него на пути. Если хочешь мне

верить, верь мне. Навязать тебе это силой? Невозможно. Однако последний мой совет таков, если не хочешь себя в тюрьме, а то и в более горьком положении видеть и при этом не хочешь погубить свою невесту, постарайся освободиться тотчас, пока есть время. Я ещё раз уверяю тебя в добром своём отношении; если хочешь, можешь мне верить, нет — так нет! Если веришь мне, следуй моему совету: возвращайся в Тарнов, чем сохранишь не только себя, но и Гедвику, и своего товарища».

Торналли задумался, у него голова шла кругом. А Мариена вопрошающе смотрела ему в лицо.

«Ты говорила, что хорошо ко мне относишься. А можешь ли это мне доказать?» — сказал в замешательстве Торналли.

«А такие доказательства существуют?» — спросила уверенным голосом Мариена.

«Доказательством этого будет то, что завтра ты снова здесь меня посетишь, и сегодня не последняя, как ты сказала, наша встреча. Я подумаю, должен ли следовать твоему совету, и увижу, так ли искренне ты ко мне относишься».

«Однако я скорее хотела бы, чтобы ты сегодня последовал моему совету. Мы не знаем, что может случиться».

«Если не согласишься на моё предложение, которое для меня может стать доказательством твоего доброго отношения, не могу и я принять сегодня твоё предложение».

«Хорошо, я принимаю твоё предложение и готова столкнуться с тысячей препятствий, но сдержать слово. Вот моя рука». Торналли взял прекрасную ручку девушки и тихонько пожал её.

«Однако скажи мне, Мариена, если ты так защищаешь честь и невинность Тарновского, известно ли тебе что-либо в его оправдание?»

«Известно, и если хочешь, ещё сегодня я могу тебе рассказать».

«Разумеется, мне интересно», — попросил Торналли и Мариена описала всё подробно: как Бейи пришёл в Тарнов чтобы его погубить, как Ковач собрался его защищать, как пришёл с опозданием, и как набрёл на уже раненого Торналли, откуда привёл его в Пустынь. Рассказав это, Мариена оставила Торналли в задумчивости.

11. Ужасная ночь

Партия Фердинанда изо дня в день добивалась всё большего перевеса. Друзей Запольского становилось всё меньше, а некоторые покинули и его наследника. Овдовевшая Изабелла вверила дела своего сына Утешиновичу, который одновременно был и его воспитателем. Утешинович долгое время горячо отстаивал интересы своего воспитаника.

Фердинанд, захватив большинство земель, где прежде господствовал Запольский, был со временем всей Венгрией признан как король. Это обстоятельство принудило его уделять больше внимания Венгрии. Чтобы как можно быстрее навести наилучший порядок, он созвал в

Братиславе сейм. Тут среди прочих судебных разбирательств на стол сейма легли и жалобы на шляхту, что та свои крепости, которые ей для защиты страны были доверены, не для этой защиты, а в качестве убежища разбойников и для преступлений использовала. В числе тех крепостей, которые признали разбойничьими, была и крепость Муран, из которой Башо из Чолтова совершал может быть самые большие грабежи. Башо, а с ним и все прочие, были объявлены врагами отечества и как таковые должны были силой оружия приведены к покорности. Эта неприятная новость поначалу конечно поразила Башо, однако очень скоро страх исчез из его чёрного сердца, и ужасная мысль захватила его ещё более чёрную душу.

«Да, ты мой, — говорил он, расхаживая по комнате. — Не знаю только божественной или дьявольской мыслью должен это назвать».

При этом его толстые губы растянулись в дьявольской усмешке.

«Всё в твоей воле, прекрасный охотник, захочешь ли ядом добровольно отречься от мира, либо другой тебе в этом верёвкой поспособствует. Однако не только ты, но и другие с тобой погибнут, кто вмешивался в то, что его не касалось. И тебе было бы лучше в Пустыни, а не здесь кости свои сложить. Длинный язык может и жизни лишить. Ты и без того стар, это не станет для тебя большой потерей! Ты принёс мне известие о том, что муранский наследник жив, я принесу тебе известие о его и одновременно о твоей смерти».

Эти слова были адресованы Сереме.

Сегодня стража от чёрной башни была убрана. Все удивлялись этому. После чудного дня наступила мрачная ночь, которая словно облако навалилась на муранскую долину. Густой туман, густая темень покрыли Муран. Дневной шум затих. Наступила тишина, однако эта страшная ночь и тишина скрывали ужасное преступление. Тишину ночи нарушали пищащие голоса сычей и сов, которые раздавались как никогда прежде со всех сторон Мурана. Однако и эта тишина прошла, а налетевший вихрь предвещал большую бурю. Молнии начали пролетать по небу, за которыми последовали такие страшные раскаты грома, что задрожали могучие грабы. Никто ни за что на свете не отважился бы выйти наружу из-под своей крыши. И всё же если бы кто-нибудь осматривал муранские ущелья, не одного но целые толпы он заметил бы при вспышках молнии. И в Муране не все спали, поскольку при вспышках молнии они могли бы заметить как кто-то идёт по пустому двору, и торопится он к страшной чёрной комнате Башо. Подойдя к дверям, он постучал, и вскоре двери отворились.

«Ну, какую новость несёшь?» — сразу разнёсся по комнате оглушительный голос Башо.

«И хорошую, и плохую», — был ответ вошедшего Мартина, брата Башо.

«Сначала рассказывай хорошую».

«Сереме и Торналли уже обнимаются где-то на небе. Первый получил как отшельник шёлковую верёвку, а второй, напившись шампанского, уснул на веки».

«Значит ему понравилось?» — засмеялся Башо.

«Должно быть, до сих пор пена на губах».

«Значит он всё же соблюдал этот краткий пост».

«Хм, кто три дня постится, у того на четвёртый хороший аппетит. Но если бы он знал, каким будет эффект, кто знает, возможно, ещё и сегодня предпочёл бы поститься».

«Может ещё что-то хорошее знаешь?»

«То, что Бейи сегодня с богатой добычей, как докладывает прибывший гонец, уже приближается в Мурану. Невеста Торналли посетит Муран с многочисленными сокровищами».

«Пошла добровольно?»

«Нет, Бейи с нашими напал на дворец. Что было из золота, забрали, как и всё, что удалось унести. Воеводу тоже ведут, его жена погибла в пожаре; юный Тарновский спасся бегством. Однако Гедвика, видя, что уводят отца, последовала за ним добровольно. Что касается добычи, должна быть богатой».

«Так когда же придёт Бейи?»

«Возможно, его эта буря задержала, не то был бы уже здесь. Завтра точно придёт».

«Ну, что ещё у тебя?»

«Хорошего ничего!»

«А плохого?»

«Салм с войском на пути к Левицам. Да, говорят, что Баласса со своими потерпел поражение и движется на Муран».

«Ха-ха, пусть только явится, — дико рассмеялся Башо. — Пусть только явится со своими героями, по крайней мере поразбиваю их немецкие тыковки. Муран — это им не крепость, построенная из шпината, пусть только придут и попробуют!»

«Тарноци советует, чтобы мы по крайней мере пытались этого избежать», — говорит Мартин.

«Ага, этот трус вечно боится, он готов просить о милости этого немецкого проныру».

«Шерини с ним тоже согласен».

«Ага, этот только там охочь биться, где видел бы красивых девушек, страху на них нагонять. В конце концов и ты перейдёшь на их сторону. Что, нет такого желания?»

«Все шутки сейчас в сторону. Кто знает, как это может выстрелить. Но я хотел бы подчиниться только при честных условиях».

«И что же это за условия?»

«Те самые, что ты задумал».

«То есть?»

«Тебя признать наследником Мурана!»

Башо посмотрел на Мартина, не сказав ни слова.

«Полагаю, ты с этим согласишься? — говорит Мартин. — Имеешь на это право. Торналли больше нет».

«Ну и как по-твоему мы могли бы этого добиться?» — спрашивает Матей.

«Как? Скажем, что наследник Мурана погиб в Польше. Отправим послов к Изабелле, чья партия совсем ослабла: предложим ей наш союз, если вручит нам владения Торналли как наследство. Она на это непременно согласится. Если не согласится она, будем объединяться с Салмом, которому предложим те же условия, добавив, что и мы на сторону Фердинанда против Изабеллы и её сына перейдём под его флагом».

«Обсудим это завтра, — говорит Матей. — И пошлём к Изабелле патера Григория с Петровичем. Пусть с ней договариваются. Удастся ли нам это, Салм ли придёт, мы сможем рассчитывать на помощь партии Изабеллы; если не удастся, тоже ничего не потеряем».

Пока Матей с Мартином обсуждали, что предпримут в случае осады Мурана, в крепости происходили такие события.

Как только Мартин покинул чёрную башню, к ней приблизилось множество хорошо вооружённых, крепких мужчин. Двери башни были конечно заперты, но это продолжалось недолго, пришедшие открыли их с помощью соответствующих инструментов. В то время как несколько человек молча вошли в башню, остальные стояли снаружи, при этом каждый опирался на стену, словно стоял на страже.

Страшной была картина, которую представила им тюрьма. Никто не предполагал, что увидят их глаза через несколько мгновений. Пустая тьма и глухое безмолвие господствовали в чёрной башне, когда в неё вошли товарищи юного Торналли. Зажжённые огни сделали её ещё более мрачной, чем она была на самом деле. К тому же мучительные, словно со смертью борющиеся вздохи наполнили всех ужасом. Пройдя вплоть до последних ям, откуда доносились вздохи, все остановились словно громом оглушённые. Их поразили слова, которые доносились из темницы.

«Я умираю!.. Боже, будь милостив ко мне! Ты жаждал юной жизни — можешь получить её в жертву. Помилуй тебя Боже, несчастный отец!»

Стало тихо.

Никто из присутствующих не отважился прервать последний вздох несчастного узника. Молча пришли, молча удалились друзья Торналли, как из чёрной башни, так и из крепости.

Едва они спустились с высоких укреплений, голоса сычей раздались вокруг, ответом было гукание совы. Прошло всего лишь несколько мгновений, а несколько парней уже были на верхушке «Шанцев», а к ним всё в большем количестве присоединялись в том числе и те, кого мы могли видеть на Муране.

«Мечь, Божья мечь!» — был ответ последних.

«Где Торналли?» — слышалось снова.

«Торналли? — говорит скорбным голосом один из присутствующих. — Торналли свободен!»

«Да здравствует Торналли!» — снова зазвучало вокруг.

«Свободен, дорогие братья, — говорит дрожащим и скорбным голосом предыдущий, — однако свобода его отлична от нашей свободы. Он свободен от разбойника Башо, но свободен не так, чтобы мог разделить свою свободу с нами. Тело его навеки избавлено от свободы жиз-

ни. Свободой пользуется сейчас только его дух. Свободы жить лишил его жестокий разбойник Мурана, и поэтому месть ему, вечной местью клянусь!»

«Месть, вечная Божья месть ему!» — повторяли все, а вслед за ними откликались и камни пустынных долин.

Скорбящим сердцем и с замирающей кровью слушали остальные новость, которую принесли их посланцы, отправленные в Муран для освобождения Торналли.

По окончании сообщения и совета все погрузились в размышления. Тучи на небе стали редеть, буря затихла и вскоре начало светать.

«Косы¹ гаснут, братья, — говорит один, прерывая молчание. — Время расходиться. Что обещали, постараемся исполнить. Вы меня выбрали вашим предводителем вместо Торналли, значит я хочу им стать и вместе с вами отомстить за смерть Торналли. Не сегодня завтра придёт Салм с императорскими, стало быть будьте начеку, в готовности в любую минуту. Кому из вас угодно, приходите ко мне на Красну Гурку, а кому угодно домой, пусть тоже уходит, поскольку уже наступил предельный час, чтобы мы остались незамеченными, в противном случае нам трудно было бы эти каменные укрепления захватить, ещё тяжелее их занять».

«Да здравствует Бебек, наш предводитель!» — закричали присутствующие выступающему. Вдруг далеко в лесу послышалось уханье совы и дважды визгливый голос сыча. Присутствующие замерли словно от испуга и все прислушивались, несмотря на то, что уже намеревались расходиться. Когда тот самый отклик повторился во второй и в третий раз, их беспокойство усилилось.

«Что это?» — спрашивали они друг друга.

«Это сигнал Торналли», — говорили одни.

«Нет, — отвечали другие. — Это измена. Будьте бдительны!»

«Кто из наших отсутствует?» — спрашивали третьи.

«Никто, кроме Торналли».

«Тогда дайте ему сигнал, что мы тут», — снова говорили первые.

«Дадим!» — был ответ большинства, и все взгляды обратились в Бебеку.

«Братья, — говорит тот, — поскольку ни вы, ни я не можем объяснить, в чём тут дело, и если бы я сам не видел Торналли в тюрьме умершим, я бы поверил, что это его сигнал. Будем готовы ко всему. Кто бы ни был, я за то, чтобы дать ему похожий знак: если он наш, ну так он придёт к нам, а если не наш, мы будем в готовности. Итак, дайте ему сигнал».

И один из стоявших возле Бебека трижды, раз за разом, имитировал крик совы.

«Не толпитесь, — говорит Бебек, — но и далеко не расходитесь, чтобы в минуту опасности все были под рукой. Здесь останутся только немногие, остальные пусть наблюдают, что будет происходить вокруг, не угрожает ли нам опасность».

¹ Косы — (уст.) созвездие Ориона. — Прим. пер.

Наступила тишина. Одни удалились, другие остались на месте, и среди них Бебек. Прошло несколько минут тишины. Но вскоре изда- лека послышалось, что кто-то приближается. Внимание всех было на- пряжено. Шаги раздались поблизости.

«Кто это?» — закричал Торналли, подходя к ним.

«Торналли!» — был радостный ответ. И снова было тихо, пока Тор- налли к ним не вышел.

«Что это вы такие смущённые?» — говорит Торналли.

«Мы тебя мёртвым считали» — говорит Бебек.

«Но почему?»

Бебек начал рассказывать, как они пробрались в Муран для его освобождения. Однако Торналли прервал его рассказ и, когда верну- лись те, что отходили, говорит:

«Потом расскажете мне как вам жилось. Кое-кто ещё находится в тюрьме и в опасности, поэтому мы должны постараться их освободить. Кто желает со мной в Польшу, дайте о себе знать. Принуждать не хочу никого. Все идти не можем. Мы должны разделиться надвое. Со мной пойдут лишь некоторые. Остальные останутся тут. Ваша главная зада- ча — никого не пропустить в крепость, пусть идут под руку Ковача. Он вас утром найдёт и скажет, что надо делать. Я на несколько дней уйду в Польшу к Тарновскому, где хотел бы заполучить в руки кровавого Бейи, который, как вам Ковач рассказывал, подлым способом хотел лишить воеводу дочери, так же как меня хотел лишить жизни. Я вас уже третью ночь ищу и не могу найти. Как получилось, что видите меня, узнаете поз- же. Сейчас на это нет времени, да и не следует нам поблизости от враже- ского гнезда пускаться в дальнейшие разговоры. Имейте терпение. Ко- вач вам об этом расскажет. Ждите его в условленном месте. Ну а сейчас разойдёмся. Вы, кто остаётся здесь, идите каждый в свою сторону, а те, что пойдут со мной, ступайте следом. А вы, пан брат Бебек, что посчита- ете необходимым предпринять для расстройтва могущества Башо, так и поступайте по своей воле. А сейчас позвольте мне удалиться».

«Сделаем всё возможное», — был ответ Бебека.

Бебек и Торналли подали друг другу руки и разошлись каждый в свою сторону. Да и пора уже было, если хотели, чтобы их не выдал всё более приближающийся день. Спустя не более получаса начало све- тать.

12. В Тарнове

Брат с сестрой помирились, но и в блаженные, тихие минуты они часто вспоминали о Торналли. Однако недолго длился этот их покой. Опасения воеводы были не без оснований. Кроважадный Бейи со сво- ими ненасытными воронами не заставили себя долго ждать. Что они сделали с воеводой известно. Напрасно старался Торналли освободить Гедвику из разбойничьих рук. Та прекрасная зала, где ему ещё маль- чишкой было так хорошо, сгорела до тла.

Слёзы заливали красивое юношеское лицо Торналли. Когда он увидел эти развалины, удивился, что сердце его не лопнуло от горя. Когда услышал о страшной судьбе воеводы и Гедвика, удивился, что не лишился разума.

О юном Тарновском он ничего не мог узнать.

«Прости, Гедвика, и ты, добрый друг! — говорил сам себе поверженный горем юноша. — Я причина вашего несчастья. Ах, Боже! За что так жестоко наказываешь меня? Несчастен тот час, когда я появился на свет, поскольку куда ни направлюсь, всюду преследуют меня одни несчастья. Ах, почему я не послушался тебя, Мариена! Гедвика не должна была угодить в опасность, в которой сейчас пребывает. Но ты, добрый ангел, который надо мной держал стражу, сохранишь и Гедвику, счастье которой является и моим счастьем, её боль — моей болью».

Кто знает, как долго изливал бы Торналли своё горе над пепелищем несчастного воеводы, если бы друзья не оторвали его от причитаний.

«Вы правы, — говорил он им, когда опомнился, — жалобами никому не поможешь. Вы доказали, братья мои, что являетесь мне истинными друзьями. Вы многое претерпели из-за меня, чего я вам никогда не забуду, однако вознаградить вас я не могу. Вы честью и жизнью своей пожертвовали ради меня. Мы не разбойники, хотя и называемся «лесными парнями». Моё и ваше имущество, моё и ваше наследство отнял у нас муранский разбойник. Наши отцы завещали нам самое дорогое из того, что имели: он лишил нас этого, но не только его, но и того, что нам после Бога было милее всего, наших детей, жён, — его вороны у некоторых из нас убили тех, кому мы обязаны жизнью. Вы знаете их, для вас это не тайна, что для некоторых из вас этот враг отца, мать, брата, сестру приказал жестоко казнить либо сам казнил. Потому призываю вас, станем их мстителями; не потерпим этот позор рода человеческого среди людей, но исключим его».

«Не потерпим!» — кричали все.

«Не потерпим, братья мои, — повторяет Торналли, — и моя последняя просьба заключается в том, чтобы вы ударили по Мурану, и если можете там кому-нибудь помочь, освободить от страданий и страшных разбойничьих мук, освободите. Пусть будет нашим девизом: «На Муран!»

«Да, на Муран!» — решительно повторяли все.

«На Муран, отомстить за столькие несправедливости, за столькие преступления, против нас совершённые».

«На Муран!» — ещё раз разнеслось над развалинами дворца Тарновских, и Торналли со своими друзьями умчался из Тарнова.

Может быть читателям будет любопытно узнать, как выбрался Торналли из чёрной башни на свободу? Торналли со своими спутниками как раз приближался к границе Венгрии, где издали были видны скалы Пустыни, в которой он пребывал.

«Видите ли, братья, — говорит Торналли, — видите ли эти скалы? Они укрывали меня от муранского тирана и его прихвостней. В них я пребывал как тихий отшельник с другом моего отца Серемы, но и этот бедолага уже истёк кровью за то, что отважился утверждать, что наследник Торналли жив, что он не погиб, как хотел бы этого Башо. Из тихой Пустыни его прогнало свидетельство правды, а меня — жестокость Башо. Как вам известно, его приспешники и тут меня отыскивали, отсюда, как и из Тарнова, я должен был исчезнуть. Здесь, под этими скалами жил я в глухой тишине гор, вспоминая о той яркой суете жизни. Ах, вы и не знаете, как тогда не раз мне было тяжело и тоскливо; не раз, побеждённый тоской, я целыми днями сидел тут и жаловался на неуживчивость людей, я жил с предположением, что моим врагом является мой друг юный Тарновский. И в этом заблуждении я пребывал, как вам известно, вплоть до недавнего времени, — и если бы не дочь Башо, кто знает, не остался бы я с ним до конца жизни».

Тем временем они добрались до Пустыни, где Торналли совершил со своими друзьями краткую молитву. И они отправились дальше.

«Как же это произошло, — спрашивали некоторые Торналли, — что вы освободились из муранской тюрьмы?»

«Да, да, — подтверждали другие, — вы обещали, что расскажете нам об этом по дороге».

«Как я оказался в Муране, вам известно, — начал рассказывать Торналли, — откуда освободился следующим образом:

Я пробыл в Муране всего лишь несколько часов, а Мариена уже посетила меня. Она обещала мне всё возможное и скорейшее освобождение. Я пребывал в том предположении, что только из-за неё оказался в плену, даже слушать её не хотел, поскольку думал, что она меня предала. Тщетно она оправдывалась, тщетно уверяла меня, что не виновата, я не обращал на это внимания и настойчиво просил увеличить стражу под угрозой того, что если стражу не увеличат, я либо сам освобожусь, либо буду освобождён другими. О чём я просил, то и случилось. Но она умела проложить дорогу к башне. В последнюю ночь она пришла вся бледная, на лбу её словно отпечатались свидетельства больших забот и страданий. Я ужаснулся этой перемене. Слезы, должен признаться, падали, а сердце могло разорваться от жалости, когда я увидел её перед собой такую измученную и с такими погасшими прекрасными глазами».

«Горе мне, горе тебе, Торналли, — говорила она мне голосом весталки, — если не спасёшься». Меня уже озноб бил, когда я видел её перед собой на коленях с этими сложенными руками и умоляющим взглядом, и когда она своим некогда приятно звучащим, а сейчас таким угрожающим голосом мне говорила: «Спасайся, спаси Гедвику, её брата и всю семью, а отца моего от страшных грехов, число которых с каждым днём возрастает словно половодье. Торналли! Будь милосерден ко мне. Не мучай меня больше, имей сердце, а не камень вместо чувств. Позволь себя уговорить. Сегодня, а завтра может быть поздно. Если не хочешь, чтобы жизнь моя стала жертвой отчаяния либо сумасшествия,

послушай меня. Пусть тронут тебя мои просьбы и эти погасшие безжизненные глаза мои. Ты раздумываешь? Не доверяешь мне?! Ах», — она вскрикнула, обильный поток слёз остановился и словно смертельно раненая она без чувств упала на пол темницы.

«Мариена дорогая, очнись, очнись, я во всём хочу последовать за тобой. Мариена, ты меня слышишь?» Я разбудил эту чувствительную девушку и был уже не в состоянии чему-либо противиться. Слёзы, которые я прятал, скрывать далее было невозможно. Всё прежнее недоверие исчезло и только тайные вздохи с удивительными мыслями как тогда, так и сейчас не хотели меня оставить. И не могу я понять, как может Бог такого исполненного злобой отца одарить такой доброй и благородной дочерью? Мариена снова пришла в себя. Остановленные слёзы снова лились по её щекам, словно принося облегчение, поскольку чем обильнее струились слёзы, тем быстрее она приходила в себя.

«Торналли», — шептали её губы слабым голосом.

«Чего ты желаешь, душа дорогая?» — спрашиваю я.

«Вот одежды, возьми их, они уведут тебя от гибели, свои оставь мне, они, пока ты будешь в опасности, будут здесь меня охранять».

Я задумался, поскольку не понимал, чего она собственно хочет, зачем предлагает мне свои одежды?

«Снова раздумываешь. Не задумывайся, время уходит. Нам дорога каждая минута. Вот мои одежды, только они могут вывести тебя из Мурана. Лицо можешь спрятать, пока не выберешься наружу. Это никому не покажется подозрительным, подумают, что у меня болят зубы. Возьми их и дай мне свои. Если тебя не захотят пропустить в ворота (что и произошло), тогда ищи другое место для побега».

Я молча взял предложенные мне одежды, переоделся и отдал ей свои. Она мне ещё раз рассказала, каким способом я мог бы выбраться из Мурана, если стража уже сменилась и не захочет выпускать меня наружу. Эту перемену в её лице, в её поведении я никогда не забуду, когда я уже уходил и она видела, что я освобожусь. «Ах, какая прекрасная была бы из тебя барышня, — шутила она со мной, когда я уже переоделся. — Ну, уходи уже, ради Бога!» — толкала меня прочь из тюрьмы и я счастливо из неё и из Мурана до вас добрался».

«Да здравствует Торналли!» — прокричали ему соратники.

«И вы со мной! — благодарил их он. — Не забудем своего девиза, чтобы мы могли освободить и ту, благодаря которой я освобождён, и ту, которая из-за меня заключена: и поэтому — на Муран!»

«На Муран!» — разнеслось вокруг и все умчались, словно ветер унёс их на своих крыльях.

Как только «лесных парней» поприветствовали волны прелестной Муранки, их уже ожидали целые толпы народа.

Молодые парни садились на своих коней и направлялись к Мурану. Чем ближе подъезжали к Мурану, тем глубже задумывался Торналли.

«На Муран!» — прозвучало вдруг в долине и толпа юношей на отменных конях высыпала на пути Торналли, который вздрогнул и схватился за оружие.

«На Муран!» — был ответ эскорта Торналли.

Противоположная сторона молчала, их начальника это задело.

«Торналли», — повторил он сам себе. И не успел ещё опомниться, как был уже рядом с ним. Его эскорт стоял словно окаменев, ни один не шевельнулся.

«Тарновский, друг мой любезный», — закричал Торналли и протянул руку предводителю чужаков.

«Торналли!» — воскликнул тот, спрыгнул с коня, и два юных товарища заключили друг друга в объятия.

«Да здравствует Торналли!» — прозвучало с другой стороны, когда дружина Торналли кричала во славу Тарновского.

«На Муран!» — повторили начальники и вместе двинулись вперёд.

Чем дальше они шли, тем больше их становилось, и это затрудняло их более стремительное продвижение.

Юным друзьям было о чём побеседовать. Многие вспоминали они из прошлого, а на всё огорчительное набросили попоны.

Оставим юных друзей вместе и посмотрим, что происходит в Муране.

13. Козни

После ужасной ночи засиял погожий день. Тучи на время ушли, чтобы впоследствии могли изливаться ещё обильнее.

Бейи, о котором Мартин говорил, что он приближается к Мурану, не заставил себя долго ждать. Солнце едва взошло, а он уже подходил к Мурану с богатой добычей, с пленным воеводой и хрупкой Гедвикой. Башо мало интересовало последнее, гораздо больше — первое. Вот Бейи и торговался с воеводой и его дочерью относительно своей любви. Узниками были отец и дочь, но при этом они не находились вместе. Если отец сидел в чёрной башне, богатая и золотом украшенная комната была тюрьмой Гедвики, что, впрочем, её нисколько не успокаивало. Она охотнее находилась бы в мрачной подземной норе вместе с отцом, чем в роскошном дворце с неприятелем. Сердце её разрывалось от горя, когда она думала об отце, о матери, о брате, о самой себе и — ещё о ком-то. Кем был этот некто, читатель легко догадается.

«О, родина моя! Большая беда тебя постигла. Не оставляй нас, Боже милостивый, освободи нас из когтей дьявольских извергов. Не покинь меня, слабую девушку, но дай мне силы терпеливо нести судьбу мою. Научи быть стойкой в своих намерениях. Не допусти, чтобы с родителем, с братом случилось что-либо плохое. Будь хранителем их и — того, кто столько несправедливости выносит, столько несчастий вынужден претерпеть. Дай победу правде и разори это гнездо, полное зла и несправедливости».

Примерно такие мысли, схожие чувства занимали девушку, когда на пороге её комнаты появился Бейи; с отвратительно слащавым лицом, с дьявольской усмешкой он радостно наблюдал то печальное состояние, в котором находилась девушка. Руки прикрывали её белое чело, а эти прекрасные глаза блуждали по земле, так что она и не видела, как вошёл Бейи.

«Дева! — сказал ей Бейи, — я должен сообщить вам нечто печальное».

Гедвика вздрогнула и болезненный возглас вырвался из её груди, а её взгляд с презрением рассматривал негодяя.

«Зачем ты меня мучаешь, жестокий человек?! Твоё присутствие терзает меня — оно меня убьёт. Прочь! Прочь!» — говорила взволнованно Гедвика.

«Если ты не хочешь выслушать последний привет того, за кого минуту назад так смиренно молилась, я уйду».

Девушка побледнела и дрожащими губами повторяла: «Последний привет того, за кого я молилась?»

«Да, того, — повторил Бейи. — Впрочем, если вы к этому не готовы, могу сообщить вам это в другой раз. Если не желаете, с Богом».

«Стойте! — закричала Гедвика уходящему Бейи таким повелительным тоном, что тот словно мальчишка остановился перед ней с опущенными глазами. — Говорите, что можете мне сообщить? Что передал мне отец?»

«Ваш отец? Нет — он ещё жив и хочет, чтобы вы как можно скорее вышли на свободу, чтобы потом и его, может быть, смогли освободить. И знайте, что он находится в большой опасности, поскольку подозревают, что он был связан с разбойниками, главой которых был Торналли, сообщниками которого было похищено ваше имущество. Вы были похищены, и только случай свёл нас вместе, благодаря чему мы смогли вас освободить и привести в безопасное место. Ваш отец был схвачен и как сообщник Торналли посажен в тюрьму. Брат — тот упорхнул. Что случилось с матерью, вы знаете. Торналли со своими сообщниками был схвачен. Все попали в руки справедливости».

«Эту ложь вы мне уже говорили, — прервала его Гедвика. — Можете ещё что-то сообщить?»

«Могу».

«Говорите».

«Торналли больше нет среди живых».

«Лжёшь!» — закричала разгневанная девушка.

«Он отравился в тюрьме, был как преступник приговорён к смерти вместе со всеми своими сообщниками».

«У вас есть доказательства?»

«У меня есть письмо вашего отца, который осуждён вместе с ним и спасение которого зависит только от вас: хотите вы его спасти или нет?»

Гедвика начала падать. В глазах у неё потемнело, и поток слёз замутил её взгляд.

«Письмо? От моего отца?» — говорила она невнятным голосом, словно это была не она. В её душе произошла большая перемена, поскольку слова Бейи оказали влияние на её сердце, несмотря на то, что она ему не доверяла.

«Это письмо — единственное, что способно избавить вашего отца от заключения, защитить ваше имя и честь вашей семьи. Однако всё это зависит от вас, согласитесь ли вы на условия, которые я изложу».

«Какие условия?»

«Скорее читайте письмо, чтобы вы поверили мне».

Гедвика взяла протянутое ей письмо и читала:

«Дорогая дочь!

Подчинись воле Божьей. Нас постигло несчастье. Я в тюрьме. Почему? Не стану даже писать, поскольку не хочу огорчать твоё и без того измученное сердце, и знаю, что тебе об этом расскажут другие. Довольно того, что мы страдаем безвинно. Торналли, как я слышал, отравился в тюрьме. Его друзья осуждены на смерть, среди них и твой несчастный отец. Верю всё же в справедливость Божью, что он этому воспрепятствует. Думай о хорошем и надейся на Господа Бога. Он нас действительно освободит. О матери твоей, о брате ничего не знаю. О тебе знаю только, что ты находишься в хорошем месте. Не беспокойся и будь благоразумной. Оставайся с Богом. К этому призывает тебя твой

Отец».

Прочитав письмо, девушка измученно вздохнула и, подняв взгляд свой к небу, произнесла: «Боже, дай мне знать дорогу к спасению!»

«Я вам её укажу; чем меня отблагодарите?» — произнёс Бейи.

«Освободите отца, и какая угодно благодарность, если я буду в состоянии дать её, будет ваша».

«Вашу ручку, дева!»

Гедвика была не в силах произнести ни слова. Сама того не желая, она склонила голову, что негодяй принял за согласие и удалился из комнаты с радостным и посветлевшим лицом.

Едва Бейи удалился, девушка предалась размышлениям, горькие слёзы горя заливали её красивые щёки. В комнате было тихо. Только вздохи печальной девушки то и дело нарушали тишину. В саду, который был под окнами Гедвики, был слышен песенный напев:

*Nenariekaj, nel'útosti,
Ved' sa to vše premení,
Pán Boh v svojej ťa milosti
Ochraňuje v súžení.*

*Never svetu, ale v svätú,
Dúfaj vždy božiu moc!
Na jej zastaň si podstatu —
Tvojho bôľu minie noc!¹*

Эти звуки постепенно привели в себя Гедвику, и она мысленно повторяла:

*Never svetu, ale v svätú,
Dúfaj vždy božiu moc!*

Вдруг через открытое окно что-то упало на середину комнаты. Девушка вздрогнула и подняла кинжал, который, завёрнутый в бумагу, упал к её ногам. Гедвика подошла к открытому окну, откуда доносилась в её комнату песня, откуда и кинжал прилетел, и хотела увидеть, кто его бросил; но тут уже никого не было.

«Что это, знак?» — думала она, разворачивая и обследуя бумагу, в которую был завёрнут кинжал.

«Не верь никому, верь в Бога! Будь тверда и не позволь себя сломить. Надейся, что очень скоро будешь на свободе. Это для твоей уверенности в час угрожающей опасности».

Такие слова прочитала она на расправленной бумаге.

«Да, это для моей уверенности, — произнесла она с посветлевшим лицом. — Новые козни мне строят. Кому верить? Тому или этому, — Она взяла в руки письмо от Бейи. — Нет, этому не верю, это не письмо моего отца, это обман. Обман, который должен быть отомщён. Ты, кинжал, будешь теперь моим другом, ты отомстишь моему предателю и мошеннику. Покуда ты со мной, нет для меня опасности, с тобой одна только смерть может меня разлучить. Ах, какая это, должно быть, добрая душа послала мне тебя».

Удивительно играют с нами наши чувства. Удивительно играли они и с нашей Гедвикой, которая, казалось, постоянно держалась словно неустрашимый победитель, снова подчинилась другим, более нежным чувствам; подобно лёгкому дуновению ветерка, когда обнимает он розовый куст, обнимала она в блаженных воспоминаниях своих любимых. Одно чувство другому протягивало руку; одно нас взволнует, другое разгорячит, третье напитает, а следующее счастливым сделает, и снова опечаленным либо жаждущим мести. Чувства наши играют с нами подобно тому, как разбушевавшееся море играет с плывущей

¹ *Не жалуйся, не сожалей,
Ведь всё переменится,
Господь Бог тебя любя
Убережёт в печали.
Не верь людям, верь в святое,
Всегда надейся на Божью силу!
Через её заступничество
Минует ночь твоей боли!*

лодкой. Игра моря вдруг забирает в жертву то, что нам дорого: так же и с нами. Счастлив человек, который является господином своих чувств, ибо кто поддается им, легко им подчиняется, кто позволяет чувствам увлечь себя, того они если не уморят, то безусловно одолеют. Так одолели они и прелестную Гедвику, когда она размышляла над всем тем, с чем пришлось столкнуться, что вынесла и что ещё может вынести.

Башо был тоже встревожен различными чувствами, которые, впрочем, были более разнообразными, порой выводящими из себя, но и успокаивающими. Он был спокоен, когда отправил послание к Изабелле, чтобы она признала его союзником и взяла под защиту; ещё спокойнее, когда приводил в порядок добычу, которую привёз из Польши Бейи. Этого спокойствия немного ubyло, когда Петрович с монахом Регором вернулись с известием, что Изабелла признаёт его союзником, однако Муран он должен ей отдать. Более всего его огорчало то, что Салм с армией пришёл под Муран и вёл подготовку к захвату Мурана. Первые атаки императорских войск он отражал с улыбкой, поскольку ему казалось, что крепость захватить невозможно.

Многочисленные заботы, которые доставляла Башо осада крепости, не позволяли ему даже посмотреть на своё дитя, что с ним происходит. Впрочем, он знал, что с тех пор, как застал её на свидании с Торналли, с ней произошла большая перемена. Хотя день за днём она выходила из крепости, никогда не возвращалась такой весёлой, такой спокойной, как бывало прежде. Однако отец, как видно, не обращал на это внимания. Его больше занимал осмотр железных, переполненных золотом сундуков, чем забота о дочери, которую он всё же горячо любил, как добрый отец любит своё дитя. И никогда не расспрашивал её о причине печали, не утешал её, ну и отдалялся от неё.

Так это продолжалось вплоть до роковой страшной ночи, когда мы видели Башо вместе с братом в мрачной комнате, где они строили планы, и где несчастный Башо радовался, что Торналли уже не сможет встать на его пути в деле Мурана.

Было это за день или за два до той страшной ночи, когда Мариена вся бледная пришла в чёрную башню к Торналли, чтобы спасти его.

Несчастливая девушка!

Она знала, что её отец замышляет что-то страшное против Торналли, и потому хотела его спасти. Она и не думала, что спасая его, подвергнется приготовленным козням.

Много ночей провела Мариена, терзаясь из-за того, что Торналли считает её виновницей своего заточения. Но когда Торналли покинул тюрьму, она совершенно спокойно легла на его кровать. Это был долгий, но укрепляющий сон. Ах, какой спокойной она была, когда пробуждалась и вспомнила, что Торналли свободен. Ах, уже так давно ей ничто не было так приятно, как в этот вечер перед ужасной ночью в Муране. И еда, и напитки пришлись ей по вкусу.

«За твоё здоровье, Торналли», — говорила она сама себе и выпила стакан хорошего вина — им и погасила свою молодую жизнь.

Вино и пища были отравлены ядом и предложены мнимому Торналли. Не Торналли, но собственная дочь, прекрасная Мариена из Мурана пала жертвой козней Башо.

Отец, ростовщик, радовался прибыли, что уничтожил состоятельного противника — а он убил собственное дитя.

Так Бог наказывает наши грехи!

В этой ошибочной уверенности, что Тарновский мёртв, жил Башо вплоть до возвращения своих посланцев от Салма.

Сначала на предложение Салма сдать крепость Башо отвечал с усмешкой: но когда увидел, что войско Салма увеличивается с каждым днём, что каждый день приходят к нему новые союзники, что его негодья возмущаются, Башо был вынужден отправить Салму послание.

14. Муранская война

«На Муран, на Муран!» — разносилось по утёсам скальной крепости и длинная шеренга юношей продвигалась по круче на Санец, где расположился лагерь Салма. Это воины Торналли и Тарновского. Бебек с остальными друзьями, которых у Торналли было не перечесть, уже собрались тут.

«Да здравствует Торналли!» — приветствовали его знакомые сторонники.

«Вы уже давно под Мураном?» — спрашивал Торналли Бебека.

«Всю неделю».

«Думаю, что мы сейчас захватим это орлиное гнездо», — улыбнулся Торналли и указал на пёструю шеренгу вооружённых парней, которые вслед за ним ступали вверх по склону.

«С этим будет довольно много работы», — произнёс Бебек и отошёл, чтобы дать необходимые указания.

Торналли шагал с Тарновским дальше.

«Бедняга мой отец! — вздыхал Тарновский, когда они приближались к укреплениям Мурана. — Бедствует, заключённый в этих мрачных стенах».

«В них и ты, и я похожую судьбу сносили, в них и твоя несчастная сестра может быть ещё большими муками измучена, чем мы. Видишь ли ту чёрную башню? Именно она скрывает твоего отца».

Оба замолчали и смотрели на мрачные укрепления Мурана.

«И кто знает, — нарушил молчание Торналли, — может быть до сих пор в ней страдает моя освободительница?»

«Какая освободительница?»

«Какая? Ведь я рассказывал тебе о Мариене, дочери Башо. Она тому причиной, что из моего сердца исчезли все подозрения против тебя. Она, не зная тебя, ходатайствовала за тебя, что ты невиновен. Да более того, когда я уходил, она пожала мне руку со словами: «Поприветствуй Тарновского и спаси Гедвику!»

Тарновский задумался. Если бы кто-нибудь наблюдал за ним во время рассказа Торналли, он безусловно заметил бы, что кровь всё сильнее прилиwała к его юношескому лицу. Его товарищ этого не заметил, и печаль, которая отражалась на лице друга, он принял за следствие болезненного напоминания о судьбе его семьи. А потому и он умолк. Уже не возобновляя беседу, они пришли в лагерь.

«На Муран! На Муран!» — звучало на следующий день по всему лагерю. И императорские, и друзья Торналли стояли в строю и только ждали от начальников сигнала к атаке. Торналли и Тарновский уже стояли в своих шеренгах, ожидали ещё Бебека и Салма, который был главным начальником. Но и они уже покинули бы лагерь, если бы не случилось следующее.

Салм и Бебек как раз хотели направиться к войску, когда из авангарда прибыл к Салму гонец с сообщением, что Башо прислал послов, уполномоченных для переговоров.

«Пусть придут», — был короткий ответ Салма, и одновременно он велел созвать военный совет. Прошло лишь несколько минут, а военный совет уже заседал и перед ним предстало посольство Башо. Во главе его находился сам брат Башо, Мартин, который после холодных приветствий со стороны Салма, говорил:

«Славные вожди, мужественные воины! Уже больше недели вы живёте под укреплениями мощного Мурана. Вы многократно пытались его захватить и всегда с одинаковым результатом. И уверяю вас в том, что сколько бы вы ни пытались, удачнее чем было не будет. Муран, как вы убедились, самой природой так укреплен, что его не только взять, но и подступиться к нему невозможно. Что касается внутренних запасов, их свободно хватит на три года. Но чтобы не лилась напрасно кровь людская, чтобы не растрачивать как ваши, так и наши силы, мы пришли от имени начальника крепости заключить мир под обязательными условиями и прекратить войну. Если ваша сторона примет эти условия, мы останемся друзьями вашей страны. Условия вкратце заключаются в следующем. Поскольку сын Торналли, наследник этого Мурана, который был отправлен в Польшу для воспитания, до сей поры неизвестным для нас способом ушёл из мира, просит теперешний начальник крепости, Матей Башо, чтобы ему, как самому близкому после Торналли, была оставлена крепость, а он был признан начальником и наследником. Далее, чтобы и прочее имущество, принадлежащее пропавшему наследнику, тоже ему было передано и он был подтвержден в качестве владельца. Если ваша сторона готова согласиться на эти условия, начальник Мурана заключает мир и в качестве вашего союзника вверяет себя под защиту императорской армии».

Мартин замолчал и отступил немного назад, ожидая благоприятных последствий своей речи. Меж тем он ошибался. Едва он умолк, без каких-либо церемоний, пренебрежительно, словно не обратил внимания на его слова, Салм спросил:

«Вы можете доказать смерть Торналли?»

«Можем. Воевода Тарновский является тому свидетелем. У него произошло покушение на жизнь Торналли, который был помолвлен с его дочерью», — говорил Мартин.

«У вас есть доказательства этого?»

«Есть, поскольку он не является, чтобы принять своё наследство».

«А если бы он явился перед вами, вы бы его узнали?»

«Конечно узнаем», — ответили посланцы Башо.

Салм кивнул одному из адъютантов. Тот удалился и сразу вернулся, а за ним вошёл Торналли.

«Как вы думаете, кто этот молодой человек?» — спрашивал Салм послов, указывая на Торналли.

На лицах послов было заметно смущение. Мартин и Бейи пришли в особенное смятение, когда увидели перед собой Торналли. Они стояли понуриив голову, и ни один не мог заговорить.

«Узнаёте его или нет?» — допытывался Салм.

«Нет!» — был ответ.

«Нет? — повторил Салм. — А Торналли узнали бы?»

«Это не Торналли».

«Ага, это не Торналли. Поскольку вы думаете, что в таком случае их должно быть двое. Один у вас в тюрьме, а второй тут. Вы шайка разбойников! Почему не отвечаете? Вы мерзавцы, и вы хотите вести со мной переговоры? Вы срам и позор, вы заслуживаете, чтобы вас заживо поджарили. Скройте из глаз и скажите своему начальнику, что мы заключим с ним мир, когда вас всех повесим на муранских буках. В этом заключается моё условие мира. Идите и оповестите всех в вашем разбойничьем логове».

Посланцы удалились.

Пока посланцы Башо оставались в лагере Салма, собралось семеро смелых, ловких испанцев, которые смогли вскарабкаться по скалам на Муран. С большим проворством и с высоким напряжением они пробрались в крепость, где обследовали ту часть, которая была самая слабая. Долго они оставались незамеченными. Уже почти всё осмотрели, когда их заметили. Завязался жестокий бой между разбойниками и испанцами, двое из которых погибли на месте, остальные пятеро должны были благодарить за сохранение жизни свои быстрые ноги и большое проворство в лазании по скалам. Они вернулись в лагерь императорских, доложив расположение крепости и её слабые стороны, чем облегчили штурм. Как только они сообщили всё, что разведали, Салм тотчас приказал идти штурмом на определённые неукреплённые либо слабо подготовленные к обороне участки.

«На Муран!» — звучало в рядах одних, — «Хурах!» — звучало в рядах других воинов и как поток все они кинулись на укрепления.

Завязался жестокий бой с обеих сторон. Крик, шум, лязг оружия во все стороны разносились по долине. Место Башо занял брат Мартин. Матя нигде не было видно, хотя прежде он всегда был среди первых в бою и последними выходил из боя. Разбойники сражались упорно, но когда большинство их пало и многие были ранены, они начали терять

присутствие духа. Пока оставались с ними братья Матея, они держались, но когда и эти были ранены, особенно когда не увидели в своих рядах Мартина, совсем ослабли; но сражались так, что императорским войскам никакими способами не удавалось войти в крепость, несмотря на самые яростные атаки. Уже началось отступление, когда вдруг Ковач и с ним двадцать человек вырвались из крепости и присоединились к императорским. Под их руководством императорским пришёл успех. Но им это тоже стоило многих хороших воинов. Так Хорватинович был тяжело ранен в грудь, когда призывал к атаке. Каспар Кастелувиус был сброшен разбойниками со стен и только железные доспехи спасли ему жизнь. Запата, раненый в голову, погиб к большому горю своих соратников и с ним много других воинов. Башовцы не могли удержаться и сдались императорским войскам.

Римляне и русины, которые находились в укреплениях в качестве наёмников, видя что над ними нет начальника, сами открыли ворота крепости неприятелю, который с обеих сторон врывался внутрь.

«Хуррах!» — раздавалось со всех сторон. Испанские солдаты с жадностью накинулись на железные сундуки, полные золота и серебра, которые насобирал Башо. Главные вожди сопротивления были схвачены. Среди них Франо Тарноки, Петор Шерини, Мартин и Деметер Башо, раненые братья Матея, и Андрей Бейи.

Все они были схвачены в крепости, которая находилась на восточной стороне замка. Только начальника крепости и всей этой банды нигде не могли найти. Напрасно его искали, напрасно осматривали каждый закоулок: в крепости его не нашли.

Во время последней битвы кроме Башо ещё и Бейи не было видно среди сражавшихся в крепости. Сразу после возвращения в Муран Бейи отправился в комнату Гедвики. Башо напротив, услышав о том, что Торналли жив, отправился в чёрную башню, чтобы увидеть, кто же пал жертвой его козней. Полный нетерпения он дошёл до башни. Наклонился над трупом — и горестный крик вырвался из его стальной груди, словно бы сердце его разрывалось от боли. Холод пробежал по всем его членам. Выпучив глаза, дрожа всем телом стоял он тут над трупом своего дитя — судьбой, собственной виной наказанный несчастный отец. Дыхание замерло в его груди, отчаяние сковало каждый его член, посиневшие губы задрожали словно осиновый лист, когда он посмотрел на этот сорванный цветок, когда увидел его увядшим, лежащим перед ним в пыли без малейших признаков жизни. Ох, какая это боль, какое это горе, когда родитель видит своё дитя подобным цветку в самом начале цветения поедаемым каким-то горем. Ох, какая это боль для родителя, когда он видит своё дитя спящим в объятиях ужасной могилы, в которую ввергла его только собственная алчность. Ох, велика эта боль,

велико это горе, которое описать невозможно. Словно оцепеневший стоял тут Башо над мёртвой Мариеной, не в силах хотя бы слезу обронить над своим несчастным дитя; стоял словно статуя, не слыша и не видя, что происходит и может произойти снаружи. Ни победные крики входящих в крепость императорских войск, ни громахание орудий не доходили до его слуха. Вдруг отворяется дверь, и юный Тарновский с оружием в руке и открытыми объятиями бежит навстречу отчаявшемуся Башо, который, заметив Тарновского, уклонился от его объятий и пустился наутёк.

«Это не мой отец. Где найти тебя, мой милый отец, жив ли ты? А тебя, дорогая сестра моя! Ты ещё тут? Соберёмся ли мы все вместе, как бывало в Тарнове? Отец, мать моя, ах! Тебя уже не увидим! Но прочь, прочь отсюда, тут нет отца моего, тут нет тебя, любимая сестра!»

Однако прежде чем покинуть тюрьму он лучше присмотрелся к ней.

«Ба! Хорошо ли я вижу? Это моя комната, где проводил я в нужде дни моей жизни. Это сладкое воспоминание мучительно-сладостных дней, когда я радовался, но и страдал».

И он остановился, и задумался. Вдруг провёл рукой по лбу, словно хотел что-то вспомнить.

«Что это тут?» — он присмотрелся к чему-то лежащему на земле. Холод его пронзил? и он невольно отвернулся от трупа.

«Определённо, это жертва разбойничьей алчности!»

Он ещё раз склонился над трупом, заглянул в лицо, словно хотел узнать его.

«Что это? Это одежды Торналли! — воскликнул он вдруг. — Мариена!» — спустя мгновение чуть слышно шептали его уста, словно он боялся вслух произнести это имя.

«Мариена! О ты, прекрасная душа! Доброе дитя отвратительного отца. Могу ли я верить собственным глазам, возможно ли, чтобы это была та, которая своим присутствием скрашивала мои мучительные дни, которая освободила друга из рук жестокой смерти? Как мир несправедлив! Боже, почему ты не уничтожишь злое племя людское, почему позволяешь подлости одолевать доброту? Ах, отец! Сестра! Неужели и с вами я должен встретиться так же? Прочь, прочь отсюда! К вам хочу идти! Вас, вас хочу увидеть!»

С этими словами, со скорбящим сердцем и горькой слезой в глазах покинул он башню, разыскивая в крепости отца.

Тело Мариены вместе с другими погибшими победителями на следующий день было торжественно погребено.

«Что с Гедвикой?» — встретил Торналли Ковача, когда со своими товарищами присоединился к императорским войскам.

«До сей поры хорошо».

«Знаете, где она находится?»

«Знаем, что все женщины укрыты в восточной башне, как в самой безопасной. Гедвика тоже там. Боюсь, однако, чтобы Бейи как-нибудь не выманил её оттуда».

«Ты дал ей знать, чтобы остерегалась его?»

«Да, но не знаю, поняла ли она меня. Я предупредил её издали, чтобы никому не верила. Поняла ли она, не знаю. Разговаривать с ней вблизи было не только опасно, но и не следовало, да просто невозможно было в сегодняшнем положении».

«Пойдём, чтобы устранить эту опасность, захватить свободный проход к ней и освободить её от большей опасности. Держись рядом со мной, чтобы быть всегда под рукой, если потребуешься как командир. А теперь на Муран. Он должен быть взят сегодня даже если бы его защищали все силы ада. С нами Бог!»

Оба последовали за остальными.

Восточное укрепление было самым защищённым от вражеских ядер, поэтому все женщины в нём были благополучны. Гедвика тоже тут находилась. В эту башню сразу по возвращении от Салма отправился Бейи. Не для того, чтобы укрыться от опасности, но чтобы посетить Гедвику. Придя к комнате Гедвики, которая была отдельной и никак не соединялась с комнатами других женщин, он нашёл её закрытой. На все стуки и призывы он не получил никакого ответа. Разгневанный Бейи, полагая что Гедвика сбежала, либо с ней случилось какое-то несчастье, навалился на дверь, чтобы выяснить, что случилось?

Когда дверь с треском упала, Гедвика тихо и спокойно сидела на кушетке. Перед ней стоял маленький столик, на котором лежала её белая, словно молоком наполненная округлая ручка, которой она подпирала своё лилейное чело. Бейи вошёл внутрь. Гедвика не шевельнулась, ни единым жестом не выявив присутствия жизни. Бейи слегка оцепенел.

«Простите, барышня, — сказал он, — простите, что прихожу к вам подобным способом. С одной стороны к этому меня вынудил страх, что вам угрожает какая-нибудь опасность, коль скоро на мой стук и даже на крик вы не дали знать о своём присутствии, второе, что меня к этому вынудило, это неотложные и отрадные новости о вашем отце».

Гедвика оставалась всё в том же положении, в котором находилась, когда Бейи высадил дверь, так что он начал сомневаться, жива ли она. Он шагнул дальше и хотел взять её руку, чтобы поцеловать её, та, не говоря ни слова, отдёргнула руку.

«Ах, дева, своей шуткой вы чуть было не напугали меня. Я уже начал сомневаться в том, что вы живы. Дева, я несу вам радостную весть! Ваш отец находится на свободе; с моей помощью ему посчастливилось выбраться из тюрьмы. Его самое пламенное желание — как можно быстрее увидеть вас на свободе. Нынешнее положение не позволяет мне всех вас назвать иначе как несвободными. Ваш отец настаивает на этом ещё и потому, что вам тут угрожает опасность, поскольку военное счастье изменчиво. Вы не можете знать, что может случиться в скором времени. Если вы доверяете мне, я с огромной охотой подчиняюсь ва-

шей воле и хочу провести вас тайным ходом прямо к вашему отцу, который вас с нетерпением ожидает».

У Гедвики сердце отлегло, когда он описывал освобождение отца и его нетерпение встретиться с дочерью; но она ничем не выдала своих страданий. Однако последние слова Бейи вызвали слёзы из её пылающих глаз.

«Ах, каким радостным будет это свидание давно не видевшихся отца и дочери», — вздохнул Бейи.

Гедвика больше не могла молчать.

«Кошмарный предатель! — произнесла разгневанная девушка. — Зачем ты увиваешься передо мной? Может быть для того, чтобы радоваться моему горю? Мало тебе того, что вырвал меня из объятий, которые составляли моё счастье; мало тебе того, что ты убил мою мать, посадил в тюрьму отца, с братом Бог знает что сделал? Мало тебе, что жениха моего вверг в несчастье? Чего ещё тебе надо? Зачем лжёшь мне, зачем заманиваешь меня в свои сети, которые терзают меня, которые только смерть мне сулят, но никак не принесут?»

Сильный грохот стрельбы разнёсся по крепости.

«Разве не слышишь ты предостережения, что приближается Божья кара, что получишь вознаграждение за свои деяния? Слышишь ли этот крик и угрозы, которые исполнятся? Знай, что больше ты не найдёшь меня сговорчивой ни в чём! Я поняла, что ты лгун, что ты лицемер, который не стыдится людей, который не знает Бога, не боится его».

«Дева, — произнёс бессовестный Бейи, — напоминаю вам о просьбе вашего отца, о вашем данном мне слове. Слышите, крики снаружи усиливаются. Если исход боя будет неблагоприятным, вы попадёте в руки врагов. Как неприятель обходится с женским полом, вам ведомо. Я хочу уберечь вас от этого и удовлетворить волю отца, не пойдёте добровольно — буду вынужден увести вас силой. Стало быть, не мешкаем, но пока есть время, используем его. Идём отсюда, отец нас ждёт!»

Гедвика встала и презрительно рассматривала Бейи.

«Предатель! — сказала она спустя минуту, — к чему ты хочешь меня принудить? Ещё раз говорю тебе, что в свои сети ты меня не поймаешь! Если прибегнешь к насилию, знай — тебе не жить!»

Она схватилась за грудь и блеснувший клинок засверкал в воздухе.

«Видишь эту британскую сталь, я омочу её в твоей чёрной крови, чтобы освободить эту землю от дикого зверя. Дрожи! Слышишь этот голос?»

Снаружи доносились победные голоса императорских солдат. В коридоре прозвучал голос Торналли:

«Моя Гедвика!»

«Ты слышишь? Это голоса победителей! Торналли, мой жених, идёт за мной. Твои планы и твои сети разорваны. Убирайся!» — и она оттолкнула от себя Бейи.

«Освободи мне и ему дорогу и любуйся на наше счастье!»

«Предатель! — кричит входя внутрь Торналли стоящему в дверях Бейи. — Готовься к бою, я выпущу твою предательскую кровь».

«Янко!» — вскрикнула Гедвика. Торналли присмотрелся и, увидев Гедвику, а с ней Бейи, замер. Пользуясь этим, Бейи хотел всей силой оружия нанести удар Торналли, чтобы разом покончить с ним.

В это мгновение Гедвика, несмотря на опасность, кинулась на грудь Торналли.

Удар перехватила Гедвика.

В отчаянии выскочил Бейи из комнаты, видя, что его удар зацепил несчастную девушку. Ничего не сознавая, Торналли обнимал свою невесту.

«Ах, мой Янко! Мне так же хорошо в твоих объятиях, как было когда-то в Тарнове. — слабеющим голосом говорила раненая. — Позволь мне ещё послать последний привет отцу, брату».

Голос её слабел. Руки судорожно обвилились вокруг шеи Тоналли и — Гедвики не стало.

«Разорвись сердце, погасните очи жизни моей, ведь больше нет ничего, что бы светило, нет больше ничего на свете, на чём мог бы отдохнуть мой взгляд. Во всём необъятном мире больше нет у меня никого. Исполни, небо, мою просьбу: погаси светильник жизни моей! Если не было мне позволено жить в счастье с моей Гедвикой, позволь мне по крайней мере вместе с ней закончить жизнь мою. Моя Гедвика, ах, не покидай меня, возьми, возьми меня с собой!»

В горестной скорби нашли Торналли его друзья.

Ах, какое это было горе для старого воеводы и его сына, когда они увиидели, как Торналли отчаянно обнимает бездыханное тело Гедвики. С большим трудом друзья оторвали Торналли от мёртвой Гедвики.

После занятия крепости наступило всеобщее разграбление накопленных Башо сокровищ, которые были спрятаны в железных сундуках.

На следующий день после похорон Салм вершил суровый суд над разбойниками, к которому был приведён и исчезнувший их начальник Матей.

Когда Башо выбегал из чёрной башни, он сразу кинулся в сторону, куда ещё не проникли императорские солдаты и где находилась тайная дверь, ведущая из крепости. Через эту дверь с двумя сообщниками Башо ушёл вплоть до Телгарта. Тут он наткнулся на одного чабана, который был знаком с его сотоварищами, участвовал с ними в набегах. Это усилило Башо и его спутников, причём два брата ему помогали. Напрасно сулил им Башо вознаграждение, если проведут его через горы в Польшу.

Башо привели связанным на суд Салма.

Салм порадовался этому!

Перед судебной палаткой в лагере Салма свершился кровавый суд. Франтишек Тарноки первым пал под мечом, потом Мартин, истекающий кровью от ран, полученных в битве, его брат Деметер, Бейи и Шерини.

Подобным образом были казнены ещё двенадцать человек.

Что касается Матея Башо, некоторые советовали, чтобы он как главарь разбойников был наказан более сурово. Многие советовали, чтобы он был колесован либо четвертован. Салм этот приговор смягчил: он должен был стать последним и наблюдать смерть всех.

Это произошло 15 августа 1549 года.

Так закончилась муранская война.

Освобождённый воевода вместе с сыном ещё до приведения в исполнение приговора над преступниками покинули Муран, увозя с собой в Тарнов и дорогие останки своей дочери.

Салм с армией направился в Тарнов.

Друзья Торналли порасходились.

А что наследник Мурана?

Какое-то время он задерживался у своих друзей, но потом исчез, покинув их и свои владения.

Крепость Муран перешла в руки короля.

Люди, которые время от времени посещали Польшу, ходили мимо Пустыни — и многие утверждали, что пожилой отшельник, проживающий там, переселился туда после муранской войны, и что это был ни кто иной, как наследник Мурана, Янко Торналли.

Тут он и закончил свою богоугодную жизнь.

Вот что рассказала мне бабушка о наследнике Мурана, Янко Торналли.